INSPIRIA

ЭНТОНИ ПАССЕРОН

УСНУВШИЕ ДЕТИ

18+

Основано
на реальных
событиях

В переводе
Ольги Егоровой

INSPIRIA

Уснувшие дети
Энтони Пассерон

Аннотация
Энтони Пассерон. Уснувшие дети
Пролог
Часть первая. Дезире
- MMWR
- Обстановка
- Сигнал тревоги
- Улица четвертого сентября
- Синдром геев
- Юность
- В царстве слепых
- Амстердам
- Институт Пастера
- Поездка в Амстердам
- БРЮ
- Уснувшие дети
- Наука
- «Супер-8»
- Киншаса
- Кофе
- Роберт Галло
- В секретном месте

Крестовый поход
Одесную Отца
Провал
Новая чума
T4
Деньги
ELISA
Лечение
Тест
Рождение
AZT
Больница
HPA-23
Под языком
Рок Хадсон
Остальные
Циклоспорин
Оцинкованный гроб
Часть вторая. Эмили
Дорога
VIH-2
Школа
HIV-87
Молчание
«Конкорд»
Тупик

«Дельта»
Бог Отец
Внутриутробная передача вируса по материнской линии
Черепашки-ниндзя
«Сталинград»
Маятник
Вашингтон
Ноябрь
Лотерея
И снова ноябрь
Эпилог
Нобелевская премия
Боль
Первоисточник
Свет

Аннотация

Спустя много лет после смерти своего дяди Энтони Пассерон решает рассказать историю своей семьи. Рассказать о том, как его дедушка и бабушка тяжелым трудом зарабатывали на жизнь в мясной лавке, чтобы обеспечить будущее своих детей. О том, как его отец пошел по их стопам. И о том, как его дядя Дезире – надежда семьи – оступившись, попал в ловушку, погубившую целое поколение молодых людей.

Автор сплетает вместе две неразрывно связанные истории: трагедию, до основания сотрясшую несколько поколений его семьи, и историю врачей, отчаянно противостоявших отрицанию и невежеству в попытках разгадать загадку таинственной болезни, превратившей в изгоев многие тысячи людей.

Энтони Пассерон
Уснувшие дети

© Егорова О., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Дело в том, что крысы подыхают на улицах, а люди умирают в собственных спальнях.

Альбер Камю. Чума

Пролог

Однажды я спросил отца, какой самый далекий город он видел в жизни. Он сразу ответил: «Амстердам, это в Нидерландах». Больше он ничего не сказал. Не отрываясь от работы, он продолжил разделывать тушу теленка. Отец был весь в крови, даже лицо.

Когда же я поинтересовался, зачем он поехал так далеко, то сразу заметил, как он стиснул челюсти. То ли разозлился на кусок телятины, не желавший поддаваться, то ли это мой вопрос так на него подействовал. Я толком не понял. Потом раздался сухой треск разрубленной кости, глубокий вздох, и он наконец ответил:

— Поехал искать этого идиота Дезире.

Передо мной оказалось неожиданное препятствие: я впервые за все детство услышал из уст отца имя его старшего брата. Мой дядя умер через несколько лет после моего рождения. Его фотографии я обнаружил в обувной коробке, где родители хранили фото и видео, отснятое еще на восьмимиллиметровой пленке. На фотографиях и видео были те, кто уже умер, еще молодые ста-

рики, собаки, там также оказались фрагменты и моменты беззаботных каникул на берегу моря или в горах. И снова собаки, всюду собаки… и вся семья в сборе… Люди в нарядных костюмах, собравшиеся по случаю несостоявшихся свадеб… Мы с братом могли часами разглядывать эти снимки, посмеиваясь над нелепыми нарядами и пытаясь узнать членов нашей семьи. Дело обычно кончалось тем, что мама велела сложить все фото по порядку, словно от этих воспоминаний ей становилось не по себе.

К папе у меня накопилось еще много вопросов. Были совсем простые, вроде: «А чтобы попасть в Амстердам, надо свернуть налево или направо от церковной площади?» Были и более сложные: мне хотелось знать почему. Почему, например, папа, который никогда не покидал родного городка, вдруг отправился через всю Европу искать своего брата? Но едва удавалось пробить брешь в резервуаре скопившейся боли и гнева, как он тут же спешил ее заткнуть, чтобы содержимое не расплескалось вокруг.

В семье по отношению к Дезире все вели себя одинаково. Отец и дед вообще о нем не упоминали. Мама всякий раз слишком быстро уходила от объяснений, произнося одну и ту же фразу:

«Все это очень и очень печально». А бабушка ловко уклонялась от ответа и приступала к смехотворным россказням, вроде мифов об усопших, которые с небес наблюдают за живыми. И каждый из них на свой манер скрывал истину. От этой истории сейчас не осталось почти ничего. Отец уехал из нашего городка, бабушка с дедом умерли. И все, что было связано с этими событиями, все декорации, в которых они происходили, поглотило время.

Эта книга — последняя попытка рассказать, что же все-таки случилось. В ней перемешаны воспоминания, отрывочные признания и опирающееся на документы воспроизведение реальных происшествий. Она — плод всеобщего замалчивания. Я хотел рассказать о том, через что наша семья, как и множество других семей, прошла в полном одиночестве. Но как наложить мои слова на их историю, не выхолостив ее? Как говорить от их имени без того, чтобы моя точка зрения и мои навязчивые идеи не вытеснили их собственные? Эти вопросы долго не давали мне взяться за работу, пока я не понял, что написать — единственный способ сделать так, чтобы история моего дяди Дезире и всей моей семьи не исчезла вместе с ними, вместе с нашим город-

ком. Я должен растолковать людям, что жизнь Дезире вписана в хаос мира, в хаос исторических, географических и социальных фактов. Я должен помочь выжившим отдалиться от своих страданий, выйти из одиночества, в которое их загнали мука и стыд.

На этот раз они окажутся в центре, а все то, что обычно привлекает внимание, отодвинется на задний план. Вдали от города, от прогрессивной медицины и науки, вдали от художественных поисков и военных действий они наконец где-то будут существовать.

Часть первая
Дезире

MMWR

MMWR[1], еженедельный эпидемиологический бюллетень, который публикуют в США центры профилактики и контроля над заболеваниями, во Франции насчитывает совсем мало подписчиков. И среди них — Вилли Розенбаум, заведующий отделением инфекционных болезней в больнице Биша — Клода Бернара в Париже. В свои тридцать пять лет, вечно верхом на мотоцикле, длинноволосый инфекционист, прошедший войны в Сальвадоре и Никарагуа, не вписывался в среду парижских медиков.

Утром пятницы, 5 июня 1981 года, сидя за столом, он перелистывал только что полученный бюллетень MMWR. Там описывалось недавнее появление исключительно редкого заболевания легких, пневмоцистоза. Его считали почти исчезнувшим, однако, по подсчетам выписанных лекарств, произведенным в США, оказалось, что он появился совершенно неожиданно и непонятно откуда. Обычно этот недуг поражает

[1] Примечания: 1

Morbidity, Mortality Weekly Report (MMWR) — «Еженедельный бюллетень заболеваемости и смертности». — *Здесь и далее прим. перев.*

людей с ослабленной иммунной системой, но в пяти последних случаях в Калифорнии речь шла о молодых мужчинах, еще совсем недавно пребывавших в добром здравии. Среди скудных данных, которыми на сегодня располагает Служба общественного здравоохранения США, обнаружилось нечто удивительное: все заболевшие — гомосексуалисты.

Инфекционист отложил бюллетень и снова принялся за исследования, перед тем как подтвердить консультации, назначенные на вечер.

Сегодня к нему, держась за руки, явились два пациента. Один из них, вялый на вид молодой стюард, жаловался на температуру и кашель, которые не проходят вот уже несколько недель. Поскольку городские врачи ничем не смогли ему помочь, он решил обратиться в службу инфекционных и тропических заболеваний больницы Биша — Клода Бернара. Вилли Розенбаум удивился и заглянул в медицинскую карту, протянутую стюардом. Потом осмотрел парня и назначил ему рентген и другие исследования легких.

Когда парень явился через несколько дней, результаты обследования окончательно убедили инфекциониста в правильности предварительного диагноза. Как он и подозревал, у его пациента

был пневмоцистоз.

Совпадение было поразительным. Состояние пациента полностью соответствовало тому, что врач прочел в бюллетене: внезапное редкое заболевание легких обнаружено у молодого парня, гомосексуалиста, у которого нет никаких оснований жаловаться на сниженный иммунитет. Но все симптомы налицо. Это то же самое заболевание, которое считали побежденным и которое теперь обнаружилось у шести американских пациентов, а теперь еще и у одного француза.

Обстановка

Мухи. Мухи повсюду. Мухи на кусках мяса, на оконных стеклах. Полчища черных мух на белом плиточном полу. Мухи, совокупляющиеся на свиных боках и куриных бедрышках. Мухи, рождающиеся в складках ростбифа и умирающие, увязнув в крови. Мухи с ликованием вторят жужжанию компрессора, охлаждающего витрину, и не обращают внимания на синеватый огонек электромухобойки. Здесь они одержали окончательную победу.

Вот приблизительно и все, что мне запомнилось в магазине бабушки и деда. Просторная мясная лавка притихла, постоянные клиенты сюда больше не заходили. А те, кто заглядывал, просто хотели поддержать семью, так сказать, из солидарности. Они останавливались поболтать и обменяться новостями, касающимися прежде всего торговли.

Нынче от этой лавки уже ничего не осталось. На витрине вывешено объявление «Продается или сдается в аренду», снабженное телефонным номером. Всю улицу постигла та же участь. И овощной магазин, и парикмахерскую, и книжную

лавку, и мастерскую по починке телевизоров, и галантерейную лавку. Торговля здесь постепенно заглохла, а за неимением арендаторов магазины закрыли шторы. То же происходило и с квартирами на нижних этажах: они постепенно пустели. О былой благополучной эпохе напоминал лишь чудом уцелевший маленький обветшалый косметический кабинет. Улица безнадежно опустела. Попадались только бродячие кошки, завладевшие погребами брошенных магазинов. Они шныряли сквозь поломанные решетки вентиляционных шахт, выходивших на уровне тротуара. Случалось, что в шахтах ночевали подростки. Примчавшись на самостоятельно собранных скутерах, они усаживались на ступени старых магазинов и целыми днями ссорились из-за сигарет и переругивались. В течение нескольких десятилетий старая супрефектура, когда-то процветавшая, неизбежно утратила свое значение. Центр стал окраиной, детские голоса затихли. Мое окружение исчезло.

Однако в этом было и свое очарование. На аллее платанов, растущих вдоль набережной, на деревенском рынке или в узких улочках еще можно было ощутить себя в воображаемом Провансе. Но обвалившиеся доходные дома, брошенные

автомобили и закрытые цеха вокруг старого городка рассказывали совсем другую историю. Чтобы ее понять, надо прежде всего вспомнить, что это за территория: позабытый городок, затерянный где-то на границе двух миров, между морем и горами, между Францией и Италией. Потом надо представить его топографию: он гнездится в глубине долины, там, где река сливается с горным потоком, сразу уходит с равнины и вливается в Средиземное море. К этому следует прибавить жесткий климат, когда бесконечные зимы словно крадутся по трещинам в скалах, когда изнурительно-жаркое лето объединяет в себе все худшее, чем отличается альпийская и средиземноморская погода. В общем, картина получатся не ахти… Однако городок, затерянный среди темных, тонущих в тумане сосновых лесов и дубовых рощ на более приветливых солнечных склонах, фактически был торговым центром, куда местные крестьяне свозили свой небогатый урожай. Наконец, к описанию надо прибавить немного исторических фактов и вспомнить, что вплоть до середины XIX века этот заброшенный городишко возле границ графства Ницца был территорией Италии. Когда же наступили времена аннексии, Франция основала здесь свою супре-

фектуру и очень старалась пробудить в жителях чувство привязанности к новой родине. Прокладка шоссе национального значения и дороги, соединяющей Ниццу с Динь-ле-Бен, позволила этой территории постепенно выйти из статуса анклава. А грандиозные строительные проекты, от пробивания туннелей в горах до возведения монументальных виадуков силами итальянских рабочих, открыли путь к побережью.

Несмотря на довольно слабую и шаткую экономику, определенной части населения удалось разбогатеть и обзавестись собственностью: предприятиями, торговыми точками, землей и жильем. Местная мелкая буржуазия заметно выделилась из общей массы работников полей и фабрик и вела жизнь куда более комфортабельную. На черно-белых открытках начала XX века изображены семьи, гордо вышагивающие вдоль прибрежных променадов или сидящие за столиками кафе. На одной из таких открыток запечатлена безупречная витрина магазина моей семьи. У входа в магазин стоит человек в костюме, шляпе и с галстуком-бабочкой. Осанка у него прямая и горделивая. Мужчину зовут Дезире, это мой прадедушка. Он разительно отличается от прохожих, спешащих куда-то в своих грязных,

засаленных робах. Эта старая пожелтевшая фотография без слов рассказывает о положении нашей семьи в те времена.

До самого начала 80-х наша мясная лавка еще была своеобразным центром притяжения. По субботам и воскресеньям у ее входа на улице выстраивалась целая очередь. Это место все уважали и немного побаивались. Для более зажиточных клиентов приберегали лучшие куски мяса и сопровождали сделки всяческими комплиментами. А от более скромных семей, едва решавшихся постоять у входа, просто отмахивались, и они получали залежалые куски сомнительного качества. Пожаловаться при этом никто не отваживался. На самой крупной торговой улице города закон соблюдался еще довольно долгое время.

Сигнал тревоги

Жак Лейбович, иммунолог больницы Раймона Пуанкаре в Гарше, тоже был одним из тех немногочисленных французов, кто читал американские бюллетени. В начале лета 1981 года его сестра, дерматолог больницы Тарнье, как-то обмолвилась, что у них в отделении лечатся двое гомосексуалистов. У них очень редкий тип рака: саркома Капоши.

Третьего июня 1981 года бюллетень MMWR как раз опубликовал статью под заголовком «Саркома Капоши и пневмоцистоз у гомосексуалистов Нью-Йорка и Калифорнии». Там говорилось о загадочном распространении заболевания среди геев Калифорнии и Нью-Йорка и сообщалось, что саркому Капоши диагностировали у двадцати шести пациентов, а у четырех из них обнаружили еще и пневмоцистоз.

Эта статья озадачила Жака Лейбовича. Он никогда раньше не сталкивался с медицинскими публикациями, где людей разделяют по признаку сексуальной ориентации. Однако все это очень походило на те случаи, о которых рассказывала сестра, когда редчайший вид рака кожи поразил

именно двух гомосексуалов.

Он порылся в ящиках стола и нашел в своих архивах интересное досье умершего в 1979 году водителя такси родом из Португалии. Пациент скончался от целой серии серьезных инфекций, среди которых был и пневмоцистоз. Это вызвало у иммунолога огромное любопытство, и он обзвонил своих коллег в крупных больницах Иль-де-Франс. В больнице Биша — Клода Бернара он нашел инфекциониста, у которого возникли те же вопросы. Его мнение о первых случаях заболевания разделял Вилли Розенбаум. Пообщавшись с коллегами, он отметил для себя еще пять недавних случаев пневмоцистоза, которые никто не мог объяснить. Если всего за несколько недель удалось обнаружить шесть случаев, подобных описанным в бюллетенях, значит, на деле их должно быть гораздо больше.

Столкнувшись с появлением сразу двух заболевших во Франции, что было довольно странно, оба врача решили, что пора бить тревогу.

Улица четвертого сентября

Окровавленные скелеты животных. Вот оно, золото трех поколений семьи. Куски мяса, что продавались в розницу, упаковывали в плотную розовую бумагу с оттиском нашего имени.

Легенда гласит, что мои бабушка и дедушка обвенчались ночью, чтобы обойти запрет прадедушки. Ради защиты состояния и репутации он запретил своим детям жениться на итальянках. Но, достигнув брачного возраста, каждый из них счел своим долгом этот запрет нарушить.

Я часто спрашивал себя, как свадебный обряд, проведенный посреди ночи, в строжайшем секрете, мог остаться незамеченным в таком крохотном городке, где все всё знают. Но я принял эту романтическую версию истории бабушки и деда, тем более что о них я помнил только то, что они вечно были завалены работой.

Возня с мясом отнимала все их время, каждый его миг. Понедельники они проводили на бойне, а остальное время в магазине. С наступлением вечера шторы опускали, но работы было еще столько, что пришлось оборудовать кухню и столовую в помещении за магазином. Чтобы

дойти туда от улицы Четвертого Сентября, достаточно было трех минут пешком. Наш дом стоял очень близко, сразу за церковью. Мы в шутку называли его «депо», или местом временного складирования, потому что там держали уже подготовленное к продаже мясо. Случается, что работа дает название жилому дому.

В воскресенье после полудня магазин закрывался. Но надо было подготавливаться к следующей неделе: разделать говяжьи туши, засолить окорока, запанировать эскалопы, замариновать все для салатов, наделать тонну сосисок. Потом наступали часы уборки и чистки. Рабочие места мыли большим количеством воды: стены, полы, механизмы, ножи, баки, в которых перевозили мясо. Темно-красные потеки крови в мыльной воде отливали розовым. Ножи отчищали от прилипших кусочков мяса, крепко потерев их о деревянную колоду. Это движение производили настолько часто, что крепкое дерево, из которого была вырублена колода, сдалось, и колода стала короче на несколько сантиметров. Наконец, в горячей воде стирали передники и тряпки. А на следующий день все начиналось заново. Работа в магазине заставляла рассчитывать жизнь по минутам, нельзя было позволить себе ни малейшей

передышки. Торговля мясом давала семье все, и ей невозможно было изменить.

Мой дед Эмиль каждую неделю накручивал сотни километров, чтобы развезти мясо по окрестным деревням. Его специально оборудованный грузовик объезжал всех заказчиков даже в деревушках на вершинах скал, останавливаясь то на несколько часов, то на несколько минут. Там, где вообще не было магазинов, его ждали с особым нетерпением.

Район он знал великолепно. Его отец Дезире и дед Франсуа обосновались здесь как перекупщики. Они за бесценок приобретали скот у бедных крестьян долины и выпускали на пастбища на высокогорье. Когда же скотина набирала вес, ее забивали, а мясо распродавали в розницу с неплохой прибылью.

Из мяса, купленного в магазине, кровь выпускал забойщик, и это было гарантией качества. В послужном списке в военном билете моего прадеда Дезире я прочел следующую фразу: «Мясник, владеющий техникой забоя скотины».

Семья постепенно обзавелась немалым имуществом и стала считаться знатной и богатой.

Эмиль провел детство, которое пришлось на 30-е годы, в городке. Тогда жизнь в нем била

ключом: тут были свои гостиницы и прачечные, кожевенный и мебельный заводы, своя макаронная фабрика. Сразу после окончания школы отец приобщил сына к работе, и тот достаточно быстро стал незаменим. Он вместе с отцом ездил по деревням скупать скот. В стороне от поселков, по краям узких дорог с колдобинами стояли одинокие фермы. Дезире учил Эмиля выбирать скотину, правильно торговаться, а еще правильно справляться с инстинктивным страхом животных при погрузке в перевозной вагончик. Он с гордостью рассказывал, как откармливать скотину, забивать и разделывать. Так Эмиль стал мясником. Его жизнь и лик вписались в нескончаемую череду жизней и лиц всех членов семьи, а заодно и врезалось в память обитателей здешних мест. Он получил в наследство нечто большее, чем ремесло: имя и статус. После смерти родителей дети разделили сбережения, дома и землю. Поскольку Эмиль был старшим, он, естественно, получил мясную лавку и «депо». От отца ему достались в наследство жизнь, предприятие и ремесло.

История моей бабушки Луизы была куда более драматичной. Она происходила из Пьемонта, из итальянской семьи. Отец ее надрывался в поле.

Он работал в одном из сельскохозяйственных предприятий за мизерную зарплату, которая обрекала его на бедность. Однако, несмотря на согнутую от постоянного таскания грузов спину, обожженный солнцем затылок, израненные руки, в его душе все же прорастали зерна надежды. И он, и его товарищи по несчастью верили, что завтра жизнь им улыбнется.

Но дело обернулось скверно. Угроза, и без того висевшая над коммунистами, становилась все отчетливее. Унижения, вымогательства и быстрый подъем фашизма не оставили ему выбора. В одну из ночей 1942 года он принял решение в срочном порядке бежать вместе с женой и детьми. Несколько дней они пробирались на юг наугад, не имея конкретной цели, и нашли убежище в одной из деревень в Руайя. Обитатели этого оплота левых уговорили его поселиться в развалинах старого дома. Через некоторое время он нашел работу на одной из соседних ферм.

После Первой мировой войны появление в регионе итальянских семей нивелировало отток горцев и компенсировало нехватку людей, не вернувшихся из окопов. Этих нищих эмигрантов очень ценили местные работодатели и в сельском хозяйстве, и в строительстве, и в промышлен-

ности. В то время и пробитые в горах туннели, и головокружительные виадуки, позволившие проложить железнодорожные пути от Альп до Средиземноморья, были созданы потом и кровью итальянцев. Однако после кризиса 30-х годов на них посыпались обвинения в неопрятности, в домашней антисанитарии, в необоснованно высоких зарплатах и даже в том, что у них слишком много детей. В этой нездоровой атмосфере Луиза смирилась со своим положением. Как и отец, она очень быстро научилась ходить по стеночке и помалкивать, видя откровенное презрение хозяев, то есть тех семей, где она занималась хозяйством или присматривала за детьми, которые были порой почти одного возраста с ней. Она ни на что не жаловалась. Здесь была та же нищета, зато не было страха, что ночью ворвутся люди в коричневых рубашках и застрелят отца прямо на пороге.

Бабушка мало рассказывала о своем детстве, прошедшем в крайней нужде. Она не вдавалась в детали, но вспоминала о холоде, голоде и национализме, о доме, слишком тесном для их большой семьи. В юности ей годами приходилось спать на полу и питаться одной полентой. С тех пор безвкусные блюда вызывали у нее отвращение, она проклинала свое прошлое и всегда готовила

вкуснейшую и обильную еду. Это был ее своеобразный реванш.

Ничто в доме моих бабушки и деда не напоминало об истории Луизы. Только ее мать, почти столетняя старуха, вечно закутанная в одеяло, пораженная болезнью Альцгеймера, еще рассказывала о прошлом. Моя прабабушка почти полностью оглохла и теперь, сидя в кресле, безостановочно бормотала что-то нечленораздельное на смеси итальянского и пьемонтского наречий. Бывало, она просыпалась в панике. В ее сознании всплывала какая-нибудь сцена из молодости. Она, плача, принималась искать своего мужа и родителей. Так по ночам, в воспоминаниях, которые стараешься обычно подавить, к ней приходила Италия. Чтобы успокоить старуху, бабушка на несколько секунд возвращалась к своему забытому языку.

Луиза познакомилась с моим отцом, когда была еще подростком. Летом каждое воскресенье в городке устраивали гулянья, посвященные святому-покровителю, в честь чего устраивались танцы. После мессы по улицам проносили деревянную статую святого, а потом монтировали на площади танцплощадку, украшенную гирляндами разноцветных огней. Вот под такими

огоньками Эмиль и пригласил Луизу на танец. Хватило нескольких песен, чтобы судьба юной пары была решена. Несмотря на колебания отца Эмиля, свадьба состоялась. Луиза легко вошла в зажиточное меньшинство городка. В этом маленьком сообществе одни семейства с гордостью демонстрировали витрины своих магазинов или прицепы к грузовикам, другие, как позорное клеймо, несли на себе алкоголизм главы семейства или отчаяние матери, доведенной до края шалостями многочисленных отпрысков. Луиза удостоверилась, что в той касте, к которой она теперь принадлежала, потомство в почете. В этом кругу детей называли по именам и в церкви, и на теннисном корте. С ними всегда здоровались учителя, и это отличало их от других детей, шатавшихся по улицам, на которых постоянно орал директор школы и заставлял часами стоять на коленях в своем кабинете со словарем на голове.

Отныне в распоряжении моей бабушки была прислуга, что являлось непременным атрибутом нового класса. Органы государственного призрения выделили ей двух умственно отсталых: Пьера и Сюзанну. В окрестностях Ниццы это было делом обычным. Многие семьи, располагающие такими дополнительными рабочими руками,

получали немалую финансовую выгоду.

Теперь Луиза могла укрепить свой высокий ранг и дома, и в магазине. Она кричала на покорных бедолаг, командовала и раздавала приказы направо и налево. Давнишние клиенты магазина до сих пор помнят ее ядовитые замечания в адрес тех, кто выказывал нетерпение, когда их недостаточно быстро обслуживали. Моя бабушка ничего не забыла: ни унижений, ни холода, ни голода, — и вела себя с ними так, как когда-то они вели себя с ее близкими.

Ведя жизнь, практически лишенную отдыха, Луиза и Эмиль закладывали основу своей семьи. У них родилось четверо детей: Дезире, Жак, Кристиан и Жан-Филипп. Согласно местным семейным обычаям и в соответствии с итальянскими традициями, старшего назвали в честь прадеда по отцовской линии. Имя Дезире передавалось по наследству — так звали одного из немногочисленных защитников городка, вышедшего живым из окопов. Собственно, именно благодаря ему семья теперь жила в достатке. Первый из сыновей был призван подавать пример остальным, следовать путем родителей и уважать имя, которое его предки с гордостью несли над долиной.

Синдром геев

С начала в июле, а потом и в августе 1981 года в бюллетене MMWR сообщили об эпидемии в Соединенных Штатах. Болезнь поразила более ста пациентов от Сан-Франциско до Нью-Йорка. В то время не удалось определить причину, по которой естественный иммунитет больных оказался разрушен. Первые анализы выявили поразительный иммунный дефицит.

Пытаясь понять, в чем дело, медики выделили симптомы и патологии инфицированных. Лихорадка, ночной пот, потеря веса, хроническая диарея и увеличение лимфоузлов были определены как признаки-предвестники болезни. А уже вслед за ними проявлялись более грозные симптомы: пневмоцистоз и саркома Капоши. Этот синдром диагностировали у одной женщины и нескольких мужчин, не проявлявших признаков гомосексуальности, но вероятных героиновых наркоманов. По сравнению с количеством заболеваний, выявленных среди гомосексуалов, это число казалось ничтожным.

Развитие болезни очень часто проходило по одному сценарию. Сначала несколько коротких

побед, ложная ремиссия, а потом ослабление естественной защиты организма подходило к черте, за которой он уже не мог противостоять никаким инфекциям. Поскольку среди заболевших больше всех оказалось гомосексуалов, то источник заражения стали искать прежде всего в их образе жизни. Поначалу все подумали о попперсе, возбуждающем средстве, очень популярном в сообществах гомосексуалов. Американские ученые прошлись по клубам, чтобы раздобыть это вещество и подвергнуть его лабораторному анализу. Когда были получены результаты, от этой гипотезы очень быстро отказались.

«Капоши, таинственный недуг американских гомосексуалов».

Шестого февраля 1982 года «Либерасьон» стала первой из французских газет, опубликовавших статью об этом заболевании. Речь в ней шла исключительно о гипотезах происхождения и причинах возникновения болезни. Журналист попытался собрать воедино разрозненные сведения. Он цитировал Вилли Розенбаума, который взял на себя заботу о первых заболевших в больнице Биша — Клода Бернара и указал номер телефона центра эпидемиологического надзора, представлявшего собой просто скромное меди-

цинское бюро в Париже.

Вилли Розенбаум и Жак Лейбович были отчаянно одиноки на этом пути. Коллеги подняли на смех их упорную возню с пациентами и спрашивали, зачем тратить столько времени и энергии на неизвестную болезнь, которая поразила во Франции всего-то десяток человек. Исследования иммунодефицита практически никого не заинтересовали.

Шестого марта 1982 года Вилли Розенбаум в соавторстве с другими пятью французскими медиками опубликовал в журнале «Ланцет» статью под названием «Многочисленные случаи инфекции у французских гомосексуалов». В ней обрисовано развитие заболевания у первого пациента, выявленного инфекционистом 5 июня 1981 года. Состояние молодого стюарда, пораженного пневмоцистозом, стремительно ухудшалось. Развились другие патологии, а в августе того же года у него обнаружился церебральный токсоплазмоз.

В июле 1982 года в MMWR появилась статья, сообщающая, что заболевание только что диагностировали у трех гемофиликов гетеросексуальной ориентации и одного ребенка, которому перелили кровь. Список разрастался,

и постепенно, неделя за неделей, публикация за публикацией, в нем появились другие пациенты-гетеросексуалы, гемофилики, токсикоманы, женщины и дети. Однако и во Франции, и в США авторитетные медики недоумевали, почему у их коллег вызывает такой интерес явление, которое до сих пор называли просто «синдромом геев».

Теперь Вилли Розенбаум был уверен, что они имеют дело с вирусом, настолько агрессивным, что он может разрушить иммунную систему и тем самым открыть путь очень редким заболеваниям, особенно у молодых пациентов. Исходя из наблюдений за первыми заболевшими, Вилли Розенбаум пришел к выводу, что заражение происходит через половые контакты и через кровь. Вместе со своей коллегой и другом Франсуазой Брен-Везине он действовал методом исключения, внимательно рассматривая все известные вирусы, способные передаваться такими путями. Обоснованное подозрение вызвал цитомегаловирус. Он принадлежит к типу вирусов герпеса, поражает в основном людей с отсутствующим иммунитетом и порой вызывает заболевания легких. Брен-Везине, главный вирусолог больницы Биша — Клода Бернара, уже работала над этой проблемой, и ей было легче напасть на след.

Она начала с исследования крови и лимфоузлов первых пациентов. После нескольких недель работы оба медика были вынуждены признать очевидное: да, конечно, цитомегаловирус присутствует в пробах биоматериала пациентов, но далеко не систематически. Несомненно, причиной заболевания является не он.

Стало ясно, что возбудитель — вирус, еще не известный исследователям. Базируясь на статьях, появлявшихся в американских журналах, Вилли Розенбаум, Франсуаза Брен-Везине и Жак Лейбович заинтересовались ретровирусами. Гипотеза казалась перспективной, поскольку эта категория вирусов была мало изучена, особенно у людей. Специалисты в этой области не поддержали троицу французских медиков. Им была необходима помощь. Первый отказ Розенбаум получил от группы Жан-Поля Леви из больницы Кошен. Свободно владея английским, Лейбович завязал первые контакты в США с Робертом Галло, вирусологом, получившим международное признание после того, как открыл первый человеческий ретровирус, HTLV, ответственный за некоторые виды лейкемии. Лейбович полагал, что американец — единственный, кто сможет помочь ему обнаружить новый вирус в крови

пациентов.

Вместе с тем усилия Вилли Розенбаума расшевелить структуры средств массовой информации стали приносить плоды. В воскресенье 27 марта 1982 года в 20:00 на канале «Антенна-2» показали первый телерепортаж, посвященный новому заболеванию. Журналистка Кристин Окран разъяснила, что случаи саркомы Капоши, довольно редкого вида рака, опасно участились в США. Странно, но это касалось только мужчин-гомосексуалов. За этим последовала череда красивых кадров: Нью-Йорк с почтовой открытки, с его небоскребами, желтыми такси и полицейскими. Далее пошли кадры, снятые в барах для геев, где танцевали молодые «качки», потом кадры, снятые на узких тротуарах, где прохожие, явно обеспокоенные, объясняли, что располагают только информацией, размещенной на афишках, написанных от руки и расклеенных на витринах аптек. Они всполошили все сообщество геев новостью о появлении непонятного заболевания, описав его симптомы с помощью фотографий.

Саркома Капоши, сообщества гомосексуалов… Эти стереотипы, которые связали с заболеванием, долгие годы будут восприниматься как нечто само собой разумеющееся. В результате

широкая публика еще длительное время будет довольствоваться снимками измученных, обреченных пациентов, ведущих определенный образ жизни. Одиночество и изоляция носителей болезни, которую теперь все называли «раком геев», привели к тому, что со временем ситуация только ухудшилась.

Хотя в репортаже канала «Антенна-2» уточнялось, что во Франции уже выявлено довольно значительное количество заболевших, общественные институты и публика рассматривали этот феномен как очень отдаленную эпидемию. Вилли Розенбаум прилагал все усилия, чтобы расширить свою аудиторию. Он многократно пытался привлечь внимание ассоциаций, занимающихся специфическими заболеваниями геев, но поначалу получал категорические отказы. Некоторые из них боялись, что все это приведет скорее к шельмованию сообщества гомосексуалов, чем к борьбе с болезнью. Однако ассоциация все-таки согласилась сотрудничать с ним в постановке на учет и лечении больных.

В достаточно замкнутом мире парижских больниц беспокойство и бурная деятельность этого заведующего отделением многим начали надоедать, и ему быстро дали понять, что все это

дорого ему обойдется. И однажды майским вечером нож гильотины упал. Руководству больницы Биша — Клода Бернара надоел наплыв гомосексуалов, которых Вилли Розенбаум тащил на консультации, и инфекциониста предупредили, что если он не прекратит заниматься «синдромом геев», то ему придется найти себе другое место работы.

Юность

Об этом этапе своей работы отец не говорил никогда. Тем не менее именно от него и зависела репутация семьи. Когда я его спрашивал, как все там происходит, он отвечал, что главное — это скорость. Все надо делать быстро. Не ради семейного достатка, а просто чтобы не вгонять животных в стресс. Иначе мясо будет испорчено. Он говорил, что скотину нельзя заставлять страдать без причины.

Скотовод выводит из стойла первое животное. Остальные мычат в ночи, дожидаясь своей очереди. Он ведет животное на веревке вдоль коридора с металлическими стенками, похлопывая его по холке и шепча ему на ухо что-то успокаивающее. Пьер, семейный рабочий, идет рядом. В конце коридора, в просторном помещении с неоновым светом и полом, мощенным белой плиткой, их ожидают Эмиль и отец. На потолке видны направляющие рельсы с крюками, на которые подвешивают животное. Дойдя до конца коридора, работник тянет за веревку, прижимая голову животного к стене. Тут нож в руках отца взвивается вверх. Быстрым, точным движением

он перерезает шейную артерию, и животное умирает в один миг, не поняв, что его убили. Так лучше для всех. Когда животное полностью обескровлено, его подвешивают вниз головой, чтобы выпотрошить.

Из огромной туши, все еще дергающейся в судорогах, отец вместе с дедом ловкими ударами ножей достают все внутренности. Выпотрошенную, висящую вниз головой тушу Пьер по потолочным рельсам перемещает в холодильник, а скотовод тем временем идет к стойлам за очередной жертвой. Останавливаться нельзя, пока не будет обескровлена последняя намеченная скотина.

Когда же стихнет последнее мычание и в ночи воцарится тишина, все наконец смогут немного передохнуть. В крови и в поту с головы до ног, они достают термосы с кофе, хлеб и сыр и усаживаются поболтать при свете звезд. Сидя на подножках грузовиков, они обсуждают новости с ферм и окрестных деревень. Работники поздравляют мясника, который так хорошо обучил своего сына резать скотину. Поэтому они и собрались здесь: где еще лучше зарежут их скотину?

Иногда рядом с грузовиками парковался желтый «БМВ» с авторадио на борту, и из него

вылезал второй сын мясника. Ночь он явно провел на какой-то вечеринке. В бархатном костюме и лакированных туфлях, он наверняка обошел все прибрежные бары со своими дружками. А поскольку скотобойня располагалась у въезда в городок, то завернул перед сном выпить кофейку с отцом. Эмиль с гордостью представлял своего старшенького работникам, которые еще не были с ним знакомы. Дезире не спеша закуривал сигарету и начинал рассказ о своих похождениях. Под восхищенным взглядом младшего брата и с одобрения отца он развлекал аудиторию, пока рабочая необходимость не призывала всех к порядку. Тогда он исчезал в ночи, пожелав всем спокойной ночи, хотя, как все знали, никакой спокойной ночи у них и быть не могло.

Дезире рос любимчиком. Как это часто случалось во фратриях долины, первый мальчик в семье считался избранным и пользовался особым статусом, исключительное внимание к нему не иссякало даже с появлением на свет его братьев и сестер. А Эмиль, мой отец, рос точной копией родителей. Об этом говорить было не принято, но отец иногда мне об этом напоминал. Он оправдывал воспитание, которое дал нам, мне и брату, важностью справедливого распределения эмо-

ционального и материального. Словно именно здесь крылась причина несчастья. Историю своих родителей и Дезире он представлял как пример, которому ни в коем случае нельзя следовать. Однажды, когда я отказался выносить мусор, поскольку подошла очередь брата, отец страшно рассердился, что было для него необычно. Он вспомнил свое детство, когда родители всегда рассчитывали на его помощь в самых неприятных делах, от которых оберегали старшего сына:

— Дезире всегда носил новые вещи, и пачкать их было нельзя, а вот я, поскольку мне доставались обноски, мог в любой момент запросто сложить дрова в гараж, прибрать и помыть зал скотобойни или вынести мусор. Когда он надевал новый свитер, я должен был носить за ним в школу его ранец! — После этого он обычно повторял: — А у нас нет никаких предпочтений!

Гораздо позже я понял причину одержимости, с какой он изобличал, не говоря о том открыто, воспитание, данное родителями его старшему брату. Он обвинял их в том, что потом случилось с Дезире.

Еще в юности необходимость привела моего отца на скотобойню. Желая угодить родственникам, он стремился овладеть семейным ремеслом

как можно скорее. Однако в школе он учился блестяще, и учителя уговаривали его продолжить учебу. Отец решительно отказался и был непреклонен, добившись позволения окончить школу экстерном. Таким образом, в пятнадцать лет он расстался с юностью и начал серьезно работать. Скотобойня и мясная лавка поглотили его целиком. С четырех часов утра он постоянно следовал за отцом на бойню, в магазин, сопровождал в разъездах, связанных с продажей. Он окунулся во взрослую жизнь, а его сверстники тем временем поступали в лицей и весело проводили каникулы. Во время воскресных обедов у него порой слипались глаза, а голова падала на стол. К десерту его будили. Он уходил первым, чтобы на рассвете уже быть на скотобойне, когда друзья еще только укладывались спать. Постепенно он перестал говорить о чем-нибудь, кроме своего ремесла или долгих часах работы. Все считали его работягой, трудоголиком, и это стало для него предметом большой гордости. Клиенты, развозчики продуктов, оптовики — все завидовали его родителям, ведь не у каждого был такой преданный сын. В воскресенье вечером он без сил валился на диван и засыпал под американские полицейские сериалы.

А в это время его старший брат обнаружил, что жизнь существует и за пределами мясной лавки и даже долины. В городке были всего одна школа и лишь один коллеж, так что Дезире продолжил учебу в лицее Ниццы «Парк империаль». Он уезжал на первой автодрезине в понедельник и всю неделю проводил в общежитии. И там уверенность и веселый нрав, которые он приобрел в семье, где его любили и восхищались им, сразу позволили ему влиться в компанию студентов. Он был забавным и полным задора, а потому быстро обзаводился друзьями.

Старший сын осваивал новые территории и места, узнавал самых разных людей, становившихся близкими только ему одному. Прежде в долине от его родни ничто не ускользало, но теперь сценарий его жизни по большей части разыгрывался на сцене, которая была далека от них, и в этот театр не было входа никому, кроме него самого.

Дезире возвращался домой вечерним поездом в пятницу. Он обедал с семьей, а потом шел в кафе, где уже сидели его друзья, и рассказывал им о своих приключениях в большом городе. Родители слишком уважали его занятия, чтобы просить помочь в выходные на скотобойне. Да и особой

надобности не было: его брат трудился за двоих. Родители велели Дезире не заморачиваться, а между тем подобная свобода все больше отдаляла моего дядюшку от семьи.

Он первый в семье стал бакалавром. Для матери, едва окончившей начальную школу, и отца, знавшего только свое ремесло, его диплом был предметом большой гордости. Дезире спешил обрести полную самостоятельность, а потому не стал продолжать учебу. Местный нотариус нуждался в секретаре. Когда Дезире пришел к нему, тот сразу взял его на работу. Теперь у моего дядюшки появилась собственная квартира над кафе на площади.

Все получалось так, как хотели его родители. Их старший сын выучился и работал во всеми уважаемом бюро. А младший, более склонный к физическому труду, исполнительный и прилежный в том, что от него требовалось, теперь продолжал прибыльный семейный бизнес, благодаря которому все они добились своего высокого статуса.

В царстве слепых

В 1982 году во Франции выросло число больных с диагнозом иммунодефицита. Вилли Розенбаум нашел место в больнице Питье-Сальпетриер (что означает «сострадание к старым и убогим»), где снова мог принимать пациентов. Ни у одного из них не наблюдалось признаков улучшения. Количество летальных случаев росло.

Инфекционист привыкает к тому, что смерть всегда где-то рядом, но в случае с этим заболеванием пациентам выносили как бы двойной приговор: смерть ведь явление не только физическое, но и социальное. Статьи в прессе и телерепортажи об этой болезни посеяли в людях страх. Близкие перестали навещать больных, уличенных в гомосексуализме и наркомании. Теперь их собеседниками стали лишь немногочисленные врачи.

На новом месте Вилли Розенбаум сблизился с начинающим инфекционистом Давидом Клацманом, еще студентом, и тот стал помогать ему в исследованиях крови пациентов. Они выяснили, что на начальной стадии болезни лимфоциты Т4 почти не обнаруживаются, как утверждалось в

некоторых американских публикациях.

Двадцать седьмого июля 1982 года в Вашингтоне для обозначения заболевания приняли аббревиатуру AIDS (Acquired Immunodeficiency Syndrome). По-французски это звучит как SIDA (syndrome d'immunodéficience acquise), по-русски — как СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита). Название изменилось, но признаки, объединенные в прежнем названии «синдром геев», остались те же.

В Париже по инициативе Вилли Розенбаума и Жака Лейбовича, начиная с весны, каждые пятнадцать дней стала собираться небольшая группа из 20 врачей. В нее вошли вирусологи из больницы Биша — Клода Бернара, Франсуаза Брен-Везине и ее ученица Кристин Рузиу, иммунологи Жан-Клод Глюкман и Давид Клацман, пульмонолог Шарль Майо, психиатр Дидье Сё и другие практикующие специалисты. Они провели совместные исследования на местах и выдвинули гипотезы, помогающие рассеять ту тень, что сгустилась вокруг загадочного заболевания. Больным требовались лучший уход и лучшее сопровождение. К группе тотчас же присоединился представитель Главного управления здравоохранения Жан-Батист Брюне.

Все члены возникшей организации, названной GFTS (Группа Франции по работе со СПИДом), были молоды, самому старшему едва исполнилось сорок. И только двое были уже профессорами, а остальные еще не закончили учебу. Среди них не было ни одного, кто имел бы вес в медицинских или научных кругах. Известные медики и научные специалисты того времени не проявили интереса к заболеванию, поразившему лишь ничтожную часть населения, да и то принадлежащую к категории маргиналов. Эти два пункта — отсутствие крупных специалистов-локомотивов в медицинской среде и гомосексуализм больных — обрекли GFTS на работу в атмосфере полного безразличия.

В команду GFTS вошли специалисты в самых разных областях. Каждый работал строго в соответствии со своей квалификацией. Но все они: инфекционисты, иммунологи, дерматологи, пульмонологи, вирусологи и медики широкого профиля — объединяли свои знания и усилия. Представители ассоциации медиков, занимающихся проблемами геев, поддерживая их усилия, налаживали связи с наиболее уязвимыми сообществами.

Начиная с самого первого заседания группы,

Вилли Розенбаум и Жак Лейбович представляли аудитории случаи, которые удалось идентифицировать, описывали симптомы и повторяли гипотезу о вирусе, который передается через кровь и половые контакты. Своими выводами они поделились с американскими коллегами и опубликовали несколько коммюнике, чтобы как можно большее количество врачей ставило больных на учет и брало под постоянное наблюдение.

Жак Лейбович отчитался о своих переговорах с американским вирусологом Робертом Галло по поводу ретровируса. Тезис о том, что болезнь поражает только мужчин-гомосексуалов, показался французскому медику очень сомнительным. Он сообщил, что как во Франции, так и в США зафиксированы несколько случаев саркомы Капоши и пневмоцистоза у женщин, и направил коллегам ноту примерно на десяти страницах, составленную для того, чтобы французские медицинские учреждения были начеку. Первым делом требовалось наладить сбор информации на местах. Сотни медиков, которые получили описание симптомов, призвали обращать особое внимание на те случаи, что наблюдались у них в консультациях. Эта инициатива в очередной раз

была воспринята довольно равнодушно. К концу 1982 года на учет были поставлены только 29 пациентов, из которых почти все были из региона Иль-де-Франс, и довольно большое количество осталось под подозрением. По мнению многих медиков, времена крупных эпидемий прошли и мало кто теперь захочет добровольно разрабатывать эту сомнительную территорию. Врачи из GFTS оказались в положении одноглазых в царстве слепцов, ведь получалось, что только они хотели разобраться в сути происходящего, но столкнулись со своими коллегами, которые совершенно не желали посмотреть правде в глаза. Завязались оживленные дискуссии. Жак Лейбович, будучи человеком с живым характером, легко загорался и так же легко остывал. Он очень быстро отдалился от Вилли Розенбаума и предпочел сотрудничать с командой профессора Галло. Пути двух первых французов, понявших важность синдрома СПИДа, разошлись в 1982 году.

Параллельно налаживалась постоянная телефонная связь для постановки больных на учет и контактов с ними. С одной стороны, пациенты получали информацию и советы от врачей, с другой — сообщали врачам информацию о своем самочувствии. На этом этапе пациенты зачастую

знали гораздо больше самих врачей. Они теперь играли совершенно новую роль в процессе создания протокола лечения, наблюдая за своими симптомами и обобщая эти наблюдения. Эти молодые люди, по большей части мужчины, были ровесниками своих врачей. Зачастую их изгоняли из семьи, где к ним боялись прикасаться и даже смотреть на них. Многие из них нашли в сотрудниках GFTS слушателей, обрели в их кругу уважение и надежу вернуть то, что считали окончательно потерянным.

Амстердам

Амстердам – очень красивый город. И люди здесь очаровательные. Я скоро вернусь. Обнимаю всех.

Дезире

Все беды семьи начались с этих нескольких строк, нацарапанных на обратной стороне почтовой открытки, которая пришла однажды утром в мясную лавку.

Дезире внезапно все бросил и пустился в безумные приключения. За несколько месяцев до этого, находясь в муниципальном палаточном лагере, он сблизился с группой голландских студентов. Легкость, с которой эти ребята путешествовали и обзаводились новыми друзьями, руководствуясь только волей случая, околдовала моего дядю. Они все вместе покуривали самокрутки с травкой и часами спорили обо всем на свете. Однажды чета из этой компании оставила ему адрес в Амстердаме. Аннекатрин и Нель приглашали его провести несколько дней у них, если появится возможность.

Потянулись унылые недели, проведенные меж-

ду работой у нотариуса и кафе на площади. И однажды утром Дезире понял, что у него больше нет сил тянуть эту лямку. Он побросал вещи в дорожную сумку, заскочил в мясную лавку, когда у отца был перерыв, взял деньги из кассы и отбыл на автодрезине с маленького городского вокзала в Ниццу, а оттуда на поезде в Париж. За двадцать лет своей жизни он впервые вышел за пределы той территории, которой ограничивалось его существование. И по мере того как его уносил ночной поезд, он ощущал себя все свободнее.

На следующее утро в мясной лавке зазвонил телефон. Старшенький извещал, что уехал к друзьям в Амстердам и что не надо о нем беспокоиться. Бабушка даже не знала, где найти на карте этот самый Амстердам. Не успела она приказать ему немедленно вернуться, чтобы не потерять работу, как разговор был прерван по той причине, что закончились деньги, брошенные в щель автомата. Глупый и бессмысленный телефонный гудок быстро вернул бабушку к действительности и заставил ее ощутить собственное бессилие.

А старший сын тем временем открывал для себя Амстердам. Пока его гостеприимцы были на лекциях, он бродил вдоль каналов, по паркам и улицам между вокзалом и соборной площадью.

Он растворялся в людской толпе вместе с хиппи, панками и клерками в аккуратных костюмах. Вдали от родного городка, от материнского присмотра, мир казался безграничным. На те деньги, что он отложил из заработанных и вытащил из кассы магазина, можно было продержаться несколько недель. Вернуться он планировал, когда карманы совсем опустеют.

Однажды вечером он зашел в бар на нижнем этаже дома Аннекатрин и Неля, чтобы там дождаться их возвращения. И тут с ним заговорила какая-то тоненькая девушка с каштановыми волосами. Она заметила, что он не съел свои орешки, и предложила помочь от них избавиться. Девушка с такой жадностью принялась их уплетать, что мой дядюшка рассмеялся. Они познакомились и принялись болтать на смеси английского и французского.

Ее звали Майя, ей только что исполнилось шестнадцать, и она сбежала из интерната. Она уже несколько дней жила на улице и заходила в кафе заказать себе что-нибудь, чтобы было чем запить набранную за день еду. Питалась она орешками, которые официанты насыпали в блюдца на столах. Мой дядя тоже рассказал ей свою историю: про наш городок с его скукой, про

желание отправиться в путешествие и пожить другой жизнью, не такой, как у его родителей. Майя сразу же влюбилась в Дезире, в его длинные волосы и вид а-ля Патрик Девер[2]. На следующее утро Майя перенесла к Аннекатрин и Нелю свои пожитки: одежду, несколько дисков Джерри Рафферти и старую гитару.

А в нашем городке мой отец, как всегда, работал. Перед открытием лавки он заглядывал в кафе, чтобы поболтать с завсегдатаями, почитать и прокомментировать страницу «Долина» в газете «Утренняя Ницца», посвященную новостям районов, примыкающих к центру. В то осеннее утро газета напечатала фотографию двух юношей, найденных в вокзальном туалете Ниццы. Скорее всего, они умерли от передозировки героином. В статье сообщалось, что несколько лет назад в казино «Бандоль» при схожих обстоятельствах была обнаружена девушка семнадцати лет от роду, со шприцем в руках. Она уже была мертва. По поводу этого случая газеты подняли сильный шум и долго пестрели заголовками, набранными крупным шрифтом. Тогда приняли

[2] Примечания: 2

Патрик Девер (наст. имя Патри́к Жан-Мари́ Анри́ Бурдо́) (1947–1982) — французский актер, певец и композитор, близкий друг Жерара Депардье. Покончил с собой в возрасте 35 лет.

закон о том, что тех, кто использует наркотики, следует считать преступниками и приговаривать к тюремному заключению.

В начале семидесятых Франция наконец согласилась скооперироваться с Соединенными Штатами, чтобы уничтожить так называемую «французскую связь» — канал, по которому в Марсель из Турции поставлялось сырье для производства героина на экспорт. Американские полицейские и их французские собратья надеялись уничтожить сеть крупных производств индустриального масштаба, но вместо этого обнаружили множество мелких лабораторий в скромных домах пригородов Прованса и Лазурного Берега. Существование разветвленной организованной системы оказалось химерой, за которой прятались эти лаборатории, зачастую оборудованные просто в ванных комнатах или гаражах Марселя, Тулона, Ниццы, Обаня или Сен-Максимена.

Франция кичилась тем, что пресекла трафик героина. Согласно данным, опубликованным в «Утренней Ницце», после того как на территории Шестиугольника, то есть Франции, ужесточили законодательство, сети трафика в близких к центрам районах были свернуты и тут, и в Италии,

где токсикомания буквально опустошала населенные пункты. Газета сделала вывод, что героин, оборвавший жизни двух юношей, поступил явно из-за границы. В нашем городке никто, похоже, особенно не переживал по поводу этих событий.

Тем временем в мясной лавке бабушка первая почувствовала неладное: очень уж долго отсутствовал старшенький. И она начала приставать с расспросами к младшенькому:

— Что ему там делать, интересно? Он ничего тебе не говорил? Уже прошло целых три недели с тех пор, как он уехал.

А старшенький и не собирался прерывать свои каникулы на другом конце Европы. Что его понесло в такую даль? Думаю, отец со временем объяснил бабушке, что Дезире мог, например, начать курить травку. Это вполне законно, травку подмешивают к табаку, чтобы добиться эффекта «приплытия» или «прилета». Бабушку, за всю жизнь не выпившую ни капли алкоголя и не выкурившую ни одной сигареты, такое известие просто ошеломило. Что же скажут люди в городке, когда узнают, что ее сын употребляет наркотики? Ему надо немедленно возвращаться. На кону честь семьи.

На конверте с очередной дядюшкиной от-

крыткой, пришедшей не так давно, от руки был написан адрес некой Аннекатрин.

Институт Пастера

В больнице Питье-Сальпетриер Вилли Розенбаум и его коллеги по GFTS изо всех сил старались продвинуться в изучении СПИДа. Обстановка всеобщего недоверия и скепсиса их отнюдь не смущала. Для них было немыслимо бросить пациентов, которые видели в них последнюю надежду на излечение и уважение. Врачей возмущала та участь, которую общество им уготовило, и явная дискриминация по отношению к ним. Они не могли допустить, чтобы больных превратили в объект грубых шуток. Вилли Розенбаум не собирался опускать руки. Напротив — в исследованиях, которыми он занялся более года назад, наметился серьезный поворот.

Жак Лейбович и его американские коллеги убедили Розенбаума: речь идет о ретровирусе. Инфекционист прилагал все усилия, чтобы добиться согласия представить свою работу в Институте Пастера. Там он надеялся найти достаточно компетентных специалистов для продолжения исследований в этом направлении. Он проводил целые вечера за объединением всех данных, которые собирал неделя за неделей, и хотел убедить

престижный институт ему помочь.

Осенним вечером 1982 года в маленьком конференц-зале Института Пастера состоялась презентация, которая привлекла внимание лишь небольшого количества сотрудников. Но Вилли Розенбаум не расстроился. Он методично и точно изложил, как разворачивались события за последние полтора года: знакомство со статьей в бюллетене MMWR, появление первых случаев пневмоцистоза, саркома Капоши, разрушение иммунной системы у больных, постоянно растущее количество консультаций, собрания в GFTS, контакты с американцами, возникновение гипотезы ретровируса. Он подчеркнул также, какую участь общество готовит первым заболевшим. Аудитория отнеслась к этой информации очень сдержанно. В конце своего сообщения он задал вопрос: не присутствует ли в зале ретровирусолог, который согласился бы помочь ему разгадать эту загадку? Ответа не последовало. Слушатели равнодушно разошлись. Розенбаум снова наткнулся на стену.

Когда он вернулся, ему позвонила Франсуаза Брен-Везине. Ей хотелось узнать, как прошло его вторжение в Институт Пастера. Она по-прежнему возглавляла лабораторию вирусологии в

больнице Биша — Клода Бернара и продолжала исследовать взятый у пациентов биоматериал (мазки, кровь, срезы тканей), чтобы выявить источник заражения. Вилли Розенбаум признал, что потерпел поражение. Но она настаивала: в Институте Пастера есть вполне компетентная группа для проведения такой работы. Во время своих экспериментов она отслеживала, в каких направлениях разворачивались исследования сотрудников института, и запомнила Жан-Клода Шермана, вирусолога, представившего отчет об изучении ретровируса. Под конец разговора она призвала своего собрата не терять присутствия духа, спокойно вести работу, информировать и предостерегать коллег и порекомендовала ему обратиться непосредственно к начальнику Шермана, директору Объединения вирусной онкологии института, профессору Люку Монтанье.

Поездка в Амстердам

На моего отца, едва достигшего восемнадцати лет, возложили нелегкую задачу доставить старшего брата из Амстердама. Младший брат только что получил права и купил себе первую машину, почти новый «Фольксваген-гольф». А главное — он был единственным в семье, кто во всем старался слушаться указаний родителей.

Я не помню, чтобы отец за всю свою жизнь хоть раз сел на поезд или на самолет. Он знал только свою работу и те деревеньки, куда сопровождал деда на грузовике. Он никогда не путешествовал и говорил только по-французски, ну, может быть, иногда на местном итальянском, если общался с бабушкой. Дальше этого границы его мира не простирались. Для него земля все еще оставалась огромной и непознанной.

Но это не имело значения. Младший сын, ни разу не обманувший надежд родителей, он был готов поехать на другой конец Европы и разыскать старшего. Дедушка вручил ему конверт с деньгами и карту автомобильных дорог, купленную в газетном киоске. Бабушка настояла, чтобы с ним поехал двоюродный брат Альбер. Он хорошо

знал Дезире и должен был найти нужные слова и уговорить его вернуться. Они отправились в дорогу утром, взяв с собой клочок бумаги с нацарапанным адресом, с которого Дезире отправил открытку матери, чтобы не волновалась.

Мой отец почти ничего не рассказывал мне об этом путешествии. А ведь оно было самым длинным за всю его жизнь. Их маршрут мне поведал компьютер. Теперь я знаю, что с церковной площади они повернули направо и проехали ровно тысячу двести восемьдесят три километра. Больше тридцати часов дороги, не считая остановок. Я представлял, как они сменяли друг друга за рулем и спали по очереди. Динь, Гренобль, Лион, Дижон, Нанси, Мец, Люксембург, Льеж, Маастрихт, Эйндховен, Утрехт и, наконец, Амстердам.

Единственное, что я слышал лично от него, — это история, которую он иногда рассказывал друзьям, собравшимся за столом. На въезде в Амстердам их остановили для проверки документов. Поскольку и форма, и машина полицейских были зеленые, они не сразу сообразили, что имеют дело с полицией. Альбер развеселился и на все вопросы отвечал французскими ругательствами.

— Всякий раз, как эти типы что-то спрашивали по-голландски, наш дурак Альбер отпускал ка-

кую-нибудь крепкую шуточку по-французски. Его это очень смешило, и он не мог остановиться!

Полицейские поняли, что над ними издеваются, арестовали путешественников и закрыли на ночь в одиночных камерах с решеткой вместо потолка, сквозь которую медленно падали хлопья снега. На следующее утро их, совершенно замерзших, выпустили.

Я был буквально околдован этим рассказом. Мой отец чуть не попал в тюрьму на другом конце Европы из-за каких-то глупых шуток! А ведь я его видел только сквозь витрину мясной лавки… Его жизнь обрела в моих глазах другие, нереальные очертания. Я тянул его за рукав и просил продолжить. Но он уже занялся своими взрослыми разговорами, пообещав досказать в другой раз. Эта поездка была его единственной вылазкой за пределы городка. Он ею гордился и старался сохранить все воспоминания о ней.

Не зная ни слова по-голландски, Альбер и мой отец умудрились отыскать квартиру Аннекатрин и Неля в Амстердаме. Дезире удивился, увидев родных, но их визит явно доставил ему удовольствие. Он жил в гостиной своих друзей вместе с молоденькой девушкой, с которой познакомился несколько дней назад. Ее звали Майя, и она на-

стояла на том, чтобы уехать вместе со всеми. Она бросила учебу и окончательно порвала с родителями. Ей очень хотелось посмотреть Францию в компании Дезире, и она уговорила его согласиться на отъезд. Получается, что отец фактически не оставил брату выбора. Он даже вообразить не мог, что может вернуться в родной городок к родителям, потерпев поражение. А дядя прекрасно понимал, какие доводы пустила в ход его матушка, чтобы его привезли обратно. Выставить Луизу в роли побежденной было никак нельзя.

Все четверо отправились в путь на рассвете. Впереди сидел Альбер с отцом, сзади — Дезире и Майя, несовершеннолетняя голландка без паспорта. У влюбленной парочки карманы были набиты гашишем, но все обошлось без приключений. В городок они приехали поздно ночью.

На следующее утро Дезире представил Майю всей семье. Родители были настолько рады его возвращению, что тепло и радушно приняли девушку, хотя их и смущали ее нежный возраст и положение. Конечно, не только их сын отправлялся в путешествие куда глаза глядят, как завзятый бродяга. Но не каждый привозил с собой малолетку, сбежавшую из дома. С помощью Майи, которая согласилась быть переводчи-

ком, они связались с ее родителями. Те ничего не имели против ее выбора. Они предложили урегулировать ситуацию, оформив девушку домашней помощницей на полном пансионе. Через несколько дней Эмиль и Луиза вместе с Майей поехали в Ниццу выписать ей паспорт и сделать все необходимое, чтобы узаконить ее пребывание в городке. Таким образом они останутся в рамках закона и смогут официально представить Майю соседям. Шестеренки механизма, запущенного бабушкой, пришли в движение. Дезире и не думал сбегать в Голландию, никого не предупредив. Он отправился туда в отпуск с друзьями, а теперь возвратился с девушкой, которая приехала учить французский язык.

Майя вместе с моим дядюшкой поселилась в его квартире над кафе. Она быстро вошла в семью и включилась в работу в магазине. Первыми французскими словами, которые она произнесла, были те, что употреблялись в мясной лавке. Мой дед научил ее украшать витрину, засаливать колбасы. Если в городке для нее не было особых дел, она ездила с дедом по деревням, и он показывал ей горы. По понедельникам Майя вместе с ним работала на бойне. Чтобы произвести на нее впечатление, Пьер, «работник» на бойне, пил

горячую кровь животных, перед тем как бросить внутренности собакам.

Мы с братом видели эту похожую на хиппи девчонку на снимках того времени. «Поляроид» случайно запечатлел ее, когда она прижалась к дяде Дезире, сидя с ним рядом на бархатном диване в гостиной у бабушки и дедушки. Когда мы спросили у мамы, кто эта незнакомка, она ответила с улыбкой:

— А, это Майя, хорошая девочка. Она прожила у нас несколько месяцев. За столом она пила только молоко. Я никогда такого не видела. Дезире привез ее из Амстердама как невесту. Твоему отцу пришлось ехать туда его разыскивать. И это его рассердило.

На другом фото Майя вместе с моим отцом и Альбером сидит на диване в гостиной, где пол покрыт оранжевым ковром. Это единственный снимок, оставшийся из сделанных в Амстердаме. Альбер притворяется, что хочет выпить из горла бутылку вина, которую ему протягивает мой отец. Майя и Дезире весело хохочут. А отец кажется таким счастливым, словно эта поездка для него была не неприятной обязанностью, а просто поводом навестить старшего брата и, может, присоединиться к нему и тоже сбежать. Так,

маленькое затмение на небе владельцев мясной лавки, без малейшего следа того гнева, что потом будет появляться у него на лице, когда я стану просить его рассказать о брате.

БРЮ

В начале декабря 1982 года Вилли Розенбаум добился телефонного разговора с профессором Люком Монтанье. Заведующий отделением вирусной онкологии Института Пастера внимательно его выслушал. Для обоих это была возможность подвести итог всему, что было известно о новом заболевании. Полтора года назад начались исследования во Франции и в США. Теперь стало известно, что оно поражает не только гомосексуалов. Все больше и больше случаев выявляли в других группах населения: у гетеросексуалов, наркоманов и гемофиликов. Заражение происходит через кровь и половым путем. И, что совершенно необъяснимо, все больше больных выявлялось на Гаити.

Однако СПИД все еще оставался неизученным. Все попытки американца Роберта Галло выявить вирус в крови больных заканчивались неудачей. Казалось, лимфоциты Т4 атаковал патогенный вирус, но выделить его было невозможно. В многочисленных случаях заболевания людей с иммунодефицитом медикам не удавалось ясно разглядеть этот возбудитель, невозможно

было также определить источник появления синдрома.

Одним воскресным утром в Институте Пастера было организовано совещание для выработки стратегии. Вилли Розенбаум и Франсуаза Брен-Везине встречались с тремя учеными: Жан-Клодом Шерманом, Франсуазой Барре-Синусси и Люком Монтанье. Поскольку на самой поздней стадии заболевания вирус у больных обнаружить не удавалось, все сошлись во мнении, что необходимо искать его присутствие на более ранней стадии, пока вирус еще не начал уничтожать иммунную систему и не оставил следов своей разрушительной деятельности.

По предложению Розенбаума сотрудники Института Пастера договорились подвергнуть анализу образец ткани лимфоузла больного на ранней стадии заболевания СПИДом. Возбудитель должен был располагаться именно там. Но сначала требовалось удостовериться, что пациент находится именно на ранней стадии развития болезни. Инфекционист подумал об одном из своих пациентов, гомосексуалисте, который часто ездил в США и имел там множество половых контактов. На данный момент он жаловался на лимфаденопатию, то есть на воспаление

лимфоузлов. Симптомы были немногочисленны, но Розенбаум распознал в них первые признаки болезни. Он уже наблюдал эти симптомы у многих пациентов, которые затем заболели. Он спросил у парня, не согласится ли тот поучаствовать в эксперименте. Парень уже представлял, что ожидает его впереди, а потому согласился.

Третьего июня 1983 года Вилли Розенбаум в операционной взял срез лимфоузла у своего пациента. Пробу окрестили BRU (БРЮ), такова была аббревиатура имени пациента, и в конце дня передали Франсуазе Брен-Везине. Она отправилась через весь Париж, из больницы Питье-Сальпетриер в Институт Пастера, на такси.

На сиденье рядом с ней, в маленькой сумке-холодильнике, сквозь плотный поток машин пробивался вирус, который будет признан виновником одной из самых разрушительных и опасных эпидемий конца XX века.

Уснувшие дети

Несомненно, все так и началось. В начале 80-х, в одном из сообществ, постепенно клонившихся к закату. Средь бела дня на улице нашли подростков, лежавших без сознания. Поначалу все подумали, что они накануне перебрали и теперь у них тяжкое похмелье, а может, и травки накурились. Хуже всех, конечно, придется их родителям. Но потом стало ясно, что ничего общего ни с травкой, ни с алкоголем их состояние не имеет. Глаза лишившихся чувств детей закатились, рукава были закатаны, а в локтевых ямках торчали шприцы. Разбудить их оказалось нелегкой задачей. Их шлепали по щекам и поливали холодной водой, но безрезультатно. Тогда решили, что их нужно разнести по домам к родителям, которые надеялись, что соседи не станут болтать лишнего.

Старшее поколение ничего не понимало. Это были дети предпринимателей, чиновников, сыновья и дочери коммерсантов, сумевших сколотить недурное состояние. Их семьи имели обширные связи, владели домами, землями и предприятиями. Они не знали, что такое Вторая

мировая война, войны в Индокитае и Алжире, что такое голод, холод и лишения. Они стали свидетелями событий 1968 года, сидя у экранов телевизоров, и до них дошло только слабое эхо беспорядков, разнесшееся по окрестным долинам. Они не принимали участия ни в манифестациях, ни в забастовках, получили отсрочку от воинской повинности благодаря высокому положению родственников. Им дали возможность учиться, развлекаться, впадать в заблуждения и искать свои пути, пусть все это и было далеко от строгих правил, которым подчинялись, взрослея, их родители. Близкие надеялись на то, что они сделают блестящую карьеру в администрации или в каком-нибудь солидном региональном предприятии. А их нашли ранним утром на улице в бессознательном состоянии распростертыми на плитах мостовой. Старики во всем винили недостаток родительского авторитета и постепенное исчезновение вековых ценностей.

А может, тут и винить было некого.

По мнению представителей закона, все обстояло гораздо проще. Жандармы без предупреждения являлись в дома зажиточных граждан. Их автомобили подолгу стояли возле каждого особняка. Они разбирали шкафы, вспарывали матрасы, вытря-

хивали все из пакетов с едой. А потом объявляли испуганным родителям, которые не верили своим ушам, что их дети замечены в преступном поведении, за которое по статьям L.626 и L.627, согласно закону, принятому в 1970 году, полагается наказание в виде тюремного заключения. Они рискуют, таким образом, получить до десяти лет. Однако для наркоманов закон предусматривает принудительное лечение. Служителей закона вовсе не смущало, что это предписание рассматривали как излишнее. Тем, кто был не согласен на принудительное лечение, возвращали статус преступников, то есть людей вне закона, и это заставляло родителей замирать от ужаса.

В городке, где все друг друга знали, репутация семьи была очень важна. А в глазах жандармов она большого веса не имела. В кабинете следователя в Ницце все связи родителей не имели никакого значения, здесь они никого не могли упросить заступиться за их детей. За пределами долины подобное было для них недоступно.

Тогда они попытались договориться. Дети просили прощения. Они никогда больше такого не совершат и не попадут в полицию. Они больше не станут водиться с теми, кто приобщил их к этой гадости. Но семена зла в них уже начали

прорастать. Дети врали, а родители им верили. Они отрицали очевидное, поскольку боялись, что об этом скажут другие люди, гораздо больше последствий для тел и душ их собственных детей. Стратегия их была проста: держаться твердо и ждать, пока дело само собой рассосется. Самые заинтересованные силой привозили детей на побережье и заставляли пройти курс дезинтоксикации. Но как детей ни изолируй, они все равно вернутся домой и снова будут общаться с тем же кругом знакомых, а потому рецидивы неизбежны.

Люди словно пребывали в прострации, они оказались неспособны что-либо понимать, а уж тем более реагировать. Родители совсем растерялись. Некоторые прежде и не подозревали о существовании подобных веществ, а те, кто, обладая определенным здравомыслием, все же задавал себе вопросы, не могли на них ответить. Кто все это начал? Откуда это взялось? Кто додумался продавать это детям? Кто показал им, как с этим надо обращаться? Почему дети пошли за ними? И где они взяли столько денег?

Жандармы констатировали увеличение количества краж в регионе. Обворовывались виллы, стоящие на холмах, бакалейные лавки, аптеки.

Автомобилисты по утрам обнаруживали, что из их машин пропали приемники. В кражах в кафе охотно обвиняли молодежь из густонаселенных районов Ниццы. Рассказывали, что в этих районах видели арабов. Задержанные на месте преступления ловко выкручивались. Причем дело касалось местных наркоманов, детей из городка.

Оказываясь лицом к лицу с опечаленными родителями, жандармы позволяли себе отпускать комментарии. После разграбления американских вилл возле Марселя героин стал распространяться за пределы парижских пригородов и Голландии, до самой Италии. Точные сведения получить было трудно. Наркотик циркулировал в деревнях и маленьких городках, на студенческих вечеринках и семейных праздниках, в районах, примыкавших к центру, следуя еженедельными путями местных студентов, которые учились в Ницце и приезжали на выходные. Шприц быстро вытеснил сигарету с травкой и завоевывал все больше поклонников, довольных новыми ощущениями. Эти юнцы, томящиеся от скуки и околдованные всем, что приходило из города, становились отборными клиентами дилеров, а потом и сами начинали перепродавать дурь,

чтобы оплатить собственные расходы. По мере увеличения распространения дури усиливалось и возбуждение, которое она вызывала. Родители мучительно топтались на месте, не в силах разгадать причину недуга своих детей. Порой доходило до сумасшествия. Люди десятилетиями изнуряли себя работой, чтобы добиться достатка и уважения. И тем горше им было сейчас. Они рассчитывали, что потомки будут беречь и приумножать то, что представляло для них ценность, и то, что они с таким трудом создали. Однако пришло время, когда дети готовы были выбросить все их наследие в сточные канавы самых вонючих улочек городка.

Наука

Вечером 3 января 1983 года пробы, взятые у пациента Вилли Розенбаума, прибыли в Институт Пастера. Люк Монтанье сразу приступил к работе. Он разделил срез лимфоузла на несколько фрагментов и поместил их в питательную среду. Эти порции бульона с фрагментами тканей он распределил для дальнейших исследований между своими сотрудникам и стал ждать результатов. Несколько дней спустя прибыла еще одна проба, взятая у другого пациента: LAI.

Жан-Клод Шерман собрал группу у себя в кабинете. Он привык работать с опасными вирусами в Институте Пастера, но о реальной опасности именно этого вируса никто не имел ни малейшего представления. Ученый убедился, что каждый член группы согласен начать эксперимент. Ему не хотелось никого принуждать. Все оказались единодушны: «Если вы этим займетесь, то и мы займемся вместе с вами».

И началась долгая работа. После трех недель наблюдений Франсуаза Барре-Синусси, бывшая студентка Шермана, обнаружила активность обратной транскриптазы, то есть энзима, который

ретровирусы используют, чтобы проникнуть в организм зараженного. Она отдавала себе отчет, что в этих пробирках с пробами все очень быстро изменяется. Причем не только подтвердилось наличие ретротранскриптазы, но и обнаружилось, что клетки гибнут поразительно быстро: в пробирках с питательным раствором скоро фактически не осталось материала для наблюдения.

На экстренном совещании в кабинете Шермана было принято решение подкормить образцы лейкоцитами, чтобы поддержать их активность. Для этого сделали запрос в центр переливания крови Института Пастера. Определить возбудителя болезни не удалось, но ученые решили его подкормить, чтобы получить дополнительное время для его идентификации.

Оказавшись перед фактом внезапной гибели клеток, группа Института Пастера усомнилась в правильности гипотезы американских коллег. По ту сторону Атлантического океана были уверены, что возбудитель болезни, несомненно, ретровирус типа HTLV. Но если бы это было так, то наблюдаемые клетки имели бы тенденцию к разрастанию. Однако в культурах Института Пастера они массово погибали.

Через несколько дней Франсуаза Барре-Синусси

снова обнаружила в культурах энзим, типичный для ретровируса, на этот раз в гораздо большем количестве. Она сообщила об этом своему руководителю. Жан-Клод Шерман, в свою очередь, предупредил Люка Монтанье, который передал пробы Шарлю Доге.

Доге, специалист Института Пастера, работавший с электронным микроскопом, попытался локализовать ретровирус. Он тоже встревожился, поскольку задача была опасная, но в такого рода наблюдениях у него уже имелся опыт. С помощью новейшего оборудования он тщательно изучил все фрагменты среза, которые ему предоставили. Поняв, что находится у цели, Люк Монтанье каждый вечер приходил посмотреть, не появилось ли в пробах что-нибудь осязаемое. Третьего февраля, после показавшейся бесконечной недели ожидания, у него снова зазвонил телефон. Доге был краток: «Все получилось, я вижу возбудитель».

Вся команда собралась у него кабинете. Каждый заглянул в микроскоп, желая увидеть, как сами собой разрастаются крошечные частицы вируса. И они не были похожи на те, что были известны до сих пор.

Это не был вирус HTLV, как предполагала американская группа профессора Роберта Гал-

ло. Вирус, идентифицированный в Институте Пастера, оказался совсем другим. Гипотеза о его разрушительном воздействии на клетки, в которые он попадал, получила подтверждение. Образец французского вируса, изолированный с того дня, как пробу лимфоузла взяли у пациента LAI, который пребывал уже в более продвинутой стадии болезни, чем пациент BRU, отправили американским коллегам, чтобы те тоже могли с ним ознакомиться.

Двадцатого мая 1983 года в престижном американском журнале «Наука» была опубликована статья. В ней говорилось, что группа французских исследователей выявила новый смертельный вирус, возможно, вызывающий синдром приобретенного иммунодефицита. Люк Монтанье предусмотрительно взял на себя заботу окрестить вирус, и он получил название LAV (акроним Lymphadenopathy Associated Virus), то есть вирус, связанный с лимфаденопатией. Отличие гипотезы Монтанье от американской приняли, но провозглашать победу было рано. Предстояло еще выявить причинно-следственную связь между этим вирусом и заболеванием.

«Супер-8»

На начальных кадрах пленки появилось позднее утро в деревне. Хотя изображение прыгало, было понятно, что люди, которых когда-то снял оператор, на воскресном отдыхе, пьют аперитив возле дома. Откуда-то, несомненно, доносились взрывы смеха, скрип гравия, пение птиц и шелест листвы. Но камера моего отца не могла уловить этих звуков. Все вокруг затихло, и было слышно только жужжание кинопроектора, превратившего всех этих людей в призраки.

Все передавали друг другу двух малышей, похожих как две капли воды, чтобы встать с ними перед объективом. А сзади, между чокающимися взрослыми, сновали ребятишки и собаки, норовившие стащить приготовленные бисквиты. Обе семьи — и отца, и матери — в виде исключения собрались вместе на этой пленке, теперь упакованной в пожелтевшую бумагу фирмы «Кодак», где от руки написано: «Крещение близнецов».

Через минуту и тридцать две секунды в углу, в глубине кадра, появилось изображение супружеской пары. Они держатся в стороне от всей этой суеты. Невероятная худоба, обтянутые кожей

лица и беззубые рты делают их похожими на скелеты. Они настолько похожи друг на друга, что их можно принять за брата и сестру. Дезире и Брижит, его жена, уже окончательно увязли в героине. Пленка треснула, и дальше изображение пропало. Видимо, бабушка не хотела видеть то, о чем давно знали все.

Они познакомились за несколько лет до этого. Случилось это через несколько месяцев после отъезда Майи, на вечеринке в Ницце. Брижит была единственной дочерью торгового представителя винной компании, вся жизнь которого проходила в разъездах. Соответственно, большая часть жизни его жены и дочери проходила в ожидании. Фактически брошенная мужем, мать Брижит потребовала развода и поселилась вместе с дочерью у одной из своих сестер в маленькой квартирке на севере города. Теперь ее занимали только работа секретаря и разбитая личная жизнь. Поэтому она предоставила Брижит, совсем еще подростку, полную свободу, благо в ватагу молодежи, к которой присоединилась Брижит, входил один из ее кузенов, а этому парню она доверяла. Ребята были из простых семей и круглый год жили в центральных кварталах городка, которые любят изображать на почтовых

открытках. Этих парней в черных рубашках, на мотоциклах, можно было часто увидеть в районах Мадлен, Пастер и Лас-Планас, на пустырях, где устроили парковки супермаркетов. Компания из парней и нескольких девчонок перебивалась случайной работой, кражами и мелкими темными делишками. Проведя все свое детство в ожидании отца, который так и не вернулся, Брижит цеплялась за них, как сидящий сзади пассажир цепляется за мотоциклиста, молясь, чтобы тот увез его подальше.

После первого знакомства Дезире часто встречал ее на вечеринках в горах или в одних и тех же барах. Прошло несколько месяцев, и Брижит решила осесть в городке. Она даже нашла работу сестры сопровождения в доме престарелых. Несмотря на то что других вакансий в долине не было, эта работа была такой тяжелой, а бросали ее так часто, что в любой день можно было получить место даже без всякой квалификации. Чтобы отличать эту категорию медработников от секретарей или медсестер, их называли жопомойками.

На тридцати бобинах из коллекции моего отца Дезире и Брижит появляются только дважды. Второй раз — на восьмимиллиметровой пленке

маленькой карманной видеокамеры, где изображение сильно выцвело. За монастырским розарием, на холме Симье, раскинулась Ницца. Небо серое и низкое. На записи видна счастливая семья отца. Жан-Пьер, самый младший из его братьев, улыбается, словно только что отпустил удачную шутку. У входа в сад припаркованы вышедшие из моды автомобили. Из одного из них выходит Брижит в коротком белом свадебном платье. В саду, стоя рядом с матерью, ее ждет Дезире в бордовом костюме, с галстуком-бабочкой. Оба еще не исхудали и не растеряли все зубы, оба свободно дышат. Они еще не ютятся в самом углу кадра, как призраки, а находятся в центре фокуса, среди живых. Вид у них счастливый. Правда, немного испуганный, но ведь счастливый!

Когда изображение на стене моей комнаты внезапно гаснет, я понимаю, что они могли бы жить полной жизнью, без наркотиков. Могли быть счастливы. И тогда я бы смог с ними познакомиться. Их жизнь была бы простой, о ней, может, и рассказывать не стоило бы, но она была бы полной и настоящей. Именно в этот день им надо было встряхнуться и начать все сначала, по-другому. А теперь ничего не остается, кроме как вглядываться в эту сделанную отцом запись

на пленке «Супер-8». Там они еще живые…

Киншаса

В 1983 году, несмотря на ощутимые успехи, достигнутые в лабораториях Парижа и Вашингтона, широкая публика все еще была уверена, что СПИД затрагивает только три категории людей, которые стали именовать группами риска: это гомосексуалы, наркоманы с героиновой зависимостью и гемофилики. Однако 12 мая 1982 года бюллетень MMWR сообщил о выявленном СПИДе у женщин гетеросексуальной ориентации. Появилась четвертая группа больных, «4H» («4 гаитянки»), непостижимым образом обнаруженная на Гаити.

Интерес исследователей и общественное неприятие этого феномена потребовали долгого сосредоточения на «4H»: очень уж сильно было недоверие к гаитянской группе. Для медиков, занятых проблемой СПИДа, таких как Розенбаум, создалась невыносимая ситуация. С той же энергией, с какой Розенбаум всегда подходил к делу, он продолжил исследование СПИДа. Собственно, так и следует вести борьбу с предрассудками, определяющими общественное мнение.

В Институте Пастера своим чередом шла работа

по установлению связей между образцами LAV и СПИДом. Чтобы доказать, что вирус затрагивает не только популяцию «4Н», необходимо было его выявить у людей, принадлежащих к другим категориям. В середине сентября 1983 года Розенбаум показал одну из своих умирающих пациенток профессору Монтанье. У молодой женщины налицо были все признаки развивающейся инфекции. Но она не подходила ни под одну из привычных категорий больных, у которых обнаруживали СПИД: девушка из Заира, традиционной ориентации, никогда не употребляла героин, и ей никогда не делали переливание крови. Тем не менее она умирала от СПИДа, и Розенбаум был в этом убежден. Спустя два года он наблюдал уже достаточное количество больных и был в состоянии идентифицировать типичные симптомы болезни.

С согласия пациентки у нее взяли кровь и переправили в Институт Пастера. Люк Монтанье поместил биоматериал в питательную среду: а затем распределил пробы в лаборатории Жан-Клода Шермана и Франсуазы Барре-Синусси. Их команда выявила вирус, открытый за несколько месяцев до этого, в своих пробирках. Их метод работы становился все более совершенным и на-

дежным. И результаты не заставили себя ждать. В конце сентября в больницу Питье-Сальпетриер позвонил Розенбаум: Монтанье прав, молодая пациентка заражена вирусом СПИДа.

Обоих ученых это не удивило, новость оказалась очень важной по двум причинам. Во-первых, теперь появилось доказательство, что вирус передается и среди гетеросексуалов. Во-вторых, эта пациентка была родом из Киншасы. Как и множество больных, обнаруженных по всему свету, она из Африки. Болезнь может поразить кого угодно, но прежде всего она гнездится в огромных очагах, места расположения которых еще надо уточнить, хотя уже совершенно ясно: они находятся в африканских городах.

Вилли Розенбаум так и не сообщил о результатах анализов своей молодой пациентке — она умерла вскоре после того, как у нее взяли кровь.

Он и другие исследователи пришли к единому выводу: в мире возникла реальная угроза пандемии.

Кофе

Было воскресенье. Ну, конечно, это могло быть только воскресенье. Такое разрешалось только по воскресеньям. Мои родители пригласили родителей отца к себе домой на чашечку кофе. Им хотелось спокойно пообщаться, оставив на время все хлопоты в магазине.

Отец всегда подстраивался под образ жизни семьи. Он ушел из школы раньше положенного срока, чтобы посвятить себя работе в мясной лавке, которая носила его имя. Несмотря на соблазнительные предложения конкурентов, знавших, что он человек серьезный, опытный и преданный делу, он всегда оставался верен работе именно на семейном предприятии. Однажды на окраине городка открыли супермаркет, и его кандидатуру предложили на место заведующего мясным отделом. Отец прошел собеседование и терпеливо прослушал курс подготовки к этой должности. А потом все-таки отказался, причем в самый день открытия. Как все и предвидели, он вернулся работать в лавку. Городские коммерсанты подняли крик, что он их убивает и разоряет, что он украл у них клиентов. Но он не

мог позволить себе поступить иначе и держался твердо. Он покинул супермаркет с его огромным холодильником, не продав ни кусочка. Ради мясной лавки родителей он сделал бы что угодно.

И вдруг всего одной фразой он впервые собирался нарушить покой их привычного мира. Все, что они построили за десятилетия, вкладывая свою энергию, добившись процветания семьи и воспитав прекрасных детей, — все должны были разрушить какие-то несколько слов. И произнести эти слова предстояло ему. Словно именно ему это было предначертано заранее. Никогда еще отцу не было так трудно произнести короткую и простую фразу. Мама, конечно же, собралась сказать это вместо него, но он ей не позволил. Ему хотелось сохранить достоинство и донести эту ношу до конца.

Бабушка с дедом расположились на диване. Мама сервировала кофе на маленьком столике. После нескольких ничего не значащих замечаний о цвете неба, о работе и узорах на обоях отец отважился броситься в омут, и не потому, что не боялся, а потому, что просто не нашел предлога, чтобы отсрочить этот момент. Вчера вечером он снова заметил, что в кассе не хватает денег. Он пересчитал их, проверил все чеки, но сумма не

сходилась. Теперь же он знал, куда эти деньги деваются. Об этом он и хотел поговорить с родителями. Прежде чем начать, он набрал в легкие побольше воздуха. Все дело было в Дезире. Это он залезал в кассу во время вечернего перерыва, когда магазин закрывался.

Бабушка была поражена:

— Дезире? Дезире входил в магазин между двенадцатью и двумя часами дня, чтобы обокрасть родителей? Да что ты такое несешь? Ни ему, ни тебе мы с отцом никогда не отказывали, если вам было что-нибудь нужно!

Бабушка не могла поверить. Почему ее старший сын, который добился таких успехов, получил диплом и теперь имел хорошую работу, вдруг стал нуждаться в деньгах? Это чушь какая-то…

И папа заговорил дальше, словно плотину прорвало. Почему? Да потому, что Дезире употребляет наркотики. Потому, что он колется, как и большинство его друзей. Потому, что героин — заоблачно дорогое удовольствие, а по мере привыкания его требуется все больше и больше. А его привыкание перешло в зависимость, и цена выросла. Мама прибавила, что Брижит во время обеда стащила ее украшения, не бог весть какие дорогие, но доставшиеся ей в наследство

от бабушки.

Дедушка сидел молча, и вид у него был печальный, зато бабушка впала в ярость, на что она была большая мастерица. Наверное, ее крики были слышны на другом конце городка. Мама потом рассказывала мне: «Она посчитала нас врунами, настолько ей не хотелось верить, что ее сын колется». Она назвала их завистниками, потому что и мой отец, и моя мама просто завидовали Дезире. Завидовали его успешности, его работе, завидовали, что у него есть машина, завидовали его положению в обществе. Бабушка приказала деду встать, и оба удалились к себе. Всю дорогу домой Луиза кипела и никак не могла успокоиться.

Сегодня я понимаю, что деньги, украденные из кассы, были не просто деньгами. Это были годы нелегкого обучения и работы, тысячи бессонных ночей, пробуждений ни свет ни заря, отказов в отдыхе. Эти деньги принадлежали и моему отцу тоже. Дезире обкрадывал не только родителей, но и брата. Разоблачив его, младший брат по-детски ждал, что родители его поддержат. Ждал от них хоть какого-нибудь знака, доказательства, что он работал не зря, ему хотелось, чтобы они признали его как личность. Эти деньги были

для него выражением преданности и любви к родителям. Младший сын мог запросто подвести родителей, уйдя на более выгодное место работы к конкурентам, но он остался им верен. А они вместо этого унизили его перед женой, и всё ради сохранения образа старшего сына, который они сами для себя и создали.

Мои родители не были особенно разочарованы. От этой встречи они большего и не ожидали. Мой отец сделал то, что считал своим сыновним и братским долгом. Та декорация из папье-маше, которую они воздвигли, долго не продержится перед лицом поднявшегося в городе шума. Репутация, с таким трудом завоеванная, померкнет с первыми обысками жандармов. А вскоре и их молчание разобьется о вой сирены машины с мигалками, которая приедет спасать Дезире от первого передоза.

Роберт Галло

Вопреки всем наблюдениям, проведенным специалистами Института Пастера, американский профессор Роберт Галло отказался признать, что вирус, вызывающий СПИД, отличается от вируса HTLV, первого ретровируса человека, который открыли в 1981 году. Ведь его международный авторитет основывался именно на этом открытии.

В отличие от небольшой, но многопрофильной группы ученых Института Пастера, Галло был знаменитостью только в своей области. Он работал в гораздо более мощной структуре, чем его парижские коллеги, — в Национальном институте здоровья, расположенном в северном пригороде Вашингтона. Сидя в своем офисе на последнем этаже строения номер 37, он был убежден, что исследователи Института Пастера случайно заразили пробы в ходе неаккуратных манипуляций. Открытие нового вируса в Париже застигло его врасплох. Он рассчитывал на то, что успеет уточнить линию поведения.

В ходе более или менее регулярного сотрудничества с французами он получил препараты зараженных клеток, отправленные Жаком Лей-

бовичем по почте прямо в больницу Раймона Пуанкаре в Гарше. Они были взяты у пациента, заразившегося при переливании крови после мотоциклетной аварии на Гаити. Роберт Галло сразу по получении препаратов принялся за работу. Он искал свой вирус и нашел его. Это совершенно точно был вирус HTLV, всегда появлявшийся на первой стадии СПИДа. Он торжественно представил свои результаты на семинаре и в прессе. На первых полосах журнала «Наука» он заявил, что ему удалось выделить ретровирус в крови больных, тем самым снова поставив под угрозу открытие французов.

Но Роберт Галло еще не знал, что пациент после переливания крови, на показателях которого он основывал свои утверждения, был инфицирован дважды: ретровирусом, очень распространенным на Гаити, и вирусом СПИДа. Эта печальная случайность привела к тому, что Галло, по сути, оказался в тупике, как и многие представители международного научного сообщества, которые предпочли поверить результатам исследований крупного американского специалиста, а не выводам малочисленной группы практически никому не известных французов.

В секретном месте

Как только прошел первый шок от полученного известия, бабушка, даже не поставив в известность деда, решила проконсультироваться с городским врачом, которому доверяла. В таких местах, где все друг друга знают, подобные визиты особенно мучительны. Кабинет врача находился на первом этаже старого дома, на тесной и мрачной улочке, пропахшей кошачьей мочой. В конце плохо освещенного коридора, в тесной приемной, терпеливо дожидались посетители. Отовсюду слышались то вздохи, то перешептывания. Когда все журналы, лежащие на низком столике, были просмотрены, взгляды посетителей обращались к двум наклеенным на стену изображениям. Одно представляло собой агитку о вреде курения, а другое — какую-то средневековую картину. На ней была изображена обнаженная девушка, едва прикрытая покрывалом, в окружении двух врачей в черных одеждах и остроконечных шляпах. У каждого в руках было по огромному шприцу, причем такому огромному, что я все мое детство задавался вопросом, можно ли принимать эту картину всерьез.

В глубине кабинета, под деревянным распятием, старый врач общего профиля заговорил шаблонными фразами, словно взятыми из скверного парламентского отчета. Он обрушился на интеллектуалов, на газеты, книги и диски, которые выказывали сочувствие распространению наркотиков, прежде всего затрагивающему молодежь. Их рассуждения наносили больше всего вреда тем, кто работал в полях и зачастую не мог им противостоять. Старик изобличал дурные знакомства в городе, общество, утратившее бдительность, и ту свободу, в которой росли дети. По его мнению, именно свобода и таила в себе наибольшую опасность и приводила к неисчислимым бедам, в которых винить надо было только самих себя.

Затем он разъяснил Луизе, что героин поначалу распространился по побережью, а потом постепенно пришел в долину. Отделения токсикологии в больницах Ниццы были переполнены, и большинство наркоманов отправляли в психиатрическую клинику Сен-Мари. Это единственное место, где умеют справляться с ломкой, применяя смирительные рубашки и транквилизаторы. Но детоксикация мало помогает. Инициативные жители пытались помочь устранению этой про-

блемы. Следователь из Ниццы Мишель Заваро, устав каждый понедельник утром находить у себя в кабинете наркоманов, задержанных за кражи ручной клади и магнитол, создал в одном из равнинных поселков специальный центр, где страдающим от зависимости, прошедшим курс лечения, предлагали всевозможные занятия в спокойной обстановке. Несмотря на то что в некоторых случаях это давало положительный результат, побеги и рецидивы большинства пациентов сильно изматывали персонал. Лет через пять проект заглох сам собой. Героин оказался сильнее.

Провожая мою бабушку до двери кабинета, врач рассказал ей, что во время войны в Индокитае он видел, какие разрушения производил опиум. Опиаты по степени привыкания превосходят все известные ему препараты. А лечение долгое, мучительное и дорогое. Надо быть бдительными и держать Дезире подальше от дурных компаний. Луиза попросила записать сына в очередь на дезинтоксикацию. Но предстояло еще добиться, чтобы он согласился.

Крестовый поход

В конце концов, сам факт, что французы решительно вырвались вперед в исследовании нового вируса, не имел значения, пока их работу не признало международное научное сообщество. И тогда Люк Монтанье, Франсуаза Барре-Синусси, Жан-Клод Шерман и Франсуаза Брен-Везине начали убеждать конгресс за конгрессом дать им возможность ознакомить мировое сообщество с результатами их исследований и убедить его, что именно LAV, вирус, выделенный в Институте Пастера, и есть возбудитель СПИДа. Но эта отважная четверка оказалась более успешной в работе с биоматериалом в лаборатории, чем в искусстве убеждать толпу. Если прибавить к этому репутацию и красноречие Роберта Галло, который отстаивал свою гипотезу ретровируса, то станет понятно, почему они потерпели поражение.

В июле 1983 года Роберт Галло принимал Люка Монтанье в США. В портативном холодильнике француз привез ему пробирку с выделенным вирусом, чтобы он смог лично его изучить. Обаятельный американец сам встретил коллегу в аэропорту и отвез к себе. Монтанье приняли

очень тепло. Было воскресенье, и приступать к работе над привезенным материалом раньше понедельника никто не собирался. Пробирку с вирусом поместили в холодильник в доме Галло, что привело в полное замешательство его жену.

Шли месяцы, встречи и обмен данными продолжались, но к конкретным результатам не приводили. Галло и его команда считали, что LAV — всего лишь разновидность HTLV. Они повторяли это повсюду, от семинаров до газетных статей, от газетных статей до конгрессов, отказываясь признавать LAV возбудителем СПИДа и навязывая свою точку зрения международному научному сообществу. Французская сторона воспринимала это с подобающим терпением: ясное дело, чтобы всех убедить, надо работать дальше, продвигаться и накапливать доказательства.

В Париже по инициативе Вилли Розенбаума Люк Монтанье встретился с иммунологом Давидом Клацманом и эпидемиологом Жан-Клодом Глюкманом. Когда-то оба помогали Розенбауму в случае со стюардом, однажды утром 1981 года явившимся на консультацию в больницу Биша — Клода Бернара. Тогда они вместе пытались понять, откуда мог взяться иммунодефицит у молодого парня. Впоследствии оба исследователя

принимали участие в первых собраниях рабочей группы, созданной Розенбаумом.

Сейчас основной задачей было установить, что LAV является возбудителем болезни, и понять, каким образом ретровирус атакует иммунную систему. Как только удастся связать LAV со СПИДом, все сомнения исчезнут. Жан-Клод Глюкман и Давид Клацман присоединились к команде Института Пастера, чтобы подключиться к выполнению этой миссии.

А по ту сторону Атлантики Роберт Галло попрежнему вел себя как удачливый игрок. Чтобы убедить всех в своей правоте, он постоянно приглашал французских коллег приехать и предъявить свои результаты на конгрессах.

Четырнадцатого сентября 1983 года Люк Монтанье принял участие в престижном конгрессе в Колд-Спринг-Харбор, что в нескольких десятках километров от Нью-Йорка. Представитель Института Пастера сообщил о полученных результатах в двадцатиминутном выступлении. Среди американских исследователей было весьма распространено мнение, что обнаруженный вирус — просто результат неаккуратного эксперимента. Неудивительно, что аудитория встретила выступление француза лишь недовер-

чивым безразличием. На ломаном английском, на скверно настроенном дисплее с постоянными помехами в изображении Люк Монтанье силился доказать, что наряду с американской ошибкой, которую все приняли за открытие, существует подлинный успех, истинный прорыв, совершенный французами.

Однако в тот же день, на конгрессе, Институт Пастера подал заявку на поддержку и засвидетельствование патента на первый тест обнаружения вируса в результате параллельного обследования зараженных пациентов.

Франко-американская битва патентов, причиной которой послужило сомнительное сочетание сотрудничества и соперничества, только начиналась.

Одесную Отца

Гнев бабушки постепенно утихал. К тому же дед оказался одним из тех, кто нашел своего сына спавшим на улице с иглой в вене. Трудно отрицать очевидный факт. Потрясение для них обоих было настолько велико, что они долгое время не могли об этом говорить. Но они об этом узнали. Тогда очень осторожно, избегая этой темы, словно и не было никакой размолвки по поводу Дезире, а они просто были очень заняты в магазине, дед с бабкой возобновили отношения с моими родителями.

Луизе понадобились недели, а может, и месяцы, чтобы привыкнуть к сложившейся ситуации. Думаю, после визита к местному врачу это ей удалось, по крайней мере, в какой-то степени. Но внешне она никак не могла с этим смириться. Бабушка убежала от войны и от военной Италии, когда ей не было и двенадцати лет. Она всю жизнь старалась преодолеть презрение общества, которое долгое время считало ее чужой, и отчаянно стремилась позабыть свои итальянские корни, считая себя членом семьи мужа. А родная семья не желала ее принимать, и в итоге

она почти забыла свой родной язык. Однако позволить, чтобы все рухнуло, она не могла. После многолетних усилий для нее было невозможно смириться с наркоманией сына. Ее Дезире был гордостью семьи. Он единственный из всех детей учился в Ницце, а потом получил отличное место у нотариуса.

От клиентов магазина она невольно узнала о других ребятах, «севших на иглу». Горожане регулярно находили то сына предпринимателя, то дочку члена муниципального собрания спящими на улице или в тенечке возле домов. К пожарным из маленькой городской команды все чаще обращались за помощью, чтобы спасти ребят, которых все хорошо знали. Их надо было срочно вызывать из Ниццы, на долгие часы оставляя город без помощи при возгораниях.

У бабушки земля уходила из-под ног. Сердиться было бесполезно. В долгих тайных беседах она умоляла сына бросить наркотики. Дезире обещал и десять, и сто раз, и еще больше. Ей очень хотелось верить, что этого достаточно. Но руки, которые ей показывал сын, врать не умели. Они все были в едва зажевших ранах от уколов. Зависимость уже превратилась в настоящий кошмар.

Однажды утром в магазине, заполненном по-

купателями, зазвонил телефон. Это была мать одного из друзей Дезире. Она плакала и повторяла, что сын во всем сознался. Он продолжал колоться, и Дезире вместе с ним. Они вводили себе наркотик в пальцы ног или в бедра.

Припертая к стенке откровениями этой дамы, бабушка в очередной раз дала волю гневу. Обвинения отбросили ее на тридцать лет назад, и она снова стала юной иммигранткой, на которую все смотрели косо, которая всего стыдилась и опускала глаза перед сильными мира сего. Всякий раз, когда это привычное ощущение напоминало ей молодость, Луиза взвивалась. Крики ее были слышны далеко за пределами магазина. Ее старшенький не колется, впрочем, и никогда не кололся. А если сын этой дамы хулиган, то это еще не значит, что ее Дезире такой же. Дед с отцом смутились, но повели себя так, словно ничего не случилось, и продолжали обслуживать ошеломленных клиентов. Прежде чем Луиза успела в ярости повесить трубку, ее собеседница присовокупила, что заставила сына несколько недель назад сдать серию анализов. Результаты пришли сегодня: ее сын подцепил вирус СПИДа. Поскольку друзья часто пользовались одним и тем же шприцем, неплохо было бы Дезире обра-

титься к врачу. Это очень важно.

Бабушка тотчас же снова вернулась к работе и призвала клиентов в свидетели:

— Вы этому верите? Если их дети принимают наркотики, это не означает, что колоться должны все!

Так в очередной раз драгоценное время было упущено — бабушка по-прежнему не желала признавать реальное положение вещей.

В последующие дни Луиза осознала очевидный факт: Дезире не смог избавиться от зависимости так легко, как рассчитывали родные. Однако надо было выждать, пока бабушка остынет настолько, чтобы мои родители смогли заговорить с ней об этом. Несомненно, она сама должна была эту тему поднять. И обсуждать ее сможет, только если хотя бы отчасти исключит связь сына со всеми этими темными историями. Ей было необходимо долгое раздумье, перед тем как на это решиться.

Однажды вечером, после закрытия магазина, когда отец уже опускал шторы, она вздохнула, сложив передник:

— СПИД… Что же теперь будет? Ну ладно, Дезире и Брижит, конечно, наделали немало глупостей вместе со своей компанией, но где они могли подцепить эту хворь?

Родители слышали, как этот вопрос обсуждался в телепередаче весной 1983 года, но информации было очень мало. Да, болезнь тяжелая, даже смертельная, причем умирали все заразившиеся. Появилась она в США и во Франции и поражала прежде всего гомосексуалов, но иногда и наркоманов. Передавалась через кровь. Если Дезире пользовался тем же шприцем, что и его друг, он, конечно, рисковал заразиться. Необходимо было съездить на побережье и проконсультироваться с врачом, а главное — уговорить Брижит сделать то же самое.

Бабушка пока еще воплощала в себе авторитет семьи, но все происходившее настолько ее потрясло, что она не знала, как на это реагировать. Длинные периоды полного неприятия действительности сменялись у нее короткими периодами надежды и желания что-то предпринять, которые надо было использовать, чтобы двигаться вперед, пока снова не наступит оцепенение, длящееся порой неделями.

Действовать здраво Луиза была не в состоянии, она могла говорить об этой ситуации только иносказательно или вообще несла какой-то бред, отвергая жестокую, не дающую надежды и безжалостную реальность… В ее устах наркомания

превращалась в «глупость», дезинтоксикация становилась «отдыхом», СПИД — «неким заболеванием»... Умерший сын станет потом «звездой, поднявшейся в небеса», как будто наркоман может оказаться одесную Отца.

Провал

Двадцать третьего сентября 1983 года группа Института Пастера снова переслала штамм вируса LAV в США, на этот раз доктору Микуласу Поповичу, старшему научному сотруднику команды Роберта Галло. Пока Галло упорно твердил всем, кто хотел его слушать, что этот вирус относится к семейству ретровирусов, вызывающих СПИД, Попович изучал штамм, полученный в Париже группой Монтанье.

Шестого октября он вошел в кабинет своего коллеги, чтобы доложить о результатах работы. Он высказался достаточно прямо: вирус, выделенный в Институте Пастера, к семейству ретровирусов не принадлежит. Более того: похоже, что именно его, а не HTLV, систематически находили в крови больных. Первые пробы, на основании которых Роберт Галло и члены его группы построили свою гипотезу, принадлежали пациентам, инфицированным дважды: вирусом HTLV и вирусом LAV. Теперь же у Поповича не было сомнений: HTLV не является возбудителем СПИДа. Француцзы не ошиблись. Они не приняли вирус Галло за другой, а действительно открыли

новый вирус. Для американского исследователя это было сокрушительное поражение.

Однако упрямый и напористый Роберт Галло своей стратегии не поменял. Он не признал, что вирус не принадлежит к семейству ретровирусов, а лишь поспешил его переименовать, назвав HTLV-3, тем самым внеся немалую неразбериху.

Двадцать четвертого апреля 1984 года, в ходе большой пресс-конференции, бывший министр здравоохранения Маргарет Хеклер заявила, что американские исследователи во главе с Робертом Галло, безусловно, получили вирус — возбудитель СПИДа, каковым является ретровирус HTLV-3.

Четвертого мая того же года журнал «Наука» опубликовал статьи Галло, где он представлял свой HTLV-3. На фотографиях, которыми щедро снабжены статьи, обнаружились снимки вируса LAV, сделанные под микроскопом в Институте Пастера в 1983 году. Ученые были в полном замешательстве.

Многие представители научных кругов во всем мире признали, что в результатах, присвоенных Робертом Галло, описаны итоговые достижения французской группы. Началась долгая полемика. Перед лицом очевидных фактов американец вы-

нужден был признать, что произошла ошибка в ходе манипуляций с биоматериалом. Принимая во внимание тяжелые экономические проблемы, связанные с первыми тестами на обнаружение вируса, ученые скрепя сердце поверили американцу. А опубликованные позже заметки Микуласа Поповича не оставили места для дальнейших сомнений по этому поводу.

Новая чума

Синеватые пятна на коже и слизистых, розовая кровавая пена на губах больных и трупы, которые едва успевали складывать в отделениях реанимации, и без того переполненных… Вряд ли профессор Делламоника когда-нибудь сможет это забыть. Под конец учебы он попал в службу скорой помощи больницы имени Эдуара Эррио в Лионе, где и состоялось его боевое крещение как врача. Все больницы Франции тогда буквально захлестнула волна заболеваний гонконгским гриппом, внезапно пришедшим из Азии и так же быстро прекратившимся. Это крещение огнем определило всю его дальнейшую жизнь. На протяжении своей медицинской карьеры инфекционист будет испытывать к вирусам величайшее почтение. Закончив учебу, он обосновался в Ницце, где теперь возглавил отделение инфекционных болезней в больнице Арше. Когда появились первые американские и французские открытия, касающиеся вируса СПИДа, он, как и его французские коллеги, бросился охотиться на призраков. Он подробно расспросил своих собратьев и еще раз очень внимательно изучил

все отложенные истории болезней в отделениях пульмонологии и дерматологии. Выяснилось, что многие пациенты умерли от какой-то подозрительной инфекции. Изучая необычный синдром, который наблюдался только у гомосексуалов и наркоманов, он сталкивался с презрительным недовольством и ловил косые взгляды коллег, но все равно упорно продолжал исследования, уверенный, что выполняет свой долг.

Менее чем в часе езды от городка на дороге уже никого не было. Наше имя ничего не говорило жителям деревни, а уж тем более тем, кто жил вдали от шоссе. Хочешь поехать в Ниццу — сумей приодеться. Туда никогда не отправлялись без того, чтобы вычистить и выгладить костюм, выбрать соответствующую обувь и сделать красивую прическу. Но мы напрасно старались. Наши походка, манеры и выговор сразу же выдали нас с головой. Когда бабушка с дедом сопровождали старшего сына в больницу, трудно было представить себе, что они будут выглядеть как-то иначе. Два деревенских жителя, принаряженных по-воскресному, которые лихорадочно дожидаются, когда же к ним выйдет врач, — вот как они выглядели. Они перешептывались, чинно сидя в коридоре перед кабинетом известного

инфекциониста.

Когда он спросил, что их к нему привело, отвечать взялась бабушка. Она наконец решилась заговорить. Оказавшись вдали от своего городка, она снесла ту стену, которую воздвигла вокруг своей семьи, чтобы уберечь близких от пугавшей ее реальности. Слова «наркотик», «героин», «шприц» не вызвали у ее собеседника никакой отрицательной реакции. Он даже брови не нахмурил. Просто смотрел на бабушку своими голубыми глазами и слушал, не давая ее словам никакой оценки. И под этим взглядом бабушка как-то незаметно рассталась с ролью, которую привыкла играть. Всю бесконечную минуту, пока она излагала суть визита, дед, не отрываясь, смотрел в окно, и взгляд его блуждал между морем и холмами. Когда бабушка закончила, Делламоника повернулся к Дезире и попросил его подтвердить то, что она сообщила. Дядя кивнул, а Луиза протянула инфекционисту конверт с письмом нашего домашнего врача, адресованным коллеге. Тот прочел, внимательно на нее посмотрел и принялся быстро излагать все, что ему было известно о болезни.

Если хотя бы один из приятелей ее сына был заражен вирусом СПИДа, а вся компания менялась

шприцами, то вполне возможно, что Дезире тоже заразился. Пока трудно сказать, сколько человек из инфицированных заболеют. Есть надежда, что некоторые так и останутся «здоровыми носителями». Инфекционист подвел дядю к кушетке в глубине кабинета и начал осмотр. Послушал дыхание, осмотрел слизистую рта, пропальпировал все тело, чтобы установить, нет ли воспаленных лимфоузлов. Потом молча записал результаты осмотра, дал Дезире направление на анализ крови и велел прийти в следующем месяце. Затем почтительно простился с бабушкой и дедом, напуганными его рассказом.

Пьера Делламонику в его больнице не поддерживали. Заведующий отделением вирусологии отказывался анализировать пробы крови, взятые у первых пациентов с подозрением на СПИД, и гордо мотивировал это тем, что «не желает работать с педерастами и наркоманами». Инфекционисту пришлось много раз ездить в Париж к Франсуазе Брен-Везине, в больницу Биша — Клода Бернара. Она проводила анализы в своей лаборатории и через неделю сообщала профессору результаты по телефону.

Несколькими этажами ниже, в зале ожидания при лаборатории, никого не было. Пока бабушка

с дедом вполголоса выражали свое нетерпение, Дезире заметил, как медсестры за стеклянной дверью передавали друг другу его направление, а потом поместили его в общую стопку и ушли. Прошел целый час, когда наконец появилась еще одна медсестра. Выглядела она очень юной. Несомненно, у нее не было апломба коллег, чтобы отказаться брать кровь у пациента. Взяв в руки направление, она печально взглянула на дядю сквозь стекло. Дезире решил, что она тоже положит направление в стопку других, но она его позвала. Для начала она спросила, долго ли он ждет, а потом, сделав вид, будто не замечает многочисленных следов от уколов на его предплечье, взяла немного крови. Она силилась улыбаться, но дядя почувствовал, что она старается держаться от него как можно дальше. Он всегда вызывал симпатию у людей, которых встречал в жизни, а тут впервые увидел в устремленных на него глазах откровенное недоверие и опаску. Через несколько минут он уже устраивался на заднем сиденье машины деда, чтобы вернуться в наш городок.

Результаты анализов, а вместе с ними и вынесенный вердикт пришли через несколько недель: Дезире был признан ВИЧ-положительным, то

есть заразившимся. А вместе с ним — Брижит и большинство их друзей, согласившихся на обследование. Ряды цифр в их анализах становились все более и более пугающими. После первой оценки ситуации, которую дало руководство санитарных служб, регион Прованс — Альпы — Лазурный Берег был признан наиболее сильно затронутым наркоманией во всей Франции. По показателям он опережал даже Иль-де-Франс. В районах, прилегающих к Ницце, осталось мало деревень, куда не проникла бы эта зараза. Героин, покоривший местную молодежь, принес с собой и смертельный вирус.

Бабушка и дядя узнали результаты анализов от местного врача. Выводы были подтверждены во время их второго визита к доктору Делламонике. Предприняв попытку отказаться от героина, Дезире впал в депрессию и тяжело вздыхал. Бабушка захотела больше узнать о его болезни. Инфекционист разъяснил, что присутствие вируса в крови ее сына доказано, но это еще не означает, что он болен. Только когда вирус СПИДа атакует иммунную систему ее сына, а это следующая стадия, он будет считаться заболевшим. Когда же бабушка спросила, сколько времени пройдет до начала этой стадии, врач дал весьма уклончивый ответ.

Дезире получит статус больного через несколько месяцев, а может, лет, а может, и вообще никогда. Это непредсказуемо.

Как только дверь больницы закрылась за бабушкой, она снова замкнулась в молчании, предоставив остальным членам семьи задаваться многочисленными вопросами. Реально ли вылечить эту хворь? Каким образом можно заразиться? Бабушка прочла все те немногочисленные статьи, какие только смогла найти. В нашем городке, кроме «Утренней Ниццы» и нескольких газет, которыми торговали киоски, трудно было что-нибудь отыскать о новом вирусе.

В номере от 15 июля журнал «Пари-Матч» поместил на обложку заголовок репортажа под названием «Новая чума». Статья оказалась очень короткой. Между страницами, посвященными детям Джо Дассена и отдыху Софи Марсо, был опубликован репортаж об агонии Кенни Рамзауэра, молодого американского бизнесмена, до сих пор во Франции не известного. Он решил оставить хронику своей болезни, рассказывая о ней до самого конца. На развороте были помещены два портрета, сделанные с интервалом в несколько месяцев, они показывали, насколько разрушительно действует на человека новая болезнь. На

них отчетливо видны и расцвет, и конец Кенни. С левой фотографии смотрит молодой красавец, с правой — неузнаваемо обезображенное существо без возраста. Его раздутое лицо — живое воплощение трагедии, развернувшейся за океаном. Джим, друг Кенни, рассказывает о появлении у того первых симптомов, о его постепенном отдалении от людей, от семьи и друзей, о страданиях, об издевательствах со стороны не только окружающих, но и врачей. Потрясающие до глубины души слова, шокирующие снимки… Еженедельник не побоялся сгустить краски и заключил свою публикацию кратким обзором ситуации во Франции: историей молодого стюарда, обратившегося в больницу Биша — Клода Бернара два года назад, рассказом об исследованиях Жака Лейбовича в больнице Раймона Пуанкаре в Гарше, которые позволили проследить путь вируса.

Для мамы все это было как пощечина. Она вдруг узнала, что во Франции уже выявлены пятьдесят девять случаев и что все заболевшие — гомосексуалы. А вопрос наркомании в журнале был едва затронут. Она много раз перечитывала эту статью, в надежде найти хоть что-нибудь о возможности терапевтического лечения, но безрезультатно. Ни о каком лечении даже не упо-

миналось. Чтобы узнать больше, она углубилась в отзывы читателей.

Что же до бабушки, то она занялась устройством встреч сына со специалистами больницы Арше. Специалисты, обычно такие компетентные, отмалчивались. Они скорее консультировали, чем лечили, и все больше молчали или вздыхали. Единственное, что они могли предложить, — это перестать принимать наркотики. Они признавали, что у них недостаточно знаний об этом заболевании, и дожидались новостей из Парижа или из США. Врачи были неспособны продвинуться дальше диагноза, который звучал как смертный приговор, и их рекомендации ограничивались обычно бытовым уровнем: стирать вещи Дезире отдельно, с применением жавелевой воды, избегать режущих предметов, не общаться с теми, кто ухаживает за больными, пусть болезнь проходит и в легкой форме. Если Дезире случайно поранится, не прикасаться к его крови иначе чем в латексных перчатках, а потом всю поверхность еще раз вымыть жавелевой водой.

Запах жавелевой воды. Единственный запах, напоминавший мне о доме бабушки и деда. Запах отчаяния Луизы, привозившей сына домой из

больницы, как первого из зачумленных в конце Средневековья. Даже в лучшей больнице такого огромного города никто ничего не мог сделать для Дезире. Бессимптомная фаза болезни стала для бабушки лучшей союзницей. Она еще давала отсрочку: а вдруг все-таки сын не заболеет? Появления симптомов у его друзей было недостаточно, чтобы убедить Луизу принять реальность, в которой оказалась не только ее семья, но и все остальные. Она прибегала к множеству разных аргументов, чтобы отделить сына от этой пропащей молодежи. А те, кто осмеливался сказать правду, нарывались на такие вспышки гнева, что любые попытки начать дискуссию оказывались тщетными. Для жителей городка существовала лишь одна версия: ее сын наркотиков не употреблял и ничем не болел. Он просто немножко устал.

Примерно в этот период и исчез мой дед. Эмиль не умер и не сбежал, он просто пропал где-то в глубине своих мыслей. Теперь, когда наркомания и болезнь Дезире стали для всех очевидны, он удвоил усилия и старания в работе, ибо работа, несомненно, была единственным, на что он мог хоть как-то повлиять. Луиза часто уезжала с сыном к врачам, и надо было заменять ее в

магазине.

Замкнувшийся в молчании, Эмиль не имел столько сил, сколько имела супруга, чтобы противостоять сложившимся обстоятельствам. По вечерам он поручал вести торговлю в магазине младшему сыну и его жене, а сам отправлялся в свои эскапады. Он уезжал на грузовике в горы, выруливая из торчащего на холме городка к заброшенным деревушкам. Это сюда он мальчишкой ездил с отцом покупать скотину у местных крестьян. Наудачу заглядывая на заброшенные фермы, где он учился ремеслу мясника, или в дома, где жили только одинокие женщины, он всегда привозил им блоки сигарет или какие-нибудь духи. В этих домах и на старых фермах он находил приют и домой возвращался поздно вечером. А воскресными вечерами он мыл грузовик за домом, чистил ножи и загружал товар на следующий день, одновременно слушая спортивные новости по радио. Никаких криков. Никаких слез. Он оставался непостижимым человеком, телом и душой погруженным в молчание.

У Дезире же постепенно начали проявляться первые серьезные симптомы болезни: потеря веса, лихорадка, диарея, рвота и непрерывный кашель. Они гораздо быстрее, чем результаты

анализов, сообщили бабушке о тяжести ситуации. С ними началась серия приездов-отъездов, связанная с изменениями состояния больного. Метания между городком и больницей, между больничной палатой и спальней в доме, между наркотиком и запретами на него, между агонией и редкими моментами облегчения. А еще — между истиной и ее неприятием. Медики констатировали резкое и быстрое ухудшение состояния пациента. А его мать утверждала, что он не болен никакой болезнью гомосексуалов и наркоманов. Ее сын говорит, что больше не колется. Каждый остался при своем: врачи уповали на науку, а наша семья — на собственную ложь.

Т4

В конце 1983 года описание атаки вируса, открытого в Институте Пастера, на иммунную систему предоставили во временное пользование эпидемиологу Жан-Клоду Глюкману и иммунологу Давиду Клацману.

После наблюдения за многими больными в больнице Питье-Сальпетриер Клацман стал сторонником гипотезы, согласно которой вирус атакует лимфоциты, что объясняет полное разрушение иммунной системы пациентов. Группы французских исследователей действительно обратили внимание на заметный дефицит лимфоцитов в пробах крови больных. Многочисленные публикации американских исследователей начиная с 1981 года утверждали то же самое. Иммунолог разделял предположение многочисленных коллег, что, скорее всего, мишенью вирусных атак были лимфоциты Т4, белые кровяные тельца, основные природные защитники человеческого организма.

Люк Монтанье увлекся этой гипотезой и доверил ее автору наглядно объяснить ее научными методами, что позволило бы подтвердить при-

чинную связь между LAV и возникновением болезни. Это было первостепенной задачей, поскольку некоторые ученые до сих пор задавались вопросом: разве вирус, открытый в Институте Пастера, не является всего лишь приспособленцем среди других, которые прокладывали себе путь по венам больных, лишившихся иммунного барьера? Но тогда LAV представляет собой всего лишь дополнительное последствие заболевания.

Эксперимент Давида Клацмана был прост: он поместил в одну и ту же питательную среду вирус и лейкоциты Т4 и стал наблюдать, что происходит в пробирках. Благодаря своим работам со срезами тканей во время стажировки в Англии молодой врач был хорошо знаком с последними техниками исследований и с типами лимфоцитов. Нужно было в одном анализе отделить друг от друга разные типы иммунопротекторов. В своей лаборатории в больнице Питье-Сальпетриер он изолировал белые кровяные тельца, прежде чем поместить их в питательную среду. В одну часть пробирок он поместил исключительно лимфоциты Т4, а в другую — Т8. Затем поместил все пробирки в холодильник и повез их в лабораторию Шермана в Институт Пастера, единственное место, имевшее необходимую

аппаратуру для изучения вирусов. Устроившись в отделении вирусной онкологии, где занимались изучением LAV, Клацман поместил вирус в пробирку с лимфоцитами Т4 и Т8. Каждый день в течение недели он отправлялся в Институт Пастера и наблюдал, появились ли изменения.

Утром в воскресенье в институте было пусто: большинство сотрудников отдыхали. Клацман склонился над микроскопом, всмотрелся в пробы и зафиксировал нечто чрезвычайно важное: лимфоциты Т4, помещенные в пробирку с вирусом, были уничтожены и буквально разнесены в клочья, в то время как лимфоциты Т8 остались нетронутыми. Интуитивные предположения Клацмана подтвердились после первого же эксперимента. Он сразу оповестил об этом коллег.

Чтобы исключить возможность случайности и окончательно отбросить сомнения, необходимо многократно повторить эксперимент, но Клацман был убежден: ему первому в мире удалось воспроизвести в лабораторных условиях то, что происходит в крови пациентов. Его эксперимент потом раз за разом повторяли другие исследователи, и результат всегда был одинаков — LAV инфицирует и уничтожает лимфоциты Т4. Вместе с Люком Монтанье они очень быстро написали

статью, обрисовав в ней огромное значение этого открытия, и отправили ее в журнал «Природа».

Проходили недели и месяцы, но ответа из редакции не было. Все надежды рухнули: никто не обратил внимания на их открытие. Люк Монтанье позвонил в редакцию журнала, чтобы получить объяснения. Выпускающий редактор был категоричен: статью не приняли. Журналисты попросили научный комитет определить степень надежности результатов, полученных Клацманом. Ответ был таков: проведенные опыты и их результаты спорны и слишком ненадежны для публикации в таком престижном издании, как «Природа». У Люка Монтанье было собственное, более субъективное объяснение этого странного отказа: «Природа» просто не хотела перечить американским исследователям. Журнал решил дать им время ликвидировать отставание от совершивших прорыв французских коллег.

Статья под названием «Лимфоциты Т4 предположительно являются рецепторами человеческого ретровируса LAV» будет опубликована в научном журнале только через год, 20 декабря 1984 года.

Деньги

Родители мамы тоже были родом из нашего городка, но происходили из более простой семьи. Когда макаронную фабрику закрыли, мой дед с материнской стороны стал водителем в небольшой строительной фирме. Его жена работала на сельхозпредприятии своего брата. Овощные поля их хозяйства простирались, насколько хватало глаз, в старом русле реки. И все время происходили какие-то неприятности: то засуха, то нашествие насекомых, — отчего урожай всегда собирали меньший, чем рассчитывали. После долгих лет трудной работы они смогли наконец позволить себе приобрести то, что назвали полем. Это был участок земли в стороне от городка, на котором мой дед несколько лет строил дом. Дом стал пригодным для жилья только к тому времени, как оба владельца вышли на пенсию, а по полю, где они выращивали овощи, прыгали кролики и бродили куры. Хозяйство они вели скорее не по необходимости, а чтобы коротать время.

Однажды под вечер дед возился в огороде, а бабушка обрезала хвостики у фасоли, сидя

на скамейке, сделанной из железнодорожной шпалы. Вдруг на улице, ведущей к их дому, показалась какая-то неизвестная машина. Перед самым крыльцом остановился желтый «БМВ», и из него вышла молодая пара. Мамины родители узнали зятя и невестку дочери. Дезире и Брижит поздоровались и объяснили, что объезжают всех родных и знакомых, желая узнать, не смогут ли они оказать посильную материальную помощь, чтобы осуществилась их заветная мечта: построить себе дом.

Бабушка с дедом вообще-то всегда давали приют бродягам, которые бродили по дорогам Франции, останавливаясь наудачу у разных жилищ, чтобы запастись провизией и идти дальше. Они извинились, что не смогут дать больше, чем одну купюру в тысячу старых франков, которую берегли на воскресные скачки. Бабушка еще предложила им взять с собой яиц и овощей с огорода, но пара вежливо отказалась.

Известие о болезни ничего не изменило в их пристрастии к героину. Они то и дело колесили по долине, навещая друзей и кузенов, друзей друзей и кузенов кузенов, каждый раз под новым предлогом, чтобы занять денег, которые никогда не отдавали. В своих объяснениях они путались:

то требовалось поменять машину или сделать кому-то подарок, то купить лекарства или подготовиться к рождению ребенка… поскольку Брижит была беременна и они приехали, чтобы об этом сообщить. С момента постановки диагноза прошло совсем немного времени, так что запас лекарств они еще не израсходовали, но цеплялись за беременность Брижит как за доказательство честности их намерений. Все члены семьи получили инструкцию не давать им ни копейки. Всем было известно, что они продолжают принимать наркотики. Касса мясной лавки долгое время служила для них неистощимым запасом денег. Однако городок больше не был той маленькой процветающей супрефектурой, где имя нашей семьи пользовалось уважением. Клиентов, преимущественно людей скромных, становилось все меньше, да и у бабушки с дедом уже стала иссякать энергия молодости.

Как только паре удавалось раздобыть несколько купюр, «БМВ» мчался в долину. Дезире в желтых солнечных очках сидел за рулем и давил на акселератор, а на пассажирском сиденье тряслась мелкой дрожью бледная до синевы Брижит. Они постоянно направлялись в одно и то же место — в кафе, что находилось в восточных квар-

талах Ниццы. За главным залом располагался еще один, поменьше, вдали от музыки, от барной стойки и посторонних глаз. Там говорили только о наркотиках. Их не хватает, они облегчают страдания, они дорого стоят, они разогревают, в общем, они — это все… Наркотик — точка — черта. Наркотик — и дальше ничего. Наркотик — и дальше смерть. Цену даже не обсуждали, сделка совершалась мгновенно.

Сунув наркоту в карман, пара возвращалась в автомобиль, отъезжала от бара метров на сто и останавливалась на какой-нибудь тихой и пустынной улице. Уколовшись, оба расслабленно обвисали на сиденьях и засыпали, на несколько часов освободившись от боли и абстинентного синдрома.

А потом в какой-то момент боль взяла верх над наслаждением. После нескольких недель на наркоте пара на короткий срок угомонилась. Но однажды утром они проснулись усталые, с температурой и ломотой во всех суставах. Больными в полном смысле слова они не были. Это героин звал их за собой. Они впервые почувствовали, что полностью оказались в его власти. И это ощущение больше их уже не отпускало. Для них началось бесконечное поражение. Их не брали

ни на какую работу, и они остались без заработка. Больше не было речи ни о наслаждении, ни о трансе, ни о выходе в астрал, о чем Дезире рассказывал после праздника в Амстердаме.

Казалось, героиновые клещи, в которые они попали, никогда не разожмутся. Брижит и Дезире перестали есть. Их пальцы больше не ощущали того легкого озноба, который возникает, когда прикасаешься к собственной коже. Героин отнял у них все: аппетит, сон, объятия. Он отправил каждого в его собственный, недостижимый мир наслаждений. Жизнь превратилась в бесконечный бег на месте, в отчаянную попытку избавиться от абстинентного синдрома, с самого начала обреченную на провал. Их существование теперь определялось и освещалось только одним: сотней франков. Это была средняя цена дозы наркотика сомнительного качества в Ницце, это была банкнота, вытащенная из кассы магазина, небылица, рассказанная приятелю, два украденных автомобильных приемника, несколько виниловых пластинок из коллекции Дезире… Квартира моего дяди стала намного просторнее после произведенных в ней опустошений. Пластинки, мебель, одежда, украшения… все, что можно продать, было продано.

Из домашних аптечек семьи пропадали сиропы от кашля, аспирин и анальгетики. Чтобы добиться желаемого эффекта, Дезире и Брижит пытались прибегать к другим веществам. Среди медикаментов, найденных в разных домах, некоторые содержали кодеин, полученный из экстракта мака, как и героин. Он немного облегчал абстинентный синдром. Но все их попытки соскочить с наркотика самостоятельно кончались неудачей.

Наркотик был тем неизведанным континентом, по которому пустились в путешествие мой дядя и его подруга. Кража лекарств, драгоценностей и денег произвела на семью и друзей тягостное впечатление. Отец никак не мог понять, что может заставить человека воровать у своих. В семье, где о любви никогда не говорили, единственными проявлениями привязанности были деньги и еда. Деньги, которые тебе согласились дать взаймы, которые тебе доверили или отказались доверить. Блюда, приготовленные бабушкой, кусочки мяса, которые дед клал в морозилку, чтобы потом съесть на ужин вместе с детьми, — вот что было свидетельством взаимной любви и бессловесным выражением чувств. Когда бабушка обнаружила, что из кассы магази-

на опять пропали деньги, отец просто вздохнул и прошептал на местном диалекте: «Sabes» — «Тебе виднее».

Настал день, когда Брижит и Дезире объявили семье, что собираются пожениться. Луиза очень обрадовалась, это была прекрасная новость, дающая надежду на возвращение на путь истинный. Но моего отца не так-то легко было провести. Он просто-напросто знал, что в данном случае семья наверняка проявит щедрость, а именно на это пара и рассчитывала.

Снова вглядываясь в любительские кинокадры, снятые отцом в то пасмурное утро перед монастырской церковью в Симье, я понимаю, что они были явно постановочными. Пристально изучая фильм, я стараюсь заметить каждую деталь, как следует рассмотреть слегка расплывчатые контуры лиц на пленке. Что-то тут не вяжется. Слишком скромное и мрачное платье Брижит, странное выражение ее лица, когда она что-то говорит Дезире, отведя его в сторонку, к розарию, непонятная сдержанность всех членов семьи. На восьмимиллиметровой пленке видеокамеры моего отца заснято не меньше восьми разных свадеб, однако эта не похожа ни на одну из них. Здесь мало приглашенных, совсем нет друзей, только

члены семей жениха и невесты. Все организовано скромно, по минимуму и явно в спешке.

К тому же Дезире и Брижит ждут ребенка. У моего отца только что родились двое близнецов, и он явно обеспокоен будущим этого младенца. Что ждет малыша, который и без того родится в ужасных условиях, а потом болезнь и наркотики доконают его родителей? В семье всем хотелось, как Луизе, видеть в беременности Брижит знак надежды. Разумеется, рождение ребенка заставит Дезире и Луизу отказаться от героина и наконец-то начать лечиться. Но младший брат уже не верил ни в какое искупление. Он прекрасно понимал, чем все это закончится. По мере того как кровь в венах Дезире медленно разлагалась, в венах моего отца закипал гнев, который уже никогда не остынет.

ELISA

В конце февраля 1983 года, когда ответственность вируса LAV за возникновение СПИДа еще не была окончательно установлена, вопрос обработки теста на выявление вируса поднимался в Институте Пастера каждое воскресное утро. Чтобы сделать серологический анализ, Люк Монтанье располагал только методом RIPA, техникой долгой, тяжелой, дорогостоящей и совершенно не приспособленной к ситуациям, требующим получения результата безотлагательно. На самых первых совещаниях было решено разработать более эффективный метод. В то время как сотрудники Института продолжали наблюдения за вирусом у больных, Франсуаза Брен-Везине, заведующая лабораторией вирусологии больницы Биша — Клода Бернара, и ее ученица Кристин Рузиу заканчивали работу с тестом. Они заинтересовались последней техникой серологии, названной ELISA, которая заключалась в обнаружении присутствия антител в срезах с помощью химической реакции. Франсуаза Брен-Везине уже приспособила этот способ к обнаружению цитомегаловируса и вируса, принадлежащего

к разновидности герпеса, а теперь собиралась применить ее к LAV. Однако, чтобы идентифицировать собственные антитела в LAV, необходимо было располагать специфическими антигенами. Больница Биша — Клода Бернара не располагала средствами культивировать такие антигены, и сотрудничество с Институтом Пастера оказалось как никогда актуальным.

Тринадцатого июля 1983 года профессор Монтанье поделился первыми полученными антигенами с коллегами из больницы Биша — Клода Бернара. После обнаружения и наблюдения за антигенами они научились распознавать антитела и завершили серию тестов. Примерно через неделю были получены многообещающие предварительные результаты. Начиная с 20 июля, тестовые испытания срезов тканей зараженных пациентов дали хорошие результаты, но все еще требующие дополнительной проверки. В сентябре, по мере того как совершенствовались методы исследований, уже от 30 до 40 процентов предварительных исследований биоматериалов, полученных от заболевших пациентов, показали положительные результаты. Однако исследования тех же проб от абсолютно здоровых людей тоже дали положительные результаты.

Соотношение «слабых» и «действительно положительных» и значительное присутствие «ложноположительных» результатов не обескуражило исследовательниц.

Количество заболевших, выявленных во Франции, было небольшим, в сравнении с сотнями случаев, выявленных в США. Франсуазе Брен-Везине и ее ученице не хватало материалов для исследования. Тогда они обратились в CDC Атланты, и коллеги согласились выслать им большое количество сыворотки крови зараженных пациентов.

Весной 1984 года в журнале «Ланцет» была опубликована статья о результатах, полученных во Франции при исследовании биоматериалов более чем пятисот больных. В крови этих пациентов удалось найти специфические антитела против ретровируса LAV. Конечно, их иммунные системы не выдерживали натиска ретровируса, но теперь они не капитулировали без боя. Благодаря этим антителам организм сам выявлял присутствие вируса.

Понадобилось еще несколько месяцев, чтобы техника ELISA, адаптированная к вирусу СПИДа, обеспечила достаточную точность и стала надежным орудием выявления вируса. В конце 1984

года метод, разработанный в результате сотрудничества Института Пастера и больницы Биша — Клода Бернара, был уже способен обнаружить антитела к вирусу LAV в 90 процентах случаев и перестал указывать на «ложноположительные» результаты. Долгие месяцы работы рядом с Франсуазой Брен-Везине станут темой диссертации и ознаменуют собой период учебы для ее ученицы Кристин Рузиу.

Эффективный запатентованный тест Института Пастера, так же как и тест его конкурента, американской лаборатории Эббота, станет доступен широкой публике только летом 1985 года.

Лечение

Все началось с неожиданного телефонного звонка. Местный врач объявил, что место для Дезире на дезинтоксикацию вот-вот освободится. Упорные хлопоты принесли свои плоды, и теперь надо было только убедить Дезире не отказываться от визита к врачу.

Луиза выгладила всю одежду сына, помогла ему собрать чемодан и проводила до Ниццы. Как только Дезире, у которого еще не начали проявляться опасные симптомы болезни, оказался за окнами примыкавшего к больнице здания, семья снова стала жить надеждой.

Лечение началось с индивидуальной беседы с наркологом. Читая историю болезни моего дяди, врач хранил молчание и только вздыхал. Потом сообщил своему пациенту, что тому придется провести в больнице 3–4 недели. Дезире должен был изучить правила внутреннего распорядка и расписаться, что он с ними ознакомлен. Мало того что ему не разрешалось выходить за пределы больницы и принимать посетителей, так он еще был обязан посещать коллективные и индивидуальные занятия с психологом.

В ходе первого занятия с Дезире психолог начертил схему, представляющую собой круг. Наркоманию он считал реакцией на фрустрацию, результатом низкой самооценки, «слабости» личности. Наркотик, как правило, смягчает многие неприятные моменты. И тут возникает порочный круг. Героин устремляется в «слабое место», и больше человеку уже ничего не надо, кроме увеличения дозы. Врач объяснил Дезире, что он сможет избавиться от героиновой зависимости, только когда сумеет определить и наполнить новым смыслом свое «слабое место».

Мой дядя вырос в семье, где люди друг с другом не разговаривали. И я спрашивал себя, способен ли он вообще поделиться глубокими чувствами с незнакомым человеком. Я представил, как он молча соглашается с утверждениями собеседника, лишь бы только поскорее завершить разговор. И я никогда не узнаю, понимал ли он хоть что-нибудь во время этих сеансов.

Ему пришлось полностью отказаться от наркотика. Самой тяжелой была первая неделя. Дезире боролся с тошнотой, ломотой во всем теле и отчаянными головными болями. То есть со всеми симптомами абстиненции. Заменители наркотика, такие как метадон, во Франции еще

не были официально разрешены. Их легализуют только в 1995 году, когда власти оценят наконец масштабы эпидемии СПИДа в среде наркоманов. И Дезире прописывали только анальгетики, спазмолитики, изредка седативные средства или транквилизаторы, но только в самые тяжелые моменты. В таком учреждении, как больница, его болезнь пугала изрядную часть персонала, потому что слишком сильно выраженный синдром абстиненции затруднял общение с санитарами и медсестрами.

Но как только самый трудный период закончился, Дезире почувствовал себя лучше. Отношения с персоналом наладились. Теперь можно было начинать более интенсивно работать с психологом. Это было тем более необходимо, что абстиненция стала проявляться в тревожности, подавленности, то есть в депрессии.

Из окна его палаты за холмами виднелось море с его далеким горизонтом. Несомненно, чтобы держаться, Дезире думал о Брижит и об их будущем ребенке.

А для семьи каждый курс лечения означал надежду и передышку. Надежду на то, что на сей раз произойдет улучшение. Передышку, потому что не надо было каждую минуту задаваться во-

просом, где Дезире. Парня уже несколько недель не было в городке, и беспокойство родителей понемногу рассеивалось. Они не знали, чем он там занят, чем его лечат, но им стало легче: они уже не боялись услышать очередной телефонный звонок от пожарников или известие, что кто-то нашел его на улице без сознания и с торчащим из руки шприцем. Бабушка снова вернулась в мясную лавку и сняла с отца и деда часть дополнительных обязанностей, свалившихся на них в ее отсутствие.

Находясь на лечении, Дезире пытался чем-то себя занять. Когда ему разрешили пользоваться телефоном, он звонил и уверял, что у него все хорошо и дальше тоже все будет хорошо. Следы от уколов на руках исчезали, цвет лица нормализовался, и вообще Дезире стал похож на человека. Бабушка уже снова видела его секретарем нотариуса.

Мой дядя пытался заинтересоваться чем-нибудь другим, кроме наркотика, но он уже давно все забыл. Из памяти абсолютно выпало, чему он мечтал посвятить себя раньше. Ответа он найти не мог, а потому решил дать себе небольшую отсрочку, пока ответ не придет сам. Вдали от уличной суеты, от друзей он старался выиграть

время. Вместо того чтобы выиграть бой, он дал себе передышку. И в результате только оттянул час поражения.

Тест

В 1984 году в больнице Раймона Пуанкаре в Гарше Жак Лейбович осознал, с каким риском в плане распространения вируса связано переливание крови. Его тревогу разделяли и заокеанские коллеги, и специалисты Института Пастера. Все больше и больше случаев заболевания выявляли не только у гомосексуалов и наркоманов, но и у тех, кому переливали кровь.

И во Франции, и в Штатах мобилизовали все силы, чтобы проверять пакеты с кровью, предназначенной для переливания. Но техника обнаружения вирусов была еще несовершенна, а больные, нуждавшиеся в крови, не могли ждать. Как и его коллеги из Института Пастера и по ту сторону Атлантического океана, Жак Лейбович старался максимально быстро создать простой и эффективный метод выявления вируса в банке крови.

Вместе с коллегой Доминик Мате, которая раздобыла для него портативный инкубатор, они работали без отдыха, пока не добились удовлетворительных результатов, используя уже испытанную технику маркировки под назва-

нием «иммунофлюоресценция». Но этот анализ требовал много времени. Доминик Мате и ее сотрудницы держали пробирки с кровью в особой культуре от сорока восьми до семидесяти двух часов, прежде чем зафиксировать рост вируса.

С другой стороны, в том же 1984 году Лейбович продолжает обмениваться результатами с группами американских исследователей, возглавляемых Робертом Галло. Он делится последними научными достижениями с более широкой публикой и активнее привлекает к работе своих французских коллег. После возвращения из США он проводит конференцию в больнице Тарнье. Среди присутствующих находятся врачи, которые вот уже несколько месяцев пытаются вылечить Мишеля Фуко.

Знаменитый философ еще раньше обращался к ним с жалобой на постоянный кашель. Его гомосексуальные наклонности ни для кого не были секретом, и у врачей появилась догадка, что у Фуко СПИД. Но поначалу они предпочли не отталкиваться исключительно от этого предположения, боясь подпасть под влияние распространенных клише, циркулирующих в медицинском мире относительно этой болезни. Несмотря на видимый успех лечения антибиотиками, весной 1984

года состояние Мишеля Фуко резко ухудшилось, что заставило медиков пересмотреть свои первоначальные выводы. То, что они узнали от Жака Лейбовича, только подтвердило их опасения.

Поскольку саркома Капоши долгое время связывалась со СПИДом, медики до сих пор думали, что ее наличие обязательно для диагностики. И у самого Фуко, который часто ездил в Нью-Йорк, где людей косила эпидемия, сохранялся в голове этот стереотип. В отсутствие же такого маркера его окружение чувствовало себя уверенно. Кроме того, философ высказывал пожелание как можно дольше продолжать работу. Поэтому его близкие считали, что, если объявить ему диагноз, который поставит под угрозу его планы, это может его сильно деморализовать. Таким образом, события последующих недель развивались в условиях «заговора молчания».

Когда стало очевидно, что госпитализация необходима, врачи Фуко воздержались передавать его на попечение Вилли Розенбаума в больницу Питье-Сальпетриер, чтобы не вызвать недоверия у СМИ. Ему так до конца и не открыли, чем он болен. Когда же философ умер в июне 1984 года, то его партнер Даниэль Деферт с изумлением обнаружил на обороте страницы истории

его болезни, где была названа причина смерти, четыре буквы: СПИД. Возмутившись до глубины души, он создал общественную организацию «Помощники», целью которой стало сопровождение больных, пораженных этим вирусом.

В период с 10 октября по 12 декабря 1984 года у Жака Лейбовича и Доминик Мате в больнице Гарше работа по созданию метода выявления вируса существенно продвинулась вперед. При первых испытаниях из десяти тысяч проб крови насчитывались всего одна-две положительных. Оба врача экспериментировали с биоматериалом, анализируя образцы крови из пакетов, прибывших из Иль-де-Франс. Они старались определить долю зараженных пакетов в банке крови этого региона. И получили пугающие результаты. Среди двух тысяч пакетов они обнаружили двадцать зараженных. Исследования сотрудников Института Пастера на тот момент показали, что те, кто получал зараженную донорскую кровь, сами становились носителями вируса. Особенно впечатляли пробы гемофиликов, которые регулярно получали концентраты крови от многих доноров. Лейбович пытался привлечь внимание властей, но без особого успеха: этот своевольный, независимый человек скорее раздражал собеседников,

чем заставлял задуматься и принять меры.

В то же самое время в Институте Пастера разработали технику подогрева проб крови, которая позволила нейтрализовать вирус в пакетах с донорской кровью, не меняя ее качества. Однако, как и их темпераментный коллега в Гарше, исследователи Института Пастера не нашли ни одного человека в министерстве, кто серьезно отнесся бы к их предупреждениям.

Некоторые настаивали на гипотезе, согласно которой не у всех ВИЧ-инфицированных может развиться болезнь. Это привело к самым печальным результатам: из-за стремления к экономии средств и вследствие пренебрежения к проблеме в целом оказались заражены еще тысячи и тысячи пациентов.

Рождение

Весной 1984 года Брижит родила маленькую девочку. По семейной традиции ее окрестили Эмили, то есть дали имя, производное от имени деда по отцовской линии, Эмиля. Как и Дезире, Эмили получила в наследство дедушкино имя. Мой дядя обрел в своем отцовстве второе дыхание, когда тело уже практически отказывалось служить ему. Наркотик, который отнял у него и Брижит все, не сумел, однако, лишить их малышки.

Бабушка была просто очарована, тем более что до этого у нее были только внуки. Внучка стала для нее знаком надежды, что Дезире и Брижит наконец покончат с героином.

Поначалу врачи больницы Арше высказались достаточно ясно: как правило, у детей, родившихся от носителей, тоже выявляли вирус СПИДа. Здесь уже фиксировались случаи рождения инфицированных младенцев. Не вмешиваясь в личный выбор родителей, медики решили все-таки предупредить Дезире и Брижит: риску подвергался не только их ребенок, но и они сами рисковали не увидеть, как он вырастет.

При рождении характерные антитела LAV были выявлены в крови Эмили. Могло так случиться, что их передала малышке мать. Чтобы сделать окончательный вывод, надо было подождать несколько недель.

Я часто пытался представить себе то смятение чувств, которое появление на свет Эмили вызвало в семье, ту смесь искренней радости и огромного беспокойства. Стала ли она носительницей вируса родителей? Затронет ли ее болезнь? Как можно это узнать, если сами врачи неспособны четко ответить ни на один из вопросов?

Мне и сейчас очень больно от того, что я могу вообразить отца только в этих метаниях и сомнениях. Он не мог радоваться рождению своей первой племянницы, не тревожась при этом за ее будущее. Отец словно всегда знал, какая тяжелая судьба ждет это новое существо. Не положено присутствовать при смерти того, кто появился на свет у тебя на глазах. Может быть, именно это он и понял. Мы все приговорены. Приговорены уйти вслед за ней, вслед за ними тремя. Наверное, эта мысль была для него тем более мучительна, что он привык держать все свои чувства при себе. Отец никогда и ни с кем не разговаривал о том, что его брат наркоман, что он смертельно болен,

о выборе брата родить ребенка. Скорее всего, он бы так никогда об этом и не заговорил. А мама, наоборот, пыталась все понять, побольше узнать, копалась в газетах, смотрела телепередачи, отыскивала какие-то пока очень редкие книги. Ей хотелось найти повод для надежды.

Как только Брижит с малышкой выписались из родильного дома, молодая семья переехала в свою квартиру в мансарде, на площади возле фонтана. Завидев издали пару с синей детской коляской, люди подходили с поздравлениями. Дезире и Брижит выглядели красивыми и счастливыми. Казалось, веселые времена бессонных ночей и наркотиков отошли в далекое прошлое.

Бабушка заглядывала к ним по нескольку раз на дню, чтобы предложить помощь. Прежде всего ее заботило, чтобы пара не вернулась к своим былым порокам. Она изобретала всевозможные предлоги, чтобы открыть шкафы на кухне и в гостиной, выдвинуть ящики ночных столиков или домашней аптечки. И каждый раз не находила ни наркотиков, ни эластичных жгутов, ни шприцев, и это ее успокаивало.

Учитывая результаты анализов крови, Эмили находилась под наблюдением местного врача,

инфекционистов больницы Арше и специалистов из педиатрической больницы Ланваль в Ницце. В первые недели жизни малышки, после дополнительных анализов, было установлено, что вирус никуда не делся, он циркулировал в ее крови, под нежной кожей, такой же, как у всех младенцев. Он пока спал, но риск, что в один прекрасный день он проснется, тоже никуда не делся.

AZT

Весной 1984 года Роберт Галло переслал образец LAV вирусологу Хироаки Мицуйя из Национального института рака, выразив при этом пожелание, чтобы исследователи протестировали на этом образце все молекулы, имеющиеся в их распоряжении, в надежде на то, что хотя бы одна из них избежит репликации вируса. Желая увеличить шансы на успех, институт разослал обращения во многие лаборатории, и среди них — в лабораторию фонда Берроуза — Уэллкома в Северной Каролине. Поскольку вирусология была еще областью малорентабельной, лаборатория, обладающая серьезными ресурсами, располагала редкими специалистами в этой области.

После нескольких недель работы исследователи этой лаборатории повторно рассмотрели BW509U, вещество, синтезированное неким Джеромом Горвицем в 1964 году в Мичигане. Ученый из Мичигана давно опробовал эту молекулу в работах с вирусным раком. Однако по причине побочных эффектов, крайне тяжелых для пациентов, а прежде всего ввиду неэффективности, от BW509U быстро отказались. Вместе с коллегами

Горвиц синтезировал и другие вещества, такие как ddC, d4T и ddI, но все они были неэффективны в лечении рака. Лаборатория фонда Берроуза — Уэллкома обнаружила это вещество в шкафу после долгих поисков в архивах.

Сначала его тестировали на мышах, которым привили ретровирус, и после нескольких проб заметили, что, похоже, BW509U блокирует репликацию вируса в клетках грызунов. Хотя испытания, проведенные в других лабораториях, наоборот, показывали неэффективность этого вещества. Сотрудники лаборатории отправили антидот, который назвали «соединение S», в Национальный институт рака. У Хироаки Мицуйя была возможность продвинуть изучение этой молекулы дальше, и не только на мышах, но и на человеческом вирусе, который доверил ему Роберт Галло. Он поместил вирус иммунодефицита человека в питательную среду с клонами лимфоцитов Т4, которые получил из собственной крови. В конце 1984 года его работа подтвердила надежду на предполагаемый результат: вещество, названное азидотимидином, или AZT, подавляло в пробирке вирус СПИДа и блокировало его воздействие на лимфоциты. Настало время начать испытания на людях.

В июле 1985 года первые результаты у 19 пациентов показали, что AZT имеет тенденцию восстанавливать количество лимфоцитов Т4. Тогда эксперимент продолжили на большей группе пациентов, которая все увеличивалась.

В 1986 году наблюдение за пациентами выявило развитие болезни у 212 человек. Половина из них принимала AZT, вторая половина — плацебо. В сентябре, после восьми недель лечения, появились показательные результаты: в группе, принимавшей AZT, наблюдался только один смертельный исход, а в группе, принимавшей плацебо, — девятнадцать. Кроме того, в первой группе болезнь перешла в стадию СПИДа у двадцати четырех пациентов, а во второй — у сорока пяти. Казалось, за короткое время в первой группе, где пациенты принимали AZT, произошло гораздо меньше летальных исходов, чем во второй.

Впервые за много лет лекарство оказалось эффективным в борьбе со СПИДом. Победить вирус пока не удалось, но удалось затормозить его разрушительное воздействие. Девятнадцатого марта 1987 года Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов зарегистрировало лекарство в кратчайший срок,

учитывая чрезвычайную санитарную ситуацию.

В 1989 году испытание 019, проводившееся с привлечением около трех тысяч пациентов, остановили раньше намеченного срока. Разрыв в количестве смертельных случаев между пациентами, получавшими AZT, и пациентами, получавшими плацебо, стал настолько велик, что продолжать исследование было невозможно, не ответив на чисто этический вопрос: ради чего применять плацебо, если лекарство так хорошо себя показало? Лаборатория фонда Берроуза — Уэллкома с гордостью сообщила о своих результатах. На следующее утро после публикации в Америке акции лаборатории взлетели в цене на тридцать два процента за несколько часов.

Больница

— Здесь только я занимаюсь внутривенными вливаниями, понятно?

Что касалось понимания, Дезире все понял. Ему хотелось поскорее выздороветь, чтобы поскорее уйти отсюда. Едва он устроился в больничной палате, как вошел огромный, как зеркальный шкаф, медбрат и бросил эту реплику, видимо, желая произвести впечатление. Он важно прошествовал между койкой и окном, словно по отвоеванной территории, а потом удалился.

Наркоманы нагоняли страху на персонал. Когда у них начиналась ломка, они были способны на все. Они воровали шприцы и лекарства с передвижных столиков и неожиданно впадали в неконтролируемую ярость. Во время посещений их друзья иногда тайком проносили то, чем можно было уколоться. Тогда позже их находили без сознания в палате или в ванной. Так зачем лечить тех, кто сам себя губит?

С началом эпидемии СПИДа в отделение пульмонологии больницы Пастера в Ницце прибывало все больше больных. Они поступали для лечения туберкулеза и пневмоцистоза, которые

вызывал вирус, занесенный при уколах наркотика, когда они менялись шприцами или вообще пользовались одним на всех. Персонал с самого поступления глаз с них не спускал. Их заставляли подписывать обязательство вести себя хорошо, а потом следили за каждым их шагом. Страх переметнулся в другой лагерь.

Дезире уложил в больницу туберкулез. Его почти месяц мучили сильный кашель и одышка. Когда же началось кровохарканье, мать повезла его в Ниццу. Он пробыл в больнице несколько недель, пока курс антибиотиков не привел к улучшению и он не смог вернуться домой. Эта болезнь стала большим испытанием для его организма. Дезире и без того был худым и бледным, годы приема героина лишили его сил. Брижит старалась заниматься Эмили, а заботу о Дезире взяла на себя Луиза. Она запомнила его больничную палату по кружочку красной резины, приклеенной к двери, чтобы сразу находить ее в лабиринте других палат и коридоров. То, что она приняла за особое уважение к себе, было лишь началом целой череды унижений. Часто, приходя сразу после обеда, она видела тарелку сына с нетронутой едой возле двери. Лекарства он получал в самую последнюю очередь, если

их и вовсе не забывали принести. Однажды она обнаружила Дезире всего в засохшей крови. И никто из санитаров не подошел и не счистил кровь. Луиза собралась уже закричать, но сын ее удержал: «Не надо, мама. Сами справимся». Она постепенно начала кое-что понимать, а потому сама очистила лицо сына от крови. Эта кровь вызывала неодолимый ужас у всего персонала больницы и день за днем убивала ее сына. Но все-таки в нем текла и ее кровь. Луиза проводила с Дезире долгие часы. Она помогала ему вставать и заставляла гулять по коридору. Она приносила ему колбаски из магазина и ранние овощи и фрукты. И постоянно разговаривала с ним, рассказывая обо всем, что могло его отвлечь и перенести за пределы больничной палаты: о Брижит, об Эмили, о строительстве в доме брата, о делах в мясной лавке и новостях городка. Быть может, проводя время вот так, один на один, они наконец могли друг другу что-то сказать. Наверное, она все-таки спросила, что такого он нашел в наркотиках. Почему не бросил, даже после того как они практически разрушили его организм? Сквозь слезы она напоминала ему, что он уже отец и его ребенок нуждается в отце, который может твердо стоять на ногах.

В последние дни, уже выздоравливая, Дезире делил палату с молодым парнем. К тому никто не приходил, кроме мужчины, который сидел у него часами, держа его за руку и целуя. Луиза впервые присутствовала при подобной сцене. Сначала она смущалась, потом стала улыбаться, тем более что Дезире то и дело ей заговорщицки подмигивал. А потом растрогалась, поскольку поняла: перед ней настоящая любовь, такая же искренняя, как та, что она испытывала к своему сыну.

О гомосексуальности она получила единственное впечатление, и было это еще в детстве, в итальянском Пьемонте. Она запомнила крики, тумаки и плевки, которые сыпались на двух парней, застигнутых на месте преступления в амбаре. Жители деревни с гордостью протащили их до самой площади и при этом орали так, что вся деревня оглохла. Луизе стало интересно, что там за шум, и она выскочила на улицу вместе с братьями и сестрами. Когда же возмущенные односельчане обрушили свой гнев на двух бедолаг, девочка со страху забилась матери под юбку. Это было ее последнее яркое довоенное воспоминание.

А теперь, гуляя с Дезире по больничному коридору, она спросила его: «А что, к этому бедняге

так никто и не ходит, кроме друга?»

В крыле отделения пульмонологии, где лежали больные СПИДом, Луиза наконец поняла, что за болезнь точит ее сына. Доктор Делламоника ее предупреждал когда-то: кроме туберкулеза, его подстерегают и другие болезни, и неизвестно, настигнут они его через неделю или через месяц. Общаясь с товарищами сына по несчастью, в основном с гомосексуалами, она больше не могла отрицать очевидное. Вирус раз за разом приводил ее к тому, от чего она пыталась откреститься. Ему удалось изменить ту траекторию, по которой она еще с Италии приучила себя двигаться. Какой-то микроорганизм, неизвестно откуда взявшийся, умудрился воспрепятствовать многолетнему стремлению вверх по социальной лестнице и борьбе за признание в обществе. Он возрождал чувства стыда, отверженности и унижения — те самые, которых она когда-то поклялась ни за что в себе не оживлять.

Только этой болезни удалось заставить мать посмотреть на сына иными глазами и увидеть, каков он на самом деле: жалкий, вонючий, конченый наркоман среди таких же, как и он, безнадежных наркоманов. И не важно, какое имя он носит, какие надежды возлагали на него

родители и насколько безупречна репутация его семьи. СПИД не выбирает. Он смеется над всеми: над исследователями, над врачами, над пациентами и их близкими. Никто от него не уйдет, даже любимый сын семьи коммерсантов из центрального района страны.

HPA-23

В Институте Пастера, когда пустеют лаборатории, бригадам медиков часто попадался на глаза парень, а может, девушка, поджидающая кого-то у дверей с листками бумаги в руках. Худоба, измученное лицо с впалыми щеками и отчаяние в глазах, а часто и невообразимый французский с явным американским акцентом, говорили сами за себя. Ученые сразу все поняли.

После весны 1983 года, еще задолго до открытия AZT, Жан-Клод Шерман тестировал ингибитор ретровируса, который должен был остановить размножение LAV. Ингибитор назвали «гетерополианион-23», или «HPA-23». Это был первый в мире антиретровирусный препарат. Сотрудники Института Пастера открыли его еще в 1972 году. По всей видимости, он способствовал временному подавлению вируса и замедлял ход болезни. Первые результаты обнадеживали, хотя HPA-23 вызывал нежелательные побочные эффекты в некоторых клетках крови.

От Нью-Йорка до Сан-Франциско прокатился слух, что французы из Института Пастера ведут исследования действия многообещающего пре-

парата, который, возможно, сможет блокировать вирус в крови. Отчаявшаяся молодежь покидала свои города и страны по совету местных врачей, которые ничего не могли для них сделать. Из последних сил инфицированные умоляли просто включить их в группу добровольцев, участвующих в испытаниях, проводимых институтом.

Редко когда ученым доводилось видеть смерть так близко и так часто видеть результаты собственных просчетов. Но такова уж доля медиков. Эпидемия СПИДа перевернула все, изменив отношения исследователя и пациента. Она сделала эти взаимоотношения необходимыми и разрушила все преграды, долгое время державшие их на расстоянии друг от друга. И сделанная ошибка выражалась уже не только в цифрах расчетов на экранах компьютеров, но и на лицах отчаявшихся людей.

Исследователи были почти одного возраста с пациентами и прекрасно знали, что часть коллег отказалась от этих ребят и они остались одни. Что же их отличало? Сексуальная ориентация? Зависимость от наркотиков? Разве это оправдание, что одни оказались в роли всеми уважаемых ученых, а другие — в роли презираемых и обреченных изгоев? Конечно, бригады Института

Пастера были на передовой исследований мирового значения, но что толку от их работы, если люди продолжают умирать у них на руках? И тени этих людей долго будут их преследовать.

Однажды вечером, когда Франсуаза Барре-Синусси дежурила у постели больного, которому проводили паллиативное лечение, она услышала слабый голос, который с трудом пробивался сквозь маску и шум аппарата искусственного дыхания:

— Спасибо…

Она смутилась:

— За что спасибо? Мы ведь не можем вас спасти…

Глаза умирающего уже почти закрылись, он был между жизнью и смертью, но нашел в себе силы ответить:

— Не за меня… За остальных.

Под языком

Эта сцена существует только в черно-белых тонах. Ну, по крайней мере, я ее себе так представляю, поскольку цветного фото у меня нет. Фотография оживает благодаря кадрам фильмов того времени, в которых мой мозг нашел возможность ее оживить.

Двое школьников лет десяти спускаются по улице Четвертого Сентября. Тот, что постарше, идет впереди. Тот, что помладше, движется за ним и в руках несет его портфель, а свой ранец — на спине. Как и каждое утро, по дороге в школу они заглядывают в мясную лавку. Младший обнимает отца, а старший тем временем забирает две толстые резинки, которыми обычно скрепляют пакеты с мясом. Потом оба выходят из лавки и идут дальше.

Дойдя до угла улицы, мальчишки не переходят, как обычно, реку по мосту, а сворачивают направо и идут дальше вдоль набережной, пересекают дубовую рощу и оказываются возле известняковых скал, нависающих над городком. Внизу видна покрытая инеем долина. Здесь, в развалинах овчарни, принадлежавшей их деду, они обычно

мастерили рогатки, стреляли из них по скалам, строили шалаш, играя в индейцев. Несколько дней назад они принесли матери на подпись документы, которые им раздала учительница. В них значилось, что мама согласна, чтобы школьная медсестра сделала им прививку.

Дезире и мой отец сбежали из школы, чтобы не делать эту прививку: оба боялись уколов. Домой они вернулись в положенное время. Их уловка привела только к отсутствию печатей в медицинских картах. Родители были очень заняты и ничего не заметили. А вот домашний врач через несколько месяцев с удивлением обнаружил, что одной записи в графе прививок в медкартах мальчиков недостает.

Двадцать лет спустя даже самая кратковременная отлучка Дезире из дома ввергала бабушку в панику. Она боялась, что он опять взялся за наркотики. Ее сын обещал, что с этим покончено. Следы от уколов на руках зажили. Бабушка несколько раз заходила к нему и осматривала квартиру, но следов употребления нигде не нашла. В том мире, где нельзя было избавиться от СПИДа, она надеялась хотя бы вылечить сына от героиновой зависимости. Для нее отучить его от наркотика было делом реальным и конкретным,

не то что победа над каким-то там ретровирусом. В ней жила надежда, что болезнь в конце концов уйдет из тела, в которое ей позволил заползти наркотик. И тогда ее сын продолжит свою блестящую карьеру и высоко поднимет их родовое имя, которое она изо всех сил старалась отмыть от слухов, избавить от сочувствующих взглядов, стыда и шприцев.

Врачи, однако, высказались достаточно категорично: болезнь не только прогрессирует, но Дезире к тому же продолжает принимать наркотик, причем все чаще и чаще.

Дяде пришлось сознаться, что он и не прекращал его принимать. Несмотря на лечение и на все попытки бросить это занятие, сменив героин на каннабис, кодеин и прочие суррогаты, что попадались под руку, он не смог справиться с властью, которую имел над ним героин. Он просто нашел способ принимать его незаметно, делая укол в вену под языком. Никому и в голову не придет искать там следы уколов. После этого жуткого открытия родители поняли, что для них эта битва окончательно проиграна.

Рок Хадсон

Двадцать пятого июля 1985 года, в четверг, Рок Хадсон был срочно доставлен в американскую больницу в Нейи, после того как ему стало плохо в номере отеля «Ритц». Эта новость распространилась с такой скоростью, что пресс-атташе известного актера был вынужден внести ясность: Хадсон болен СПИДом. Этот диагноз ему поставили год назад в Соединенных Штатах. Голливудский актер, оказавшийся гомосексуалом, прибыл в Париж в последней надежде, что сумеет там вылечиться. Американские врачи ничего не могли ему предложить, зато рассказали об исследованиях, которые ведутся во Франции. Для него, как и для многих других, экспериментальный антиретровирусный препарат HPA-23 был последним лучом света в кромешной тьме.

В тот день, когда ему стало плохо, его ждали в другом месте, чтобы продолжить лечение. Когда же он очнулся в американской больнице в Нейи, то сообщил персоналу, что он ВИЧ-положительный. Это признание надолго скрыть не удалось. Буквально за несколько часов и больница, и находящийся при ней родильный дом опустели.

Всех охватил настоящий психоз. Руководство всеми уважаемой больницы предложило больному как можно скорее покинуть палату. Оказавшись лицом к лицу с медийной бурей, разразившейся у него над головой, Рок Хадсон решил вернуться домой, однако ни одна авиакомпания не согласилась взять его на борт своего самолета. Чтобы добраться до Калифорнии, актеру пришлось зафрахтовать самолет для себя одного. По его приезде американские СМИ наперебой затрещали о его болезни, а комментаторы без конца вопрошали, не заразил ли он кого-нибудь из актрис, с которыми целовался в кадре.

Рок Хадсон был первым из актеров, кто открыто рассказал о своей болезни. В глазах света СПИД обрел наконец лицо: лицо умирающей кинозвезды.

Актер ушел из жизни через несколько недель на своей вилле в Беверли-Хиллз.

Остальные

Прошло несколько месяцев после того, как Дезире с трудом справился с туберкулезом, когда пневмоцистоз снова вынудил его покинуть городок. В больнице к его недугам прибавились развившийся кандидоз пищевода и полученная неизвестно где грибковая инфекция. Ослабленная иммунная система оказалась бессильна сопротивляться.

Бабушка приезжала к нему настолько часто, насколько было возможно, и, по сути, стала беспомощной свидетельницей медленного угасания сына. Белизна его исхудавшего, бледного до синевы тела сливалась с белизной простыней на особой койке.

Прежнего Дезире уже не было. Не было беззаботного прожигателя жизни, известного в долине своими ночными похождениями. Его тусклая кожа все больше бледнела, а от тела, когда-то облеченного в дорогую и тщательно подобранную одежду, теперь остался один скелет. Беззаботность и неуемная жажда жизни, которые порой приводили к разногласиям с членами семьи, привыкшими к работе без отдыха, исчез-

ли, как исчезли защитные силы его организма. Приближалось время прощаться. Мне с трудом верится, что хоть кто-то из семьи нашел в себе мужество поговорить с ним начистоту. Бабушка слишком сильно верила в то, что каким-то чудом свершится невозможное — он выкарабкается. Она все время просила его продержаться ради дочки, ради жены, ради себя самого и всей семьи. Умоляла продержаться, пока не найдут средства от этой болезни.

На этот раз Дезире госпитализировали в многопрофильное крыло больницы, специально отведенное для пациентов, страдающих СПИДом. Здесь к нему придирались гораздо реже, чем в предыдущих местах. Тем не менее различия между пациентами все же существовали. Меньше всего сочувствия вызывали наркоманы, противодействовавшие всем попыткам поставить их на ноги. А ВИЧ-положительные женщины, решившиеся на материнство вопреки всем известным рискам, вызывали у персонала настоящую оторопь. В самой же системе медицинского ухода за больными, зараженными СПИДом, случаи заболевания персонала были единичными. Все находились в плену общепринятой морали, в кругу, очерченном понятиями о добре и зле и иде-

ей греха. Грехом было желание жить в условиях сексуальной свободы, иметь гомосексуальные связи, вводить себе в вены героин, скрывать свой диагноз от партнеров и от тех, кто пользуется с тобой одним и тем же шприцем. Грехом было желание иметь детей, когда знаешь, что они все равно будут обречены. Больные были виновны в большей степени, чем остальные.

Добро и зло, жертвы и виновные, все эти разговоры, порожденные заболеванием, дошли и до нашей семьи и раскололи ее. Бабушка создала портреты трех жертв неизбежности: сына, невестки и внучки. Дед замкнулся в молчании: стереотипы, связанные с недугом, его душили. В разговорах он избегал касаться вопросов, обсуждать которые ему не хватало слов и к которым он просто не решался подступиться. От этой давящей атмосферы он спасался в мясной лавке. И неважно, что деревни, по которым он ездил, опустели — работа была его прибежищем. Что же касается моего отца, то думаю, в глубине души он уже давно определил принципиальное различие между жертвой и виновными, то есть между маленькой девочкой и ее родителями. Они точно были виновны, заставив его принять их раннюю смерть и впрыснув в жилы наследницы свою

дурную кровь.

Власти слишком поздно поняли, какая трагедия разворачивается под неоновыми лампами больницы, и оставили и больных, и их близких в полной растерянности. Вести таких больных пытались только первые появившиеся медицинские сообщества. Надо было дождаться второй половины 80-х годов, то есть в условиях чрезвычайно сложной санитарной обстановки прождать целую вечность, чтобы министерство социальной защиты разрешило рекламу презервативов и создание центров, куда можно было обратиться бесплатно и анонимно.

Первый рекламный ролик, распространенный по телевидению, ничего не сообщал о том, каким путем передается смертельно опасный вирус. В 1986 году в кабинете Мишель Барзах, министра здравоохранения в правительстве Жака Ширака, скопилось внушительное количество рапортов о заражении наркоманов через общие шприцы. В них говорилось об огромном риске, когда одним и тем же шприцем пользуются десятки человек. Это тревожное известие привело к тому, что в 1987 году правительство приняло закон о свободной продаже шприцев.

На следующий год при больницах были созда-

ны центры информирования и помощи больным, страдающим синдромом иммунодефицита. Речь шла о согласовании деятельности всех медицинских учреждений уже в глобальном масштабе и об оказании больным медицинской, психологической и социальной помощи. Мелкие сообщества были объединены и получили помещения со специально выделенным персоналом.

В больнице Арше, несмотря на неизбежный наплыв новых пациентов, зараженных СПИДом, и на многочисленные смерти, персонал относился к больным очень гуманно. Некоторые из сиделок, санитаров, медсестер и врачей попали в эти службы по воле случая, только закончив учебу. Но были и такие, что пришли по убеждению: потеряв кого-то из близких, они хотели помогать другим. Когда смерть оказывалась совсем близко, когда многие из больных становились слишком возбуждены или тревожны, те из медиков, кто относился к трагедии слишком эмоционально, не выдерживали и были готовы отказаться от работы.

Для бабушки и деда уход за Дезире в больнице, такой далекой от городка со всеми его сплетнями, оказался как бы за скобками. Здесь никому не надо было врать, не надо было спасать репута-

цию, которая уже не имела никакого смысла. Там, в городке, они прожили жизнь, заставляя других признавать их респектабельными гражданами, а здесь они чувствовали, что попали в абсолютно неизвестный мир гомосексуалистов, наркоманов, гемофиликов и их семей. Об этих людях они вообще ничего не знали, пока по стечению обстоятельств не оказались с ними рядом. Эти незнакомцы прошли через те же испытания, что и они. И стали внезапно друг другу намного ближе, чем члены их собственных семей. Шаг за шагом чужие прежде люди становились зеркалом наших собственных бед. Если бы не они, бабушке никогда не удалось бы избавиться от своего отрицания действительности, от своего одиночества. Они, так же как и она, появлялись и исчезали в часы посещений, подходили к одному и тому же кофейному автомату, точно так же старались «держать лицо», услышав, как ухудшается диагноз. Пожалуй, их семьи были единственные, кто хоть что-то в этих диагнозах понимал. Встретившись в коридоре, они обменивались уважительными кивками. Эти наши «другие мы» точно так же лишились голоса, прожив долгие годы в унижении, стыде и муках, от которых никогда не избавится ни одна молекула.

Циклоспорин

Во вторник, 29 октября 1985 года, в 16 часов трое врачей из больницы Лаеннек дали пресс-конференцию в Париже. Событие оказалось резонансным, тем более что пресс-конференция была организована министерством социальных проблем. Собрались десятки теле- и радиожурналистов, представители печатных СМИ. Лекторий был битком набит. Трое медиков заявили, что добились многообещающих результатов у больных LAV, которым давали циклоспорин. Этот препарат использовали, чтобы предотвратить отторжение при трансплантации органов.

Больше всего в идее использования циклоспорина удивляло то, что он подавлял иммунную систему пациентов. Такое лечение иммунодепрессантом неделю назад дало хорошие результаты у двух пациентов: мужчины тридцати пяти лет и женщины двадцати восьми лет. Количество лимфоцитов Т4 у обоих пациентов резко увеличилось во время приема препарата.

В тот же вечер информация распространилась по всем крупным газетам и телевизионным каналам.

В Институте Пастера и в больнице Питье-Сальпетриер пожалели о том своем сдержанном отношении к этой пресс-конференции. В ту пору они работали в особо тяжелых условиях. В Институте пациентами со СПИДом были уже заняты 70 процентов коек. Каждую неделю умирали не меньше трех человек, и их места сразу же занимали другие, чья участь была предрешена, а конец близок. В Питье-Сальпетриер наплыв больных был такой, что тех, кто обращался с температурой 40 градусов, просили приходить, когда она поднимется до 41.

В Институте Пастера еще с сентября 1983 года мечтали попробовать циклоспорин в борьбе со СПИДом. Вместе с коллегами из Америки и больницы Сен-Луи Давид Клацман и сотрудники Института Пастера пока только в пробирках наблюдали, как действует циклоспорин на лимфоциты Т4, зараженные вирусом. Но дальше в своих исследованиях они не пошли, хотя результаты были вполне удовлетворительными.

Давид Клацман очень удивился, узнав о пресс-конференции. Результаты, полученные медиками из больницы Лаеннек, казались ему не внушающими доверия и плохо проверенными, к тому же они противоречили его собственным

анализам. И дело не только в том, что изучены были показатели всего двух пациентов, но еще и в том, что с момента начала лечения прошло всего около недели. Зачем так быстро об этом сообщать? Почему правительство, при содействии министра здравоохранения, делает ставку именно на этот эксперимент?

Клацман и его сотрудники так никогда этого и не поймут.

Через несколько дней после всей этой шумихи оба пациента, которых лечили циклоспорином, скончались. А вместе с ними умерли и надежды множества больных и их семей, ухватившихся за фантастические обещания трех неосторожных врачей.

Оцинкованный гроб

В последние недели жизни Дезире прекрасно понимал, что с ним происходит. Теперь лечение сводилось к тому, чтобы облегчить боль. Здесь он достаточно повидал умирающих, а потому знал, что его полный провалов жизненный путь подошел к концу.

Его навещали все реже и реже. Постоянно дежурили у его постели только Луиза и Брижит. Несколько раз в воскресенье вечером заглянул Эмиль. Мой отец не пришел ни разу, каково бы ни было состояние брата. Приятели Дезире тоже перестали приходить. Их вовсе не привлекала перспектива любоваться на то, что вскоре ожидало их самих. В нашем городке многие даже не догадывались о его болезни: бабушка наложила вето на распространение этой информации. Об истинном положении вещей знали только самые близкие.

Когда Брижит пыталась обнадежить Дезире, он ее не слушал.

— На этот раз я не выкарабкаюсь. Мне не за себя страшно, а за Эмили. Я бы очень хотел, чтобы по крайней мере лет до восемнадцати у нее был

отец. Если бы не она, я бы нашел способ купить три-четыре грамма белого порошка и вколол бы их все разом. Бац! И дело кончено. Уж точно не валялся бы здесь и не выплевывал легкие на глазах у врачей и медсестер, которые даже прикасаться ко мне не желают.

Дезире постепенно становилась безразлична собственная судьба. Гораздо больше его заботила судьба Брижит и Эмили. Может быть, он надеялся, что они еще дождутся, когда появится способ успешного лечения. Несомненно, ему хотелось начать вместе с ними новую жизнь, без наркотиков, без шприцев и болезней.

Последние дни его жизни прошли жесткую цензуру в семейном архиве. Теперь там всего лишь сказано, что он умер от легочной эмболии апрельским утром 1987 года. Бабушка всегда это повторяла, когда ее спрашивали о причине смерти старшего сына. Для нее единственной причиной было развитие его болезни. И неважно, что эта правда была неполной. Очень долгое время иной правды она не признавала. Для нее это была тотальная истина.

Стыд, терзавший бабушку до того страшного дня, когда у ее сына перестали работать легкие, сердце и мозг, так и не покинул ее. Луиза быстро

поняла, что надо готовиться к новым унижениям. Покойного отказались одевать в ту одежду, что родственники принесли в больницу. Незадолго до смерти Дезире было принято постановление, запрещающее все манипуляции с умершими от СПИДа. Служащие похоронных бюро наотрез отказывались прикасаться к таким покойникам. Моего дядю не только не переодели перед погребением, но даже не привели в порядок его лицо. И никаких действий, чтобы замедлить разложение тела, тоже не было предпринято. Все заявления бабушки были отвергнуты законом. Его запечатали в оцинкованный гроб, и никому не разрешили даже посмотреть на него в последний раз. Так самой земле запретили прикасаться к нему, чтобы его тело обратилось в прах, хотя такая возможность обещана каждому.

Мое единственное воспоминание о Дезире относится к тому времени, когда до его смерти оставалось несколько месяцев. Наша встреча была очень короткой. Бабушка привела нас с братом и с Эмили к нему в больничную палату. Помню только его вымученную улыбку сквозь усы и исхудавшее, слабое тело, едва различимое под одеялом. Мы препирались с ним каждый раз, прежде чем обнять и поцеловать его.

Брат уверяет, что совсем этого не помнит. Его память сохранила другую картину: семейную трапезу в доме бабушки и деда. Взрослые были заняты едой и беседой, а мы, дети, носились вокруг низкого столика в гостиной. Один Дезире не принимал участия в разговорах. Устремив взгляд куда-то в пустоту, он сидел, утонув в большом кресле с велюровой обивкой. На еду у него уже не было сил, и он просто создавал эффект присутствия. Ему еще не было тридцати, а он уже стал единственным прикованным к постели членом семьи. Бабушка до последнего отказывалась принять тот факт, что он обречен, и уговаривала его съесть хоть кусочек. Как будто это могло поднять его на ноги.

Два наших воспоминания и несколько восьмимиллиметровых кассет с видео, снятыми моим отцом, — вот, пожалуй, и все, что осталось у нас от дяди.

Дезире похоронили через несколько дней после смерти высоко над городком. Кортеж, медленно извиваясь, полз от церкви к маленькому кладбищу. Кроме членов семьи проститься с ним пришли несколько друзей. Сквозь солнечные очки они силились разглядеть, какую судьбу уготовил большинству из них вирус.

В обычном уведомлении, напечатанном в газете «Утренняя Ницца» на следующее утро, о причине смерти дяди не было ни слова. В стандартном тексте было только сказано, что его родители Луиза и Эмиль, его жена Брижит и дочь Эмили «с глубоким прискорбием сообщают о смерти Дезире, едва достигшего тридцати лет, наступившей после продолжительной болезни».

Часть вторая
Эмили

Дорога

Каждый день — будь на дворе дождь, ветер или снег — старенький синий «Ситроен-15» поднимался по извилистой дороге из Валь-дю-Вар в Ниццу, а возвращался только поздно вечером. За рулем сидела дама в очках. Ростом она была так мала, что с трудом различала дорогу сквозь лобовое стекло.

Бабушка вставала задолго до рассвета, чтобы ровно в семь утра можно было открыть мясную лавку. В полдень она помогала моему отцу и деду ее закрывать, чтобы потом снова открыть в 15:30. Не оставляя себе ни минуты на обед, под вечер она отправлялась в дорогу, чтобы навестить в педиатрической больнице Ланваль свою внучку.

Всякий раз как девочку клали туда, они со второй бабушкой, матерью Брижит, старались каждый день бывать у нее. Обе женщины держали слово, данное Дезире и Брижит. Это обязательство помогало им не погибнуть от горя, когда один за другим умерли их дети. И теперь все то время, что оставалось им прожить на этом свете, бабушки, позабыв о себе, заботились о внучке. Не той они были породы, чтобы позволить себе расклеиться.

После долгих месяцев у постелей больных сына и дочери им осталось выдержать последний бой.

Эмили была такой, какой и должна быть девочка ее возраста. Она, как и все, ходила в школу и ничем не отличалась от одноклассников. Однако время от времени ей приходилось ложиться в больницу для контроля за состоянием и для проведения анализов крови. В первые годы жизни ее состояние было вполне удовлетворительно. Это наводило на мысль, что она принадлежит к тем пациентам, которых называют пассивными носителями вируса и у которых болезнь не переходит в активную фазу. Обе бабушки были личностями сильными и растили внучку, отдавая ей всю свою энергию. Луиза оберегала ее в период занятий в школе, а вторая бабушка забирала к себе на каникулы. Каждая оборудовала для Эмили комнату в своем доме.

В мясной лавке под комнату для девочки переоборудовали лабораторию. Под лестницей соорудили альков, окружив его по периметру куклами и прочими игрушками, где Эмили играла, если не носилась по улице на скейтборде вместе с местными ребятами. Бабушка внимательно следила, чтобы она не поранилась, но обуздать буйный темперамент внучки ей удавалось дале-

ко не всегда.

Со временем Эмили стала сильнее уставать. Она быстро худела, и у нее стали проявляться характерные для болезни симптомы. Поэтому она все больше времени проводила в больнице. Как и родители, она постепенно отдалялась от повседневной жизни городка. Казалось, она делается все более хрупкой и маленькой, в то время как ее ровесники росли и набирали силу.

Со времени смерти ее родителей прошло несколько лет, но врачи так и не могли обнаружить у нее в крови ни одной молекулы, способной победить угнездившийся там вирус. История повторялась. Теперь стойкость и мужество бабушки зависели от медицинских показателей и боевого духа внучки, который она изо всех сил поддерживала конфетами, журналами и видеокассетами. Не обращая внимания на состояние горных дорог и на собственное самочувствие, бабушка старалась не пропустить ни одного дня, чтобы навестить внучку. Она все время разговаривала с ней о будущем, рассказывала, как они поедут на море, как она будет кататься на лыжах сколько захочет, и обещала еще кучу всего, что помогло бы Эмили зацепиться за жизнь. Луиза оставалась у постели девочки до последней

секунды разрешенного времени, а потом снова садилась в машину. Ей предстоял час в дороге. Шестьдесят пять километров каменистых виражей по ущельям отделяли ее от городка. Когда она, совершенно измученная, ставила машину на церковной площади, была уже ночь. Луиза старалась подойти к дому, не попадаясь никому на глаза, и только усталая походка могла выдать ее отчаяние.

VIH-2

Французские исследователи быстро поняли, что вирус способен мутировать. В 1983 году в больнице Биша — Клода Бернара Кристин Катлама, инфекционистку из команды Вилли Розенбаума, очень удивил один пациент. У молодого человека родом с Кабо-Верде проявились симпто- мы, по всем признакам указывающие на заражение СПИДом. Однако доступные в то время средства выявления вируса давали отрицательный результат.

В 1985 году Кристин Катлама решила объединиться с Кристин Рузиу и Франсуазой Брюн-Везине, чтобы вместе заново рассмотреть этот случай. Она рассчитывала на прогресс в области тестов, разработанных коллегами, чтобы внести ясность. Но результат снова удивил: несмотря на все более выраженные симптомы у пациента, тесты не подтверждали его заражения СПИДом.

На конгрессе в Брюсселе у Кристин Рузиу появились догадки, в чем тут дело. Она присутствовала на конференции своего коллеги Франсиса Барена, перед которым встали те же вопросы. Этот вирусолог из Университета Тура заподозрил наличие

второго типа вируса у сенегальских проституток. По возвращении в Париж Рузиу встретилась с Кристин Катлама. Она предположила, что ее пациент был инфицирован вторым штаммом вируса, который стали называть VIH, то есть «вирус иммунодефицита человека».

В том же году команда Люка Монтанье получила сообщение из Лиссабона. Доктор Мария Одетт Сантуш Ферейра столкнулась со множеством аналогичных случаев. Все больные были уроженцами Кабо-Верде и Гвинеи-Бисау. У них проявлялись все клинические симптомы СПИДа, но результаты расширенных тестов и анализов крови были отрицательными. Чтобы разгадать эту загадку, в сентябре ее пригласили в Париж, и она привезла туда пробы крови.

Эти пробы спустя три года после открытия первого вируса позволили Институту Пастера выделить второй. Исследование его ДНК, секвенирование, позволило обнаружить геном, в значительной степени отличающийся от того, который был известен до сих пор и на основе которого создавались тесты. Чтобы изучить этот вирус как можно скорее, Франсуаза Барре-Синусси поместила его в питательную среду. Выводы ее были однозначны: это совершенно другой вирус,

но он принадлежит к той же группе, что и VIH. Как и предвидели сотрудники Института Пастера и многие ученые во всем мире, вирус мутировал. Надо было разработать другие тесты, пригодные для определения как первого, так и второго вида вируса. С помощью Франсуазы Барре-Синусси Люк Монтанье констатировал, что пациенты, зараженные VIH-2, подвержены той же болезни.

Кристин Катлама и Франсуаза Барре-Синусси сразу вылетели на Кабо-Верде, чтобы на месте определить масштаб эпидемии. Они обнаружили весьма неустойчивую санитарную ситуацию и крайнее несовершенство медицинских структур, которые способствовали распространению вируса. Достаточно быстро удалось понять, что главный очаг второй модификации вируса — Западная Африка.

Во вторник, 27 января 1988 года, Центр контроля заболеваний Атланты сообщил, что в Нью-Арке, штат Нью-Джерси, обнаружен первый случай СПИДа VIH-2. Заболела уроженка Западной Африки.

Школа

Пока здоровье позволяло Эмили постоянно переезжать из дома в больницу, она ходила в школу нашего городка. На фотографиях, сделанных в это время, она с радостью позирует вместе с другими детьми. В классе к ней относились очень хорошо. Все мечтали, чтобы она вернулась, несмотря на участившиеся недомогания. В школьной медкарте у нее значились рекомендации врача относительно того, что надо делать при любой ране, переутомлении или плохом самочувствии. Ни один из учителей не позволил себе бестактности в связи с диагнозом Эмили. Но в таком маленьком городке, да еще после ранней смерти родителей вряд ли удалось бы долго хранить тайну ее анализов крови.

Одна из мамаш распространила среди родителей петицию. У этой женщины в одном классе с Эмили учился сын, и она требовала, чтобы девочка перестала посещать групповые занятия. В тексте, который она написала, говорилось, что таким образом дети смогут избежать риска заражения. В том году учитель их класса исполнял еще и обязанности директора. Давлению он

не поддался. Он уверил всех, что Эмили ни для кого не представляет опасности и в классе она вполне на своем месте. Моей кузине никогда не говорили, что ее требовали исключить из школы. Этот эпизод очень рассердил моих родителей и бабушку с дедом. Они поняли, что дальше будет все труднее и труднее поддерживать Эмили.

В начальной школе все друзья, с которыми она обычно играла, вдруг отвернулись от нее. Их родители обсуждали здоровье Эмили при них, и они перестали с ней общаться. Когда же она попыталась настаивать на том, чтобы снова занять свое место в группе, они возразили, что у нее СПИД и что они не желают больше с ней играть, поскольку она заразная. Моя сестренка не только не понимала, какое отношение к ней имеют все эти разговоры, но и об этой болезни слышала только по телевизору. Одноклассники быстро ей все объяснили: болезнь тяжелая, даже смертельная. А ее отец и мать заразились, потому что кололись одним шприцем. Они умерли от СПИДа и перед самой смертью успели ее заразить. Эмили охватила паника. Значит, она более уязвима, чем другие, она время от времени заболевает, и ей приходится ложиться в больницу на лечение. Но при чем тут СПИД? Дома ей все время повторяли,

что она обязательно скоро поправится. Несмотря на все увещевания и отрицания, никто из одноклассников не пожелал тогда поверить в версию событий, распространяемую ее семьей, чтобы сделать всю эту историю более приемлемой. Эмили прибежала к бабушке в слезах и рассказала обо всем, что произошло. Луизу захлестнул гнев. Кое-как успокоив девочку с помощью множества эвфемизмов, она бросилась к телефону. Полторы страницы ее ежегодника были заполнены координатами почти всех обитателей городка. И раньше чем на глазах Эмили успели высохнуть слезы, Луиза уже набирала одного за другим родителей ее одноклассников, желая заставить их извиниться. Она кричала, она требовала, чтобы они сами объяснили маленькой девочке, что ошибались, что она не заразна, что у нее нет никакого СПИДа и она идет на поправку.

Через несколько часов смущенные родители уже толпились возле дверей. Это была последняя бабушкина битва и попытка оградить внучку от реальности. Перед неумолимым развитием болезни она была бессильна и теперь сражалась только за то, чтобы сохранить для Эмили хотя бы остатки иллюзорной реальности и хотя бы видимость нормальной жизни.

HIV-87

В июле 1987 года в Париже начались испытания препарата против ВИЧ. В них участвовали 1650 пациентов, и вопросы сыпались со всех сторон. В основном людей интересовало, насколько эффективен и насколько токсичен препарат, которого все так ждали. Это был диэтилдитиокарбамат натрия.

В 1983 году был проведен первый и главный эксперимент: препарат, известный теперь под названием «имутиол», ввели шести пациентам. Первые результаты обнадеживали. Затем последовали эксперименты в Европе и в Соединенных Штатах, и в них уже участвовало гораздо больше пациентов.

Самым амбициозным из всех было испытание 1987 года. ВИЧ-положительным волонтерам в течение двух лет два раза в неделю вводили имутиол. На протяжении всего эксперимента ученые сосредоточились на трех критериях наблюдений: клиническое развитие инфекции, смертность и эволюция лимфоцитов Т4. Как и всегда, половине испытуемых давали плацебо.

Двадцать седьмого марта 1991 года результаты,

полученные в ходе исследований профессора Эвана Херша, признали весьма обнадеживающими и опубликовали в престижном американском издании — «Журнале Американской медицинской ассоциации». Пресса всего мира сразу подхватила эту новость, и министерство здравоохранения выдало лаборатории Пастера — Мерье разрешение на распространение этого препарата, на котором сейчас сосредоточились все надежды.

Однако два месяца спустя, несмотря на цифры, опубликованные в американском журнале, риск распространения инфекции у пациентов, принимавших имутиол, оказался выше, чем у тех, кто принимал плацебо. В обеих группах испытуемых никакой значительной разницы в эволюции лимфоцитов Т4 обнаружено не было. Разочарование стало тем более сильным, поскольку больных наблюдали достаточно долгое время.

В июле 1991 года лаборатория Пастера — Мерье в одностороннем порядке заявила в прессе, не предупредив ни врачей, ни больных, что распределение препарата приостановлено. На следующий день телефонные линии службы информации были буквально завалены вопросами больных, встревоженных тем, что препарат, который они принимали уже два месяца, может

быть опасен. Больные и их семьи, разочарованные тем, что ожидания, возлагаемые на имутиол, оказались напрасными, почувствовали себя брошенными на произвол судьбы. Среди ассоциаций борьбы со СПИДом, которые очень тогда возмутились, одна оказалась особенно активной: Act Up Paris, созданная два года назад Дидье Лестрадом по модели Act Up New York. Лестрад сожалел, что для журналистов и представителей ассоциаций так и не была созвана пресс-конференция с целью разъяснения причин этой неожиданно предпринятой приостановки распространения имутиола. Самое большое изумление вызвал тот факт, что эксперименты с препаратом, эффективность которого не была установлена в лабораториях, длились почти восемь лет. Восемь лет ожиданий, вопросов и напрасных надежд закончились для пациентов страданиями и отчаянием.

Молчание

В семье, где болезнь Дезире словно вычеркнули из памяти, теперь никто не говорил о болезни его дочери. Родители девочки уже давно спали вечным сном, и никто не упоминал о том зле, что проникло в вены Эмили. Конечно, все думали об этом каждый день, стоя возле окна и устремив взгляд в никуда, словно пытаясь угадать будущее. Все старались быстро находить подходящие ответы на любые вопросы девочки. А вопросы, по мере того как она росла и в ней развивался вирус, становились все более настойчивыми. Вглядываясь в снимки родителей, стоящие в ее комнате, Эмили наловчилась формулировать свои мысли конкретно и точно. Однако, несмотря на ее огромное желание понять, в чем дело, и на слухи, ползущие по школе, семья держалась стойко.

В субботу вечером нас с братом иногда отправляли с ночевкой к бабушке с дедом, а родители уходили обедать к друзьям. Под конец дня мама привозила нас в мясную лавку и снова куда-то уезжала с отцом, когда закрывали жалюзи на дневной перерыв. Пока мы играли с Эмили в ла-

боратории, бабушка готовила еду, а дед наводил порядок в магазине к открытию в воскресенье утром. Мы обедали в кухне, оборудованной в глубине магазина, вместе с бабушкой, дедом и Эмили, которая была рада хоть какой-то компании.

После обеда мы пешком отправлялись до «депо», то есть до жилья бабушки и деда. Перед тем как нырнуть под одеяла и заснуть под какой-нибудь мультик Уолта Диснея, мы по дороге любовались звездами. Эмили часто указывала на две очень ярких звезды, сияющих рядом, и говорила, что это мама с папой наблюдают за нами сверху. Когда же я замечал, что ее теория не вяжется с тем, чему нас учили в школе о звездах и Солнечной системе, бабушка всегда принимала сторону Эмили. Таков уж был семейный миф о ее родителях. Ей объяснили, что они заболели еще совсем молодыми и улетели на звезды, что светили над черными горами на синем летнем небе.

Однажды, когда мы с братом и с его приятелем плевали в воду с моста через речку, приятель брата завел речь о нашей сестренке. Он поинтересовался, знаем ли мы, что у нее СПИД. Его вопрос меня потряс. Я уже не впервые слышал это слово, но у меня оно ассоциировалось либо с гомосек-

суалами, либо с наркоманами. Ответ мой был категоричен: моя сестричка — не гомосексуалка и не наркоманка и никакого СПИДа у нее нет. И дальше я озвучил семейную версию нашей беды: у нее действительно какая-то тяжелая болезнь, но она в конце концов выздоровеет. В глазах нашего приятеля я увидел сомнение. Не то чтобы он мне не поверил, но словно был разочарован и огорчен тем, что я оказался последним, кто верит в эту историю.

Вернувшись домой, я сразу помчался на кухню, чтобы рассказать маме о нашем странном разговоре. Она глубоко вздохнула, положила кухонный нож и, стараясь на меня не смотреть, сказала, что Эмили действительно больна СПИДом. Однако, хотя это и правда, ей об этом говорить нельзя ни в коем случае. Если она узнает об этом сейчас, после стольких лет борьбы с болезнью, ни к чему хорошему это не приведет. Это ее только напугает и повергнет в отчаяние. Необходимо, чтобы она продолжала бороться и не опускала рук. Эта проклятая болезнь гораздо быстрее пожирает тех, кто перед ней спасовал. Я возразил маме примерно так же, как и нашему приятелю: сестренка не могла заразиться СПИДом в таком возрасте, она не была ни гомосексуалкой, ни наркоманкой. Это

чепуха какая-то.

Эмили заразилась от своих родителей. Так мне объяснила мама. Дезире и Брижит кололись наркотиками и сами заразились через чужие шприцы. А когда Брижит забеременела, ее болезнь передалась Эмили через кровь.

Вот так, всего тремя фразами, мама передала мне мою долю наследственной семейной ноши. И ее ответы потянули за собой целый океан вопросов, которые я не мог ей задать. Она казалась совершенно измученной своим вынужденным откровением. А мои воспоминания теперь обрели иной смысл: необычная худоба Брижит, когда мы в последний раз виделись с ней, та же худоба Дезире на семейных фотографиях, стиснутые челюсти отца, вернувшегося из Амстердама, беспокойство, охватывавшее маму всякий раз, когда Эмили, упав в саду, получала царапину, безнадежная тоска в ее глазах, когда она смотрела на текущую ручейком кровь… Как же плохо и медленно заживали эти пустяковые царапины!

«Конкорд»

В 1987 году в одной американской научной работе обратили внимание на то, что на начальной стадии заболевания на больных СПИДом благотворно влияет зидовудин, или AZT. Однако во Франции и в Соединенном Королевстве к эффективности этого препарата отнеслись сдержанно, особенно в случаях с так называемым бессимптомным течением болезни у ВИЧ-положительных больных, у которых она еще не развилась. Разумеется, американское исследование показало отчетливый подъем количества лимфоцитов Т4 у большей части пациентов. Но для того чтобы определить эффективность AZT и влияние на смертность зараженных, не хватало данных — исследования не были достаточно масштабными и протяженными во времени.

В 1988 году французские и британские ученые опубликовали ранее не издававшийся отчет об исследовании «Конкорда», в котором были сведены в единое целое наблюдения над самым большим количеством пациентов, когда-либо привлекавшихся для оценки препарата. «Конкорд» был призван изучить эволюцию инфекции

ВИЧ в ходе исследования 1749 ВИЧ-положительных испытуемых, находившихся в больницах Франции и Великобритании. Целью исследования было выяснение воздействия AZT в течение долгого времени. Этот колоссальный эксперимент длился более пяти лет.

Американцы, со своей стороны, смотрели свысока на этот европейский проект, считая его методологическую базу громоздкой, а индикаторы — устаревшими.

Во французских и британских лабораториях сформировали две группы пациентов. В бессимптомной фазе заболевания пациенты первой группы будут получать зидовудин, а пациенты второй группы — плацебо. Как только у кого-нибудь из пациентов проявятся симптомы болезни, ему немедленно назначат зидовудин, вне зависимости от того, к какой группе он принадлежит.

Второго апреля 1993 года журнал «Ланцет» опубликовал результаты испытаний «Конкорда». Они положили конец сомнениям, дававшим надежды многим пациентам. Цифры были безжалостны: после пяти лет лечения, несмотря на заметное увеличение количества лимфоцитов Т4 в крови пациентов, смертность в первой группе, получавшей AZT с самого начала, достигла вось-

ми процентов, а смертность во второй группе, получавшей AZT только после появления симптомов, — семи процентов. Вывод был предельно ясен: заметного преимущества у бессимптомных пациентов, получавших лечение с самого начала, не наблюдалось. Вопреки распространенному мнению, AZT, примененный еще в бессимптомной фазе заболевания, не замедляет развития вируса и не продлевает жизни пациентов. Подтвердилась, кроме всего прочего, токсичность препарата, и его репутация как чудодейственного средства рассеялась как дым.

Ученые из лаборатории фонда Берроуза — Уэллкома, которые стремились снова поднять вопрос о важности публикации результатов «Конкорда», вскоре столкнулись с тем, что их акции на бирже рухнули в течение нескольких минут.

По Франции прокатилась волна возмущения: пока ученые молчали, четырнадцать тысяч французов, принимавших AZT, узнали об исследовании «Конкорд» из СМИ, ссылавшихся на статью в «Ланцете». И только потом, задним числом, Национальное агентство исследований в области СПИДа напечатало небольшое коммюнике касательно этого вопроса.

После того как последовали еще несколько

неудач с НРА-23, или имутиолом, и его поспешный отзыв с рынка, отчаяние стало нарастать.

Тупик

В 1994 году, когда Эмили исполнилось десять лет, те подвижки в ее здоровье, которых вся семья столько лет опасалась, начались. Спящий вирус не проявился внезапно. На протяжении длительного времени его атаки становились все более регулярными и сильными. Однако с этого момента в короткой жизни девочки его разрушительное воздействие резко пошло по восходящей.

До этого момента врачей вполне удовлетворяли результаты приема прописанного ими AZT. Они не особенно обнадеживали, но в итоге показывали определенную эффективность препарата. Казалось, AZT оберегает иммунную систему Эмили. Однако и в ее случае, как и у многих других, эффект препарата постепенно сошел на нет.

Врачи сообщили родственникам, что другого лечения не существует. Единственное, что можно было сделать, — это уменьшить страдания ребенка. Все оказались в тупике: врачи лицом к лицу с родными, а те — лицом к лицу с больной девочкой. Семья мало что смыслила в вирусологии, но все всё поняли. Подобная трагедия разыгры-

валась с ними уже в третий раз. Несмотря на прогресс в исследованиях, Эмили была уготована та же участь, что и ее родителям.

Теперь надо было понять, как с этим справиться, как в это поверить. И не потому, что где-то там, в каком-то уголке галактики, прятался ответ, ради чего стараться, а просто потому, что другого выхода не было. Ситуация требовала на что-то надеяться в мире без надежды, что-то предвидеть в мире без будущего, за что-то бороться в мире, где победить невозможно. Короче, все мы были приговорены действовать впустую. Но никто не увильнул, не спасовал. Все держались героически. Не в том смысле, в каком это любят представлять в американских фильмах. Каждый до конца доиграл свою роль персонажа скромного, беспомощного, попавшего в абсурдные и безвыходные условия в мире, где уже нечего спасать. Бабушка еще больше времени проводила с внучкой. Дед тоже, насколько это было возможно, старался почаще появляться возле ее постели, отказываясь ради Эмили от своих поездок, до сих пор помогавших ему держать удар. Мои родители, дяди и тетушка по очереди приезжали в Ниццу после работы, чтобы побыть с ней. В ее больничной палате все старались уговорить ее

поесть и постоянно заводили с ней разговоры о будущем. Домой возвращались уже поздно вечером, обессиленные усталостью и отчаянием. Теперь и персонал больницы, и близкие, и друзья были уверены лишь в одном: все они потерпели поражение.

Мы с братом отказались навещать Эмили, настолько сильное впечатление на нас производила ее болезнь. Наши родители разрывались между двух решений: поддержать нас или все-таки дать Эмили возможность видеться с нами. Но потом отец нашел компромисс, чтобы приобщить нас к посещениям сестренки. Он предложил нам каждое воскресенье ездить с ним в Ниццу в кино. Поскольку в нашем городке кино показывали только раз в неделю в многофункциональном зале, да и то чаще всего это были фильмы для взрослых, такое предложение не могло нас не завлечь. Когда сеанс закончился и наша машина выехала с подземной парковки, отец объявил, что грех было бы не воспользоваться случаем и не навестить Эмили. Мы с братом попали в западню в его стареньком «Форде», который уже выехал на Английскую набережную и мчался к больнице. Деваться нам было некуда. В лифте, медленно ползущем с этажа на этаж, я пытался

заглянуть отцу в глаза, чтобы он понял меня и отказался от затеи вести нас в палату.

Шли недели, мои родители поняли, насколько все это для нас тяжело, и перестали заставлять нас навещать кузину. Несколько раз отец все-таки брал нас с собой в кино, перед тем как отправиться в больницу. Но однажды, подойдя к посту медсестер, он со вздохом разочарования попросил нас подождать его у лифтов и исчез за дверью палаты в нескольких метрах от нас. И все время, что он там пробыл, мы, испытывая стыд, разглядывали носки своих кед.

Когда мы в последний раз были в больнице, то встретили бабушку Эмили с материнской стороны. Она только что распрощалась с внучкой и уступила место дяде, то есть моему отцу. Она очень удивилась, увидев нас возле лифта, и принялась умолять, как только что умолял отец, навестить кузину. Я совершенно отчетливо помню, как мы, двое испуганных мальчишек, изо всех сил, молча мотали головами, вжавшись в дверцу лифта.

На обратном пути все молчали. Нам повезло: здесь можно было без помех послушать радио, которое у нас в городке не ловило. Какой-то из старых скетчей Колюша даже заставил отца рас-

смеяться, освободив нас от неловкого молчания: «Вот черт, ну какой же он дурак!»

Мы подъехали к ущелью, и сеть пропала. Воцарилась тишина. В темноте можно было разглядеть только ряды неярких огоньков, разбросанных по черным горным массивам. Чтобы прервать молчание, которое давило на нас, я спрашивал отца, для чего нужен яркий сигнал на приборной панели или что за название деревни мерцает вдали. Его ответы становились все длиннее по мере поступления новых вопросов. Он начал объяснять нам, как работает автомобиль, а закончил рассказом, как он в юности сопровождал отца в поездках. Его слова нас согревали, и мы слушали его, прислонясь лбами к оконным стеклам. Такие разговоры были нашим способом восстановить контакт, а вместе с ним — порядок жизни, после того как мы столкнулись с чем-то до ужаса напоминавшим смерть.

С ухудшением состояния Эмили ее постоянные переезды из дома в больницу и обратно прекратились. Девочка больше не покидала Ланваль, даже по каким-нибудь важным поводам, вроде семейных праздников или дней рождения. Педиатрическая больница стала для нее последним обиталищем: ее домом и школой, ее маленькой

вселенной. Из окна ее палаты была видна Английская набережная с неспешно гуляющими людьми и ослепительно синим морем. Мир продолжал жить своей жизнью, но для нее он теперь был недостижим и безразличен.

Однажды, выспрашивая у близких о том, откуда у нее взялась эта болезнь, Эмили со вздохом пробормотала еле слышно, что если бы ее родители не «наделали глупостей», ей бы никогда не пришлось переносить все эти мучения. Что она на самом деле поняла? Да все, несомненно. Должно быть, она вспомнила фразы, что слышала в свой адрес в школе и на улице. В ее одноместной палате, пропахшей лекарствами, все эти истории наверняка настойчиво всплывали в мозгу.

Лекарства, прицельно действующие на организм, отменили, и теперь Эмили давали только те препараты, что могли облегчить ее страдания. От некоторых из них у нее отекало лицо. Девочка принимала столько лекарств, что у нее окончательно пропал аппетит и она худела на глазах.

Эмили часто просила, чтобы пришли двоюродные братья, которые перестали ее посещать. Любой из младших рисковал занести в палату какую-нибудь пустяковую инфекцию, которая могла стать для нее фатальной. А любой из

старших, несмотря на увещевания родителей, замирал от ужаса, не узнавая в том призраке, что лежал в палате, свою прежнюю кузину.

«Дельта»

В начале 90-х годов шел активный поиск более эффективного препарата, чем AZT, лекарства, которое не давало бы таких тяжелых побочных эффектов. Ученые всего мира любой новый препарат стремились проверить на вирусе. Результатов исследований очень ждали, в особенности когда надежды больных рухнули после неудачи с «Конкордом».

AZT, разумеется, со счетов не списали. Несмотря на все побочные эффекты, препарат доказал свою способность поднимать количество лимфоцитов Т4 у пациентов и временно поддерживать их иммунную систему. Его по-прежнему назначали, постепенно уменьшая дозы. До сих пор эти гомологические соединения, несмотря на сомнительные результаты их исследования, были очень важны: даже не принося ощутимой пользы пациентам, они уменьшали побочные эффекты. И теперь ученые искали способы их соединения с другими веществами, чтобы заполнить все возникшие пробелы. В рамках этой задачи Кристин Катлама вместе с единомышленниками из больницы Питье-Сальпетриер вела исследования по

соединению AZT и 3TC. Эту молекулу чуть не выпустили из поля зрения сотрудники лаборатории Глаксо — Уэллкома (название, объединившее лаборатории фонда Берроуза — Уэллкома и Глаксо). Она не оказывала влияния на лимфоциты Т4, но после первых же лабораторных исследований результаты были налицо. В вирусной культуре соединение AZT-3TC работало.

Кристин Катлама была сторонницей относительно мягких лекарственных средств, помогающих выиграть время. Ей удалось убедить коллег из лаборатории Глаксо — Уэллкома не прекращать производство 3TC, чтобы испытать препарат на пациентах-волонтерах.

После шести месяцев лечения смертность в группе волонтеров уменьшилась, а их состояние немного улучшилось. Когда же молодая специалистка по вирусологии представила свои результаты на конгрессе в Глазго, она увидела, как в глазах слушателей вспыхнула искра надежды.

В этот же период началась разработка средства под названием «Дельта». Жан-Поль Леви и Максим Селигман решили провести эксперимент, в котором объединили усилия Национального агентства по исследованию СПИДа во Франции

и британского Совета по медицинским исследованиям. Решено было связать AZT с другой молекулой, ddI или ddC, и провести эксперимент с тремя тысячами пациентов с бессимптомным течением болезни.

Пациентов разделили на две группы. Первую назвали «Дельта-1», она насчитывала 1083 пациента, которые в прошлом никогда не принимали AZT. Вторая группа, «Дельта-2», включала 2131 пациента, которые принимали антиретровирусные препараты. После 26 месяцев эксперимента результаты, представленные 13 сентября 1995 года, показали, что пациенты с трудом переносят новые препараты, и руководящий комитет решил завершить эксперимент.

Прежде всего в это время уже и так наметилась ясная тенденция к прекращению эксперимента в каждой из групп. AZT сам по себе был очень тяжел для организма из-за побочных эффектов, а в соединении с другими препаратами его непереносимость только увеличилась. Около двух третей испытуемых прервали свое участие до окончания эксперимента, хотя в группе «Дельта-1» наблюдалось явное уменьшение количества смертных случаев среди тех, кто был в состоянии продолжать такую терапию. Смертность умень-

шилась до 38 процентов. В группе «Дельта-2» результаты были заметно хуже. И на смертность, и на продолжительность жизни пациентов прием усложненных препаратов у тех, кто никогда не принимал AZT, не влиял никак.

Эксперимент «Дельта», так же как и эксперименты, проведенные в больнице Питье-Сальпетриер, доказал, что AZT эффективнее применять вкупе с другими препаратами, чем в режиме монотерапии. Впервые солидные эксперименты подтвердили, что соединение зидовудина с другой молекулой замедляет развитие связанных с инфекцией осложнений и существенно увеличивает продолжительность жизни пациентов.

Бог Отец

Я не знаю, верила ли моя мама в Бога хоть один день. Не думаю, что она к этому пришла. Те редкие искорки веры, что вспыхивали в ней, сразу наталкивались на суровую реальность мира. Но мы с братом все-таки записались на еженедельный курс катехизиса, который вел местный священник. Большинство наших друзей уже посещали этот курс, и мы с братом чувствовали себя одиноко на школьном дворе, когда они занимались.

Я хорошо помню эти уроки, выстроенные по одной и той же схеме. Священник начинал с того, что рассказывал нам какой-нибудь эпизод из Библии или сцену из истории религии. Потом он раздавал нам по рисунку на эту тему, а мы должны были рисунок раскрасить. Однажды он рассказал нам о Лурде. История о чудодейственном источнике нас захватила, тем более что он никогда не иссякал и находился от нас всего в каких-нибудь нескольких сотнях километров.

В тот же вечер я выбежал навстречу маме, когда она возвращалась с работы. Я рассказал ей про грот, где бьет целебный источник. Грот

находится в Пиренеях, в маленьком городке под названием Лурд, и вода его очень целебная, она лечит все болезни, даже неизлечимые. Люди, пришедшие к источнику на костылях, выходили оттуда вприпрыжку. Мама слушала меня рассеянно, раскладывая покупки к обеду по полкам кухонного шкафа. Когда же я стал убеждать ее, что нам просто необходимо свозить к источнику мою сестренку, она не сдержалась и ответила довольно резко. Она сказала, что Эмили и так уже выпила не один литр этой «чудодейственной» воды, что каждый раз, когда кто-нибудь из нашего городка отправлялся в Лурд, ей привозили пластиковую бутылку, по форме напоминающую силуэт Богородицы, наполненную этой водой. Никакого проку от воды, конечно же, не было. Глупости все это.

Я опустил голову и поплелся делать уроки. Мама догнала меня в коридоре, чтобы извиниться за резкость. Мысль о Лурде была весьма похвальная и благородная, но это уже испробовали. А я большой молодец, что вспомнил об этом.

Пока был маленьким, мама часто повторяла мне, что «сейчас не время» разговаривать с ней о Боге и что никакие амулеты или святая вода не облегчили агонию моих дяди и тети, моей сест-

рички. Она говорила, что если бы Бог где-нибудь и существовал, он бы такого никогда не допустил. Этому своему убеждению она изменила только в день похорон, когда страдание подтолкнуло ее к мистицизму. А до этого однажды вечером, сидя у телевизора, она обозвала папу римского дураком: Иоанн-Павел Второй с экрана отговаривал молодежь пользоваться презервативами в самый разгар эпидемии СПИДа.

В последнее лето жизни Эмили мама будила нас по воскресеньям в девять утра, просила пойти к мессе и помолиться за сестренку. Она говорила, что вряд ли это поможет, но это последнее, что нам оставалось.

Внутриутробная передача вируса по материнской линии

Первые французские исследования, касающиеся беременных ВИЧ-положительных женщин, появились в 1987 году. Механизмы наследственной передачи по материнской линии надолго останутся загадкой для ученых, и поэтому заражение именно этим путем очень трудно будет предотвратить.

Изучая пробы, взятые у плода после выкидышей и абортов, ученые заметили, что признаки заражения очень редки. Тогда предположили, что заражение происходит в течение последнего триместра беременности, а не в ее начале. Постепенно выявили и другие случаи, когда инфекция переходит от матери к ребенку: во время подготовки к родам, в момент выхода плода из утробы и, наконец, во время кормления грудью.

В начале 90-х годов заметили, что развитие болезни у ребенка проходит по-разному, в зависимости от момента беременности, когда произошло заражение и вирус перешел к нему от матери. У детей, инфицированных во втором

триместре, болезнь развивалась очень быстро, а у детей, инфицированных в последнем триместре, — гораздо медленнее. И у них болезнь протекала по схеме взрослого человека.

Первые тесты по определению механизма трансмиссии проводили на мышах. Ученые перепробовали множество молекул на предмет их способности препятствовать передаче вируса. В этой области у них возникли большие трудности при испытаниях на людях, как с точки зрения технической, так и с точки зрения этики.

В США пришлось дожидаться 1991 года, а во Франции — 1993-го, чтобы начать исследования ACTG 076/ANRS024. Во Франции их проводили под эгидой Французского национального института здравоохранения и медицинских исследований (Inserm) и Национального агентства по исследованию СПИДа (ANRS), а руководил ими профессор Жан-Франсуа Дельфресси. В то время парижский иммунолог работал в больнице Кремлен-Бисетр, которая представляла собой настоящую гекатомбу. Только в одном этом здании за год умирало около 120 больных. Атмосфера там была тяжелая.

Исследования ACTG 076/ANRS024 состояли в том, чтобы давать матери AZT во время беремен-

ности, а ребенку — в первые недели его жизни. За способностью препарата препятствовать риску внутриутробного заражения следили очень пристально.

Из 477 беременных женщин сформировали две группы. Одна получала AZT, вторая — плацебо. И точно так же после рождения не все дети получали AZT.

Первые результаты были обнадеживающими. К моменту анализов у женщин все дети уже родились на свет. Число зараженных у тех, кто получал AZT, составляло примерно восемь процентов, а у тех, кто принимал плацебо, — примерно 25 процентов. Молекула доказала свою способность ограничить риск внутриутробного заражения ребенка. Результаты были настолько хорошими, что комитет по этическим вопросам решил прекратить давать пациенткам плацебо и начать применение AZT.

Эти данные были опубликованы в 1994 году. Сразу же после публикации Всемирная организация здравоохранения приняла решение развивать международное сотрудничество в этой области.

Черепашки-ниндзя

К концу лета Эмили уже несколько недель не покидала свою палату в больнице. Однако ей в порядке исключения разрешили навестить семью в городке. Малышка превратилась в тень. Бледная, исхудавшая, она не могла пройти и нескольких шагов без посторонней помощи. Однако Эмили не жаловалась. Казалось, она смирилась с тем, что ее тело отказывалось повиноваться, словно разучившись делать все, что раньше для него не составляло труда.

Наши родители пришли к соглашению, что мы с братом больше не будем ездить к кузине в больницу. Но в таком исключительном случае мама нам выбора не оставила. В городке к вечеру ждали машину «Скорой помощи», которая должна была привезти Эмили. Мама настояла, чтобы мы ровно в 16:00 вернулись после занятий по плаванию в муниципальном бассейне и провели несколько минут с сестренкой.

Не помню, чтобы в детстве я вообще куда-то опаздывал, разве что в тот день. Мы с братом нарочно не смотрели на часы, висевшие над стулом тренера, надеясь опоздать. В 16:30 возле решетки

ворот бассейна появилась мама. Прятаться и дальше мы не могли. В машине, по дороге домой, она с трудом сдерживала гнев. Она все твердила про тяжесть момента и про то, что, быть может, этот день станет последним, когда мы сможем увидеться с Эмили. Нам с братом только-только исполнилось по одиннадцать лет, а мы уже почувствовали себя жалкими и никчемными.

Эмили поджидала нас в комнате, где мы прежде играли. Коридор родного дома показался мне таким же бесконечным, как и больничный коридор несколько месяцев назад. Когда мы вошли в комнату, она спокойно сидела и задумчиво смотрела на экран выключенного телевизора. В тягостном молчании мы уселись рядом с ней. Мы предложили сыграть в «Черепашек-ниндзя», нашу любимую игру на «Нинтендо». За то время, что Эмили не было в городке, мы значительно продвинулись в прохождении препятствий. Но декорации последнего уровня ее, казалось, не впечатлили. Металлические звуки консоли мешали разговаривать. Мы с братом отдали сестре джойстик, чтобы она могла поиграть, но у нее не было сил даже удержать его в руке. Ее глаза, полные отчаяния, блуждали по кричаще-ярким изображениям на экране, но мир, который они

представляли, ее уже не волновал. Болезнь отняла у Эмили детское восприятие мира. То, что когда-то захватывало или восхищало ее, теперь вызывало только безразличный вздох.

Предоставив нам возможность наблюдать за ней краем глаза, она спросила у мамы, где ей можно прилечь. Мама провела ее в мою комнату, и она сразу там заснула.

Эмили в последний раз приехала поиграть с нами, но нам так и не удалось увлечь ее игрой. Люди, мебель — все было на местах, но словно пряталось от нее. И двое мальчишек, с которыми она провела столько дней, носясь по улицам родного городка, и столько вечеров, просматривая глупые мультики, уже не вызывали у нее ничего, кроме воспоминаний о жизни, которая ее покидает.

Проснувшись, Эмили попросила маму отвезти ее к дедушке и бабушке.

«Сталинград»

В марте 1995 года в больнице Раймона Пуанкаре в Гарше Жак Лейбович никак не мог угомониться. Он был первым во Франции, кто выдвинул гипотезу, что болезнь может вызывать ретровирус. Темперамент у него так и остался неукротимым. И теперь он без конца рассказывал всем, кто хотел слушать, что это именно он по буквам продиктовал Вилли Розенбауму слово «ретровирус», когда они обедали в «Клозери де Лила». Они тогда поссорились, и Лейбович сблизился с американцами, а его коллега запросил помощи в Институте Пастера.

Профессиональное сообщество согласилось, что Лейбович с его характером способен и на лучшее, и на худшее: и на вспышки гнева, и на ослепительные озарения, какие бывают у гениев. Даже если запальчивость и отдалила его от научного сообщества, то исключительный интеллект позволил ему заметно продвинуться в исследованиях. Он был не согласен с большинством французских первооткрывателей загадочного вируса, а потому достаточно быстро вышел из французской группы, работавшей над пробле-

мой СПИДа. Однако в первом заседании группы весной 1982 года он участвовал. В то время во Франции было обнаружено всего около двадцати случаев СПИДа. Как и все сотрудники Института Пастера, он регулярно публиковал свои результаты и сотрудничал с командой Роберта Галло. Но Лейбович слишком поспешно принял гипотезу ретровируса группы HTLV, а сотрудники института Пастера в это время открыли другой ретровирус, LAV, потом переименованный в VIH.

Тем не менее эта исходная ошибка не помешала ему стать одним из первых ученых, кто вручную уничтожил вирус в пробах крови, причем в тех, что предназначались для переливания, и сделал это задолго до того, как Институт Пастера разработал тест ELISA. Как и сотрудники Института Пастера, он стремился расшевелить министерство социальных проблем и заставить его увидеть угрозу, нависшую над теми больными, которым делали переливание крови. И сегодня, на заре нового века, он остается одним из десяти практикующих французских врачей, кто очень много сделал для исследований в области СПИДа.

В то время, когда в корпусе института, предназначенном для больных СПИДом, умирали примерно три пациента в неделю, Жак Лей-

бович продолжал исследования за пределами окружной дороги, в своей спокойной маленькой лаборатории больницы в Гарше. Отгородившись от тревожной атмосферы переполненной больницы, которая превратилась в настоящее чистилище для умирающих, он работал над своей идефикс: над уничтожением вируса с помощью битерапии (лечения двумя препаратами), то есть коктейля из молекул.

Эта мысль постепенно укоренялась в нем, как и в других его коллегах. Путь ему освещали результаты битерапии. Это превратилось в одержимость, он отказывался верить, что арсенала средств, способных поразить вирус, пока еще нет. Он ищет, комбинирует, соединяет, меняет дозы и постоянно оценивает полученные результаты. И задача все усложняется, поскольку в середине девяностых возрастает количество потенциально пригодных к использованию в этих целях молекул.

Особенно его интересовали антипротеазные молекулы, действующие на той стадии репродукции вируса, когда еще можно эту репродукцию прервать. Здесь совокупность обстоятельств была наиболее благоприятна. И действительно, с распространением и развитием тестов вирусной

нагрузки, особенно благодаря работам Франсуазы Брен-Везине и Жана Дормона, было возможно с гораздо большей точностью проследить и оценить эффективность лечения, напрямую замеряя количество вирусов в крови больных. До этого ученые довольно долго определяли лишь степень ущерба, нанесенного иммунной системе, подсчитывая количество лимфоцитов Т4.

С двадцатью пациентами, у которых подтвердилась болезнь, Лейбович попробовал лечение тритерапией, сочетая AZT, ddC и ритонавир, то есть антипротеазу, полученную в американской лаборатории Эббот, которую он считал самой эффективной из средств этой линейки. Ему хотелось одолеть вирус, объявить ему беспощадную войну, и он назвал свое детище «Сталинград». Два исследования такого же типа проводились и в США.

Результаты «Сталинграда» тем более впечатляют, что их можно было наблюдать уже через несколько месяцев. Лейбович, как и все его единомышленники, в течение десяти лет напрасно искавшие способ прекратить гибель пациентов, был оглушен. Ему с трудом верилось, однако цифры первых оценок были точны и категоричны: несмотря на тяжелые побочные эффекты, у всех

больных наблюдалось очевидное уменьшение вирусной нагрузки. Наконец-то.

Маятник

В середине октября страдания Эмили все не прекращались. Мои родители по очереди ездили навестить ее после работы. Возвращались они очень поздно. В тишине и полумраке они делились последними новостями, доедая остатки ужина. Мы с братом в это время уже давно были в постелях. Из своей комнаты мы не могли слышать, о чем взрослые говорили на кухне. До нас долетали только шепот отца и сдавленный плач мамы. Когда же они приходили поцеловать нас на ночь, мы притворялись, будто уже спим, словно хотели отстраниться от их отчаяния.

Покупатели мясной лавки каждый день спрашивали, как себя чувствует «малышка». Когда люди возвращались с вечерней мессы, пожилые дамы останавливались и сообщали маме, что священник говорил об Эмили в проповеди и что все молились за нее. В школе учитель предложил всему классу послать ей рисунки и письма, чтобы подбодрить.

В это время в магазин позвонила какая-то женщина из нашего городка. Ее двоюродный брат

был магнетизером, и ему удавалось вылечивать больных, считавшихся неизлечимыми. Она извинялась, что в такой трудной ситуации потревожила моих бабушку с дедом. Эмили находилась в состоянии медленной агонии, и очень может быть, что стоит попытаться прибегнуть к методу гипноза. Он мог бы поработать на расстоянии, с фотографией девочки, но было бы лучше с ней встретиться, поскольку при личном контакте вероятность излечения гораздо выше.

Вся семья в полном составе собралась, чтобы обдумать и обсудить решение. Мои родители, конечно же, верили в подобные исцеления не более чем в святую воду из Лурда. Однако если это обнадеживало бабушку и вдохновляло еще побороться за жизнь внучки, то мама была согласна. Итак, мои дяди, тетушка и родители эту идею приняли. Встречу организовали через несколько дней в больнице.

В тот день, примерно за час до окончания времени визитов, в палату к Эмили вошел господин лет пятидесяти. Семья попросила у него разрешения присутствовать на необычном сеансе. Ему пододвинули стул, и он уселся рядом с кроватью девочки. В нескольких словах изложив суть своей необычной профессии, он предложил

приступить к делу.

Минут десять он шептал какие-то заклинания, приложив руку к исхудавшему тельцу Эмили. Другой рукой он тихонько покачивал золоченый маятник. Все сидели тихо, не шевелясь. Потом гипнотизер на секунду замолчал, выпрямился на стуле и усталым голосом объявил, что сеанс окончен.

Он попрощался с моей сестренкой, пожелав ей выздоровления и похвалив за мужество, с которым она до сих пор держалась. Бабушка с дедом проводили его до конца коридора и поблагодарили за то, что приехал в Ниццу. Этот человек снова вселил в них надежду. Перед отъездом он признал, что его наука далека от точности, но он готов попытаться. С этого дня он ежедневно будет проводить сеансы по фотографии Эмили, которую ему с радостью предоставили.

Через несколько минут после его ухода медсестра принесла Эмили еду, и та принялась за нее с таким аппетитом, какого у нее не было уже несколько месяцев. К ней словно вернулись силы, что очень порадовало бабушку.

Несмотря на этот короткий момент передышки, состояние кузины неуклонно продолжало ухудшаться. Анализы крови, проведенные через

несколько дней после сеанса, никак не отразили магнетического могущества пятидесятилетнего энтузиаста и его маленького позолоченного медного маятника.

Вашингтон

В январе 1996 года на конгрессе в Вашингтоне предъявили наглядные результаты, достигнутые благодаря использованию тритерапии в рамках двух испытаний, одним из которых, под названием «Сталинград», руководил Жак Лейбович в больнице в Гарше. В исследованиях объединили три совершенно разных вещества. Американцы к уже известным и испытанным AZT и ddI добавили антипротеазный индинавир, а французы вместо индинавира воспользовались ритонавиром. Цель была одна: уничтожение вируса в крови пациентов. После пятнадцати лет поисков, удач и ошибок, поражений и надежд результаты оказались весьма обнадеживающими.

Сообщения с Вашингтонского конгресса гласили, что количество вирусов в крови пациентов может быть разделено в цифровом соотношении как 100 к 1000. 100 — это количество вирусов у тех, что принимали лечение, а 1000 — у тех, что никогда не получали антиретровирусных препаратов. Впервые на международной конференции были озвучены такие впечатляющие и обнадеживающие данные. Подумать только, значит, вскоре

можно будет окончательно блокировать воспроизведение вирусов ВИЧ в крови пациентов…

Однако, несмотря на неоспоримый прогресс, работы оставалось еще очень много. При каждом исследовании примерно один человек из четырех отказывался от лечения с тяжелыми побочными эффектами. Тогда условились тестировать новые комбинации молекул у пациентов, уже имевших опыт участия в испытаниях антиретровирусных препаратов.

Медики оказались лицом к лицу с двумя серьезными вызовами. С одной стороны, надо было найти комбинацию молекул, как можно лучше подходившую каждому из пациентов. С другой — максимально быстро сделать доступным достаточное количество новых средств.

Ноябрь

В один из ноябрьских дней в доме зазвонил телефон. Отец раньше времени закрыл мясную лавку. Родители объявили, что отведут нас к друзьям с ночевкой. Возможно, завтра утром мы пойдем в школу вместе с ними. Домой мы вернемся не раньше завтрашнего вечера. Они просили нас хорошо себя вести. Эмили стало хуже, и поэтому им нужно поехать к ней в Ниццу.

Я сразу представил, как отец вовсю гонит машину, стремясь получше вписаться в крутые повороты шоссе, увидел тусклые созвездия огоньков деревень в ночи, сверкание наледи на дороге в свете фар. От стен ущелий подымается туман, а потом вдруг, словно скатившись в долину, открывается небо.

Мне ничего не было слышно… Конечно же, это ворчание дизеля старенького «Форда» моего отца нарушало ночную тишину: он спешил, чтобы успеть вовремя. И он наверняка оставил маму у входа в больницу, желая выиграть хоть несколько секунд.

Но не выиграл. Они оба поняли это, войдя в отделение, где лежала Эмили. Их сразу окружи-

ли медсестры, медбратья и санитары. Никто не плакал, все разглядывали мыски своих тапочек, по-своему выражая соболезнование. Все было кончено. Они приехали слишком поздно, чтобы увидеть ее живой в последний раз.

Эмили умерла. Ее организм в конце концов сдался. Она только что уснула в окружении бабушки, деда, дядей и теток. Остальные члены семьи, которых успели предупредить, тоже примчались среди ночи. Заведя руки за спину, они, робея, жались к стенам коридора, чтобы дать дорогу врачам и персоналу, и по очереди в последний раз подходили к телу девочки. Из стеснения и из боязни создать малейший шум они, обнявшись, еле слышно шептали друг другу слова утешения и старались плакать беззвучно.

Вирус до конца прошел весь путь согласно логике абсурда. Вопреки теории, провозглашавшей его некой умной сущностью, он уничтожил свою хозяйку, подавил ее иммунную систему. Он сам подпилил опоры собственного убежища, которое в итоге на него и обрушилось. Остывшее тельце Эмили стало для него тупиком, дорогой в один конец. Ему удалось перебраться от отца девочки к матери, а потом от матери и к ней самой, но теперь для него не осталось ни одного судна,

которое можно было бы потопить. Сколько еще времени он сможет продержаться в ее венах, циркулируя внутри исхудавшей мертвой плоти? Несколько часов? Несколько дней? Никому, кроме похоронной команды, и в голову не приходило задавать себе такие вопросы. А похоронная команда отнеслась к телу Эмили с теми же предосторожностями, что и к телам ее родителей.

После многих лет дежурства у постели девочки никто не смирился с тем, что придется покинуть эту больничную палату. Некоторые словно не хотели возвращаться домой без нее. С потерянным видом глядя в окно на Английскую набережную, все замкнулись в молчании. А над морем, разрывая ночную тьму, спокойно занимался рассвет.

Лотерея

После Вашингтонского конгресса лаборатория Эбботт и компания «Мерк», то есть два из трех производителей антипротеазы, заявили, что они не в состоянии выбросить на рынок такое количество препарата, какое требуется в мире на данный момент. По обе стороны Атлантики еще жив был страх, что эти новые вещества, необходимые для тритерапии у больных ВИЧ, окажутся несовместимыми с уже известной средой. И министерство здравоохранения Франции на всякий случай завело разговор о «несоответствии спроса и предложения».

Двадцать шестого февраля 1996 года Национальный совет по СПИДу по настоянию министерства рекомендовал временно, в порядке исключения, вернуться к испытанному способу «жребия среди больных», в ожидании увеличения производства препарата в лабораториях. Как и следовало ожидать, такая рекомендация вызвала взрыв негодования и среди больных, и среди общественных организаций. Возмущение было огромным, но к большому шуму не привело. Многие врачи, беспокоясь о репутации некоторых

известных служб, как оказалось, оборудованных не лучше других, предпочли промолчать.

Под влиянием общественных организаций Национальный совет по СПИДу теперь настаивал, чтобы правительство Франции надавило на США и добилось скорейшей поставки достаточного количества антипротеазы. В это же время совет предложил в первую очередь лечить пациентов, чей иммунитет особенно сильно пострадал. Вместе с этим сочли необходимым резервировать доступные препараты для пациентов, у которых количество Т4 было меньше, чем сто единиц на кубический миллиметр, а из этих пациентов — для тех, у кого клинические признаки развития болезни вызывали наибольшую тревогу. Кроме того, правительство Франции заявило, что при первой же возможности станет закупать у США необходимые препараты вне зависимости от статей бюджета. Предполагалось, что лечение будет необходимо тысяче новых заболевших ежемесячно.

Через два дня, в среду, 28 февраля, премьер-министр Ален Жюппе в своем коммюнике окончательно исключил всякую «жеребьевку» среди больных. Теперь препарат будет доступен в таком количестве, о каком прежде и мечтать

не могли. Дефицита, которого так боялись во Франции, больше не будет.

И снова ноябрь

О погребении Эмили я почти ничего не помню. Но и то малое, что осталось в памяти, я хотел бы забыть. Маленький белый гроб, опломбированный, как и гробы ее родителей. Гробы таких размеров вообще не должны существовать. Даже у Христа, до того как он коснулся земли ногой, выйдя из своей пещеры-усыпальницы, было необходимое время, чтобы вырасти.

Я ничего не помню, кроме сухого и холодного ноябрьского утра и молчаливой толпы людей, которые отводили глаза, прислушиваясь к причитаниям моей бабушки. Она идет во главе кортежа, и кто-то поддерживает ее, как раненого солдата, вернувшегося с фронта после полного разгрома его войск.

В нашем городке похороны никого не оставили равнодушным. На прощание с Эмили собралась вся община. Лавочники закрыли жалюзи, дети не пошли в школу, ремесленники покинули свои мастерские, а служащие отпросились на вторую половину дня, чтобы быть на месте.

Несмотря на холод, закрыть в тот день церковные двери так и не получилось. Кроме семьи,

соседей и близких людей, много народу поднялось в городок из Ниццы. Здесь были врачи, санитары, сотрудники объединения помощи детям, зараженным СПИДом. Многие из них не были знакомы друг с другом, но хорошо знали Эмили.

Во время церемонии священник говорил очень образно. В его речи не было упоминаний о героине, СПИДе или AZT. Нет. Он изъяснялся только эвфемизмами и метафорами. Эмили ушла, чтобы присоединиться к своим родителям, которых ей так не хватало, в мир покоя, где она не будет больше страдать. Да кто же мог в это поверить? Если бы хоть одно его слово восприняли всерьез, мир не был бы столь печален.

Священник так рассказал о ее короткой жизни, словно все заранее было предначертано Богом. Тем самым Богом, которого столько раз напрасно просили вмешаться, тем Богом, что всех избавил от необходимости задавать себе вопросы об этой истории. Самые страшные агонии он представил как божественный зов, а закрытые в опломбированных гробах тела — как души тех, кто удостоился чести живыми вознестись к нему. Только несказанная печаль и глубочайшее отчаяние могли заставить кого-то в это поверить.

Длинный кортеж провожал маленький белый гроб на вершину холма. Людская река вытекала из церкви и, выходя из берегов, двигалась к кладбищу. В тот момент, когда гроб опускали в могилу, бабушку снова пришлось поддержать под руки. Она отказывалась признать свое поражение. Ребенка очень осторожно опустили к родителям в склеп, уже и без того заполненный до отказа. Толпа на несколько минут расступилась, чтобы члены семьи могли поклониться могиле.

Вечером после похорон все собрались в доме бабушки и деда. Все пытались что-то съесть, что-то выпить или утешиться теплыми словами поддержки и знаками любви, которые были адресованы им в этот день. Они составляли бесконечный список тех, кто пришел на похороны, тех, кто помогал ухаживать за Эмили, чтобы потом не забыть всех поблагодарить лично.

Отец с дедом разговаривали о собаках, а мама тем временем поила бабушку снотворным. После всех этих лет, проведенных в самозабвенной борьбе, им ничего не оставалось, кроме как заботиться друг о друге.

СПИД от нас отступился. Он принялся уничтожать другие тела и коверкать другие души, мечтающие просто жить. За собой он оставлял

только уцелевших из семей, попавших под его удар. Они обменивались таблетками, которые не могли их усыпить, чтобы хоть на несколько часов забыть о том, что теперь будет преследовать их всю жизнь.

Эпилог

Нобелевская премия

Шестого октября 2008 года Франсуаза Барре-Синусси находилась в Камбодже, где проходило заседание союза исследователей, посвященное испытаниям препаратов для лечения совмещенных инфекций туберкулез — ВИЧ. С начала 2000-х годов она была координатором исследований, которые проводились совместно с Францией в области ВИЧ и вирусных гепатитов для Национального агентства научных исследований. Обмен мнениями уже начался, когда у нее завибрировал телефон. Журналистка из «Радио Франции» хотела срочно с ней встретиться и сама удивлялась, что дозвонилась до нее. Поскольку журналистка поняла, что ее собеседница не в курсе событий, то решила лично сообщить ей новость: Франсуаза Барре-Синусси совместно с Люком Монтанье получили Нобелевскую премию в области медицины за открытие в Институте Пастера в 1983 году вируса СПИДа. Работы французских ученых в этой области наконец-то были признаны как исследования высочайшего уровня.

Со всех сторон тут же послышались недоволь-

ные голоса: почему премии удостоены только двое исследователей? Почему не расширили список лауреатов? Все сразу вспомнили о том, что тревогу по поводу распространения инфекции первыми забили Франсуаза Брен-Везине, Вилли Розенбаум и Жак Лейбович, которые подняли на ноги Институт Пастера. Вспомнили о Клоде Шермане, который руководил лабораторией, где работала Франсуаза Барре-Синусси, о Давиде Клацмане, который первым заметил воздействие вируса на лимфоциты Т4. Все также удивлялись, почему так много времени прошло, прежде чем французских ученых оценили по достоинству? По мнению Нобелевского комитета, эти двадцать пять лет были необходимы, чтобы оценить значение открытия в глобальном масштабе.

В интервью различным СМИ Франсуаза Барре-Синусси воспользовалась случаем, чтобы воскресить в памяти все годы поисков, формальных и неформальных встреч, все международные конгрессы, в которых она принимала участие вместе с французскими и зарубежными единомышленниками. И теперь, в момент общего признания, она сожалела только о том, что, несмотря на прогресс в методах лечения, эпидемию искоренить пока не удалось.

Церемония вручения Нобелевской премии состоялась в Стокгольме 10 декабря 2008 года. В своих выступлениях оба лауреата подчеркнули коллективную заслугу многих ученых, благодаря которым стало возможным совершение этого важного открытия.

Боль

В семье никто не вспоминал об этой истории.

Однажды в воскресенье, через несколько месяцев после похорон нашей сестренки, когда отец мастерил полки в гараже, мы с братом вдруг услышали, как он с громкой руганью одну за другой разбивает ногами деревянные дощечки. Сладить со своей яростью он не мог. И однажды наступил день, когда он бросил все: семью, мясную лавку и наш городок.

С тех пор мама уже не была прежней веселой болтушкой. После отъезда отца ее жизнь сильно изменилась. От прежнего времени у нее не осталось ничего, кроме фотографии в рамке, стоявшей рядом с телефоном. Прикасаться к ней не имел права никто. С фотографии смотрела маленькая девочка.

Что же до бабушки, то она, когда я стал юношей, хоть и не напрямую, но постоянно советовала мне пользоваться презервативами. Доходило до того, что она предлагала сходить в аптеку вместо меня и всегда говорила, что это очень важно и что нет ничего постыдного всегда иметь презервативы при себе. Однажды утром она, проснувшись,

вдруг стала кашлять кровью. Врач посоветовал ей съездить в Ниццу и провести исследование, после которого диагноз стал ясен. Болезнь унесла ее через несколько недель. В городке потом часто говорили, что, постоянно заботясь о ком-то, она забывала позаботиться о себе.

После смерти Луизы Эмиль остался один с собакой. Теперь он, тот, кто вообще не знал, что такое отдых, стал пенсионером и целыми днями возился в огороде, предлагая свежие яйца и овощи всем желающим. Историю, которую я постарался описать, он вспоминал еще реже, чем другие. Он умел себя выразить, только раздавая плоды своего труда и всех подряд благодаря непонятно за что.

Когда он стал терять зрение и память и не мог больше копаться в огороде, то принялся бесцельно бродить по городку вместе со своим псом. Встречая кого-нибудь, он сразу же заводил беседу. Ведь он помнил еще процветание своей супрефектуры, а теперь просто не узнавал этих пустых улиц и брошенных магазинов. Старик расхаживал по прежде процветавшему городу, который умер гораздо раньше. Люди часто видели, как он сидел на скамейке, греясь на солнышке. Может, он нашел наконец свою разновидность покоя.

Однажды, перед самой смертью, он попросил моего брата помочь ему взобраться по ступенькам, ведущим в дом. Болезнь Альцгеймера смешала все времена у него в голове, и он вдруг заявил, что опять видел Дезире, заснувшего на улице. Поскольку разбудить сына не удалось, он просил помочь дотащить того до кровати.

— Он снова укололся. Ну мы ему покажем, где раки зимуют... А ты знаешь, что эту гадость он подцепил вместе с наркотиком?

Это были единственные слова, пробившиеся у него сквозь броню мучительной боли.

Первоисточник

Третьего октября 2014 года в журнале «Наука» была опубликована коллективная статья. Интернациональная команда врачей, которой руководил Нуно Фария из Оксфордского университета, утверждала, что ей удалось установить время и место возникновения вируса, положившего начало эпидемии СПИДа.

Уже много лет было известно, что ВИЧ представляет собой одну из форм вируса, перешедшего к человеку от крупных обезьян. Возможно, произошел какой-то несчастный случай на охоте, возможно, это напрямую связано с употреблением в пищу обезьяньего мяса. Географическая точка появления инфекции — юго-восточная территория Камеруна. Именно с этого региона ученые начали прослеживать ее распространение.

Они в строгой последовательности расположили вирусы, содержавшиеся в сотнях образцов, взятых на территории этого большого региона и хранящихся в лабораториях Нью-Мексико. К тому же им удалось сразу проследить генетическую эволюцию ВИЧ и траектории его перемещения. В

1920-е годы первый инфицированный прибыл из Камеруна в Киншасу, Конго. Болезнь стала быстро распространяться по крупным соседним городам, таким как Браззавиль, Бваманда и Кисангани, поскольку в стране бурно развивались урбанизация, транспорт, а вместе с ними — кампания колониальной вакцинации. Возможно, объяснение, каким образом вирус пересек Атлантику, кроется в большом количестве рабочих-гаитян в этом регионе Африки в 60-е годы прошлого века. И по тому же признаку можно понять, почему первые случаи заражения, зарегистрированные в 80-е годы, в основном наблюдались у представителей именно этой народности.

В день публикации этого фундаментального труда число жертв СПИДа перевалило за 36 миллионов.

Свет

Чтобы найти что-нибудь, напоминающее о моем дяде, надо было проехать по дороге вдоль реки выше нашего городка. Когда я спросил маму, остались ли в этих краях друзья Дезире, она ответила, что все они уже умерли. Все, кроме одной подруги. Я нашел ее имя в справочнике и однажды зимним вечером решил набрать ее номер.

На старой ферме на холме зазвонил старый телефон, и моя собеседница услышала имя, которое не произносили уже тридцать лет. После тяжелого вздоха она заговорила:

— А, Дези, бедняга… Знаешь, ведь Дези — это моя юность. Извини, если я долго стану подбирать слова: я волнуюсь, когда говорю об этом. Не ожидала, что меня о нем кто-то спросит. Главное — я хочу, чтобы ты узнал, каким он был весельчаком. Ты и представить себе не можешь, что это был за затейник. И настоящий друг. Он постоянно замышлял что-нибудь этакое, поскольку в городке у нас было ужас как скучно. Наши родители хотели, чтобы мы жили, как они, и работали с утра до ночи, а нам на это было наплевать. Мы хотели жить по-своему, совсем по-другому. В то время

среди нас было много левых, даже маоистов. Этого мы набрались в лицее, на факультете. Нам хотелось жить, как живут писатели, которых мы читаем, как музыканты, которых мы слушаем. В ту пору почти все употребляли наркотики. Всем хотелось поэкспериментировать, и нам тоже. Однажды, когда скука заела Дези больше обычного, он рванул в Амстердам, так легко, словно речь шла всего лишь о дружеской попойке в Ницце. Мы пытались его догнать и вернуть, но он оставался там и после нашего отъезда, пока твоя бабушка не велела твоему отцу привезти его домой, даже если придется его ловить.

Мы перепробовали все: сигареты с наркотиком, ЛСД, потом героин… Для нас это было открытием. Я знаю, что понять это нелегко, но уж если ты попробовал и тебя некому остановить, остановиться сам ты уже не сможешь.

Вернувшись в наш городок, мы продолжили в том же духе. Наркотики покупали в Ницце, где в паре баров нас уже знали, потом останавливались, чтобы в мусорных баках больницы найти шприцы. Иногда мы просили проституток с Английской набережной продать нам немного наркоты, а если девчонки были настроены дружески, то они и в долг давали. Ни о чем другом

мы не думали. Это стало нашей жизнью.

Передоза мы не боялись. В крайнем случае мы предпочли бы загнуться от наркоты, чем жить, как наши родители, убивая себя работой. Не могу назвать тебе точную дату, но я хорошо помню тот день, когда мы вмазались впервые. Мы услышали по радио, что убит Пьер Гольдман[3]. Для нас это был настоящий удар. Мы жили надеждой, что шестьдесят восьмой год снова наступит, и вдруг поняли, что людей теперь интересуют другие проблемы и надеяться нам не на что.

А потом пришла болезнь. Поначалу в это никто не поверил. Ясное дело, наши семьи были приговорены. Твои бабушка с дедом очень напоминали моих родителей. Они всю жизнь гнули спины, чтобы у их мальчиков ни в чем не было недостатка. А тут их словно громом поразило. Они стойко приняли удар. Уверена, им все это далось нелегко, как и твоему отцу. Ему пришлось заботиться и о

---

[3] Примечания: 3

Пьер Гольдман (1944–1979) — личность весьма неординарная. Его интересы охватывали диапазон от революционных выступлений и участия в подпольном сопротивлении властям до ограбления банков. Он был приговорен к 12 годам тюрьмы за вооруженные ограбления, потом был оправдан. Странно, что его имя автор упоминает в связи с 1968 г., когда волны студенческих протестов прокатились по Европе. Гольдман в этих выступлениях участия не принимал. Большую известность ему принесла книга «Темные воспоминания польского еврея, родившегося во Франции», написанная в тюрьме и изданная в 1975 г.

Дезире, и о Брижит, а потом и о малышке. Бедная девочка, она ни о чем не просила. Они сделали все что смогли, но, сказать по правде, было уже слишком поздно…

Со мной впервые говорили о моем дяде вот так, без обиняков, без гнева и злобы. Я понимал: все, что осталось от него, существует только в памяти этой чудом уцелевшей женщины. Перед тем как положить трубку, смутившись после этого длинного путешествия во времени, я поблагодарил ее за то, что нашла слова и рассказала о жизни, которую, как мне казалось, я никогда не смогу вытащить на свет божий.